

АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Выпуск 11

Клад металлических предметов из Богатыревки

АВЕС · 11

САРАТОВ 2015

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 11

Saratov, 2015

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 11

Саратов, 2015

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

A87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2015. Вып. 11. – 232 с.
ISSN 2305-3437

Кафедрой историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск сборника Археология Восточно-Европейской степи. В сборнике представлены научные статьи авторов Санкт-Петербурга, Москвы, Саратова, Балашова, Ростова-на Дону по проблемам археологии энеолита, бронзы, раннего железного века, позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2015 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Саратовский государственный
университет, 2015
© Дрёмов И.И., Кочерженко О.В.
и др. авторы, 2015

СТАТЬИ

Дрёмов И.И.

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ РУБЕЖА СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Проблема смены археологических культур на рубеже средней и поздней бронзы в степном Поволжье до настоящего времени остаётся дискуссионной. В этот период заканчивается существование археологических культур катакомбного круга и возникает срубная культурно-историческая общность и памятники покровского типа, что повлияло на развитие исторических процессов на юге Евразийских степей. Какие археологические культуры дожили до позднего этапа средней бронзы и стали основой сложения срубной культуры эпохи поздней бронзы, остаётся открытым вопросом. Дискуссионными остаются проблемы культурной атрибуции погребальных памятников конца ранней и средней бронзы исследуемого региона.

В связи с тем, что материалы срубной культуры начала поздней бронзы резко контрастируют с материалами памятников катакомбных культур средней бронзы, напрашивается вывод, что между ними должен существовать некоторый переходный период и памятники переходного типа, послужившие основой сложения срубной культуры. Их выделение затруднено относительной безынвентарностью и редким наличием инвентаря, определяющего культурную и хронологическую принадлежность [Мимоход, 2005, 2009; Отрощенко, 1990, 2002; Цимиданов, 2009; Шарафутдинова, 1995, 2001 и др.].

В.В. Отрощенко, например, особое внимание уделил проблеме преемственности культур эпохи средней и поздней бронзы, высказав мнение, что

между полтавкинскими, катакомбными памятниками и срубной культурой должно быть промежуточное звено [Отрощенко, 1990. С. 107-113].

В последние годы идея выделения пласта памятников переходного периода от средней бронзы к поздней в Нижнем Поволжье активно развивается Р.А. Мимоходом на основании так называемой «криволукской культурной группы». В данную группу, которая, по его мнению, заполняет интервал между катакомбной и срубной культурами, исследователь выделил ряд погребений, имеющих сочетание обрядовых признаков катакомбной и срубной культур, а в некоторых случаях инвентарь и керамику рубежа средней и поздней бронзы [Мимоход, 2004; 2009. С. 32-35]. Эти погребения объединяет аскетичность в инвентаре, небольшая глубина могил, зачастую в насыпи, скорченность костяков на правом, на левом боку или на спине при отсутствии погребального стандарта в положении рук и ориентировках погребённых. К сожалению, публикации, посвящённые «криволукской группе», не содержат развёрнутой аргументации и выглядят пока в большей мере как постулаты, чем как анализ исходного материала.

Рассматриваемая концепция не явилась результатом новых археологических находок и открытий памятников переходного типа со своеобразным инвентарём, керамикой и погребальным обрядом. Достаточно было выбрать несколько погребений со сходными чертами погребального обряда, встречающимися в разных культурах от энеолита до РЖВ, из сотен захоронений многокурганных могильников, объединённых общим названием «Криволукские курганные могильники». В так называемую «криволукскую культурную группу» включены погребения, которые сочетают в погребальном обряде признаки, характерные как для средней, так и для поздней бронзы, и изредка отдельные предметы рубежа средней и поздней бронзы. Керамический комплекс не определён. Так возникла «культурная группа», которая не составляет какой-либо группы даже на эпонимных памятниках – в курганных могильниках Кривая Лука.

Большая часть сосудов из погребений, отнесённых к «криволукской культурной группе», имеет разнокультурные черты. Почти вся посуда с признаками других культур происходит с периферии очерченного Р.А. Мимоходом «криволукского ареала», где носители посткатакомбной традиции (по терминологии Р.А. Мимохода) вступали в контакты с постшнуровыми культурными группами лесостепи. В северной части степной зоны в захоронениях с «криволукской обрядностью» он отмечает сосуды вольско-лбищенского облика (Боаро F 6/7, Белогорское I, 1/15, Советское 1/24) [Rau, 1928. Abb. 4, A; Дремов, 1996. Рис. 4, 3; Баринов, 1996. Рис. 3, 4]. Р.А. Мимоход считает, что «криволукскими» являются и кенотафы с вольско-лбищенской посудой, обнаруженные в курганах (Барановка-1, 10/7; Белогорское-I, п. 28) [Сергацков,

1992. Рис. 1, 4, 5; Дремов, 1996. Рис. 6, 2]. На северо-восточной периферии в посткатакомбных комплексах так называемой «криволукской культурной группы» обнаружена посуда воронежской культуры (Губари 4/1, Липовка-1, 5/1 и, возможно, Чурилово-1, 3/3) [Матвеев, Левых, 1996. Рис. 1, 4, 5; Акимова, 2006; Пряхин, Матвеев, 1988. С. 19. Рис. 5, 3, 5].

Три погребения с воронежской керамикой совершены по «криволукской обрядности», и их, как полагает Р.А. Мимоход, «более правомерно рассматривать в данном посткатакомбном контексте» [Мимоход, 2009. С. 32–33]. Еще три захоронения с воронежской посудой, по его мнению, демонстрируют бабинский погребальный обряд (Матвеевский 1/1, Павловский 3/1, Хохольский 1/3) [Пряхин, Синюк, 1983. Рис. 3, 2; 4, 1; Синюк, 1983. С. 37–39]. Остальные же комплексы не представляют сколько-нибудь устойчивого погребального обряда воронежской культуры. Здесь присутствуют вытянутые и скорченные погребения, захоронения в ямах и колодах, с различными векторами ориентировки [Беседин, 1986. С. 71–75].

В «криволукскую культурную группу», по Р.А. Мимоходу, попадают и захоронения с вольско-лбищенской керамикой: «При наличии выразительной серии поселенческих комплексов известно только пять достоверно вольско-лбищенских погребений в кургане 4 VII Тамар-Уткульского могильника, совершенных в необычной сидячей позе [Богданов, 1998. С. 22, Рис. 10, 11]. В то же время с вольско-лбищенским культурным образованием связывается ранняя группа Алексеевского грунтового могильника [Васильев, 1999. С. 69–71; 2003. С. 108] и грунтовые захоронения на поселении Лбище [Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987. С. 44–45]». По мнению Р.А. Мимохода, в остальных случаях вольско-лбищенская посуда обнаружена в подкурганых захоронениях «криволукской культурной группы», что четко документирует верхнюю границу такого явления, как Вольск-Лбище, в пределах финала средней бронзы [Мимоход, 2009. С. 33–34]¹.

Р.А. Мимоход считает, что собственный керамический комплекс Кривой Луки может быть представлен многоваликовой посудой, близкой к бабинской. Таким образом, из-за отсутствия собственного какого-либо керамического комплекса на эпонимном памятнике исследователи должны гадать, как

¹ Отметим, что отдельные черты вольской традиции можно наблюдать не только на белогорских и тамар-уткульских сосудах конца средней бронзы, но и в посуде из кургана начала поздней бронзы Советское-Энгельс, и в керамике с поселения покровского типа Вишнёвое в Саратове. При нашей публикации материалов Вишнёвого вольская керамика оставалась «загадочной» и рассматривалась разными авторами в хронологических пределах от неолита до средней бронзы [Васильев, 1975; Малов, 1979]. Заметное сходство между этими различными керамическими комплексами подтверждало предположение Н.М. Малова о датировке вольской керамики средней бронзой и уточняло верхнюю дату рубежом средней и поздней бронзы [Дремов, 1985; 1992; Дремов, Семёнова, 1999].

должна выглядеть керамика данной культурной группы. На определенную близость бабинской и «криволукской» культурных традиций, по мнению Р.А. Мимохода, указывают случаи обнаружения костяных пряжек бабинских типов в «криволукских» захоронениях. Некоторые находки костяных пряжек Р.А. Мимоход считает не только бабинскими (Жареный Бугор 3/1, Власовский-1, 7/1, Линево 6/6), но и собственной «криволукской» модификацией ранних кольцевых пряжек [Мимоход, 2009. С. 34].

Одним из наиболее ярких и самых известных комплексов, отнесённых Р.А. Мимоходом к «криволукским», является погребение из кургана Жареный бугор. Р.А. Литвиненко с некоторыми оговорками отнёс этот комплекс к бабинской культуре [Литвиненко, 1999. С. 70] или к посткатакомбному культурному образованию, параллельному бабинской культуре [Литвиненко, 2002. С. 78, 79], а Р.А. Мимоход категорично – к «криволукской культурной группе» [Мимоход, 2009. С. 34]. Хронологическая позиция этого комплекса на рубеже средней и поздней бронзы хорошо определяется по костяной пряжке и многоваликовому сосуду. Его культурная идентификация может дискутироваться и меняться в зависимости от критериев, с которыми подходят авторы, но его принадлежность к «криволукским» не подтверждается ничем, так как в Криволукских курганах нет ни одной подобной находки.

То же касается Паницкого, к. 4, п. 3, которое Р.А. Мимоход относит по характерной многоваликовой посуде «...к посткатакомбному культурному образованию Нижнего Поволжья, к криволукской культурной группе, хотя, – как он пишет, – в конечном итоге нельзя исключать и бабинскую атрибуцию этого комплекса» [Мимоход, 2009. С. 35].

В связи с неясным характером керамического комплекса пласт посткатакомбных или предсрубных захоронений в Поволжье был назван автором не культурой, а «криволукской культурной группой» [Мимоход, 2004; 2009. С. 32–35].

В последней своей работе, представленной на конференции в Саратове в 2013 г., Р.А. Мимоход предложил отказаться от термина «посткатакомбные памятники криволукского культурного типа». С учётом, что погребения из Криволукских курганов не обладают достаточным набором признаков для уверенного отнесения их к посткатакомбному времени и не несут никакой информации о своей культурной принадлежности, можно было бы приветствовать такой подход. Но автор предложил называть погребения, которые он относит к посткатакомбному времени, «волго-донской бабинской культурой» [Мимоход, 2013. С. 174]. При этом не принимается во внимание, что в представленных им погребениях имеется только один сосуд, бабинскую атрибуцию которого, по словам автора, нельзя исключать (Паницкое к. 4, п. 3), и один сосуд (Жареный бугор 3/1), отнесенный различными авторами к КМК, бабинской культуре,

среднедонской и т. д. и, по словам, автора, не находящий в керамике бабинской культуры точных аналогий. Кроме того, имеются типологически бабинские два венчика, одна стенка сосуда и одно днище из разных комплексов [Мимоход, 2013. С. 179, рис. 4, 6–9]. Даже если не учитывать, что остальная керамика инокультурная и её больше, чем КМК (бабинской), этих материалов явно недостаточно для выделения новой культуры.

Представляется, что не имеет значения, как квалифицировать эти разрозненные материалы: в качестве культуры или культурной группы. В любом случае для археологической культурной характеристики важнейшим признаком является керамика. Отсутствие самостоятельного керамического комплекса позволяет говорить, в лучшем случае, об обрядовой или обрядово-хронологической группе. Но и для этого требуются признаки, характерные конкретно для данной группы, а не для других известных культур. Так называемая «волго-донская бабинская культура», как и «криволукская культурная группа» не имеет ни самостоятельного погребального обряда, отличающего её от известных археологических культур, ни своеобразной керамики или иного инвентаря, ни территории распространения. Нет ни одного памятника с серией погребений, обладающих даже столь расплывчатыми признаками. «Криволукская группа», а теперь уже и «волго-донская бабинская культура» состоит из разнокультурных комплексов с позднекатакомбной, КМК (бабинской), воронежской, вольско-лбищенской и др. керамикой, а безынвентарные погребения, включённые в эту культуру, могут относиться как к средней бронзе, так и к другим этапам бронзового века. Такие признаки, как скорченность костяков, северо-восточная ориентировка и наличие костей животных, встречаются в погребениях всех этапов бронзового века.

Без наличия реперных памятников, содержащих серии одновременных погребений с набором погребальных признаков и своеобразным инвентарём, к вновь выявляемым культурно-хронологическим образованиям следует относиться осторожно. Таким методом, например, из монокультурных катакомбных Белогорских могильников произвольно вычлняются из общего комплекса те погребения, которые, по мнению автора, являются посткатакомбными, а, следовательно, «криволукскими» [Мимоход, 2009. С. 32]. Такая интерпретация не обоснована ни планиграфией, ни стратиграфией, ни характеристиками инвентаря. Нет никакой уверенности в том, что и другие погребения «криволукского типа» не являются лишь одной из обрядовых групп, отсортированной из общей массы погребений позднекатакомбного времени. Думается, что это не только возможно, но и неизбежно, так как погребальный обряд в этот период многообразен и вариативен, большинство захоронений позднекатакомбного периода либо безынвентарны, либо обладают недостаточно информативным инвентарём для их точной культурной и хронологической иденти-

фикации. С одной стороны, многие безынварные или трудноопределимые погребения, совершённые по срубному обряду, могут оказаться предсрубными, с другой стороны, этим же населением могут быть оставлены и такие малоинформативные захоронения, которые невозможно отнести по обряду к «криволукской группе». В связи с этим нет никаких оснований считать, что предсрубный период степного Поволжья может характеризоваться памятниками «криволукского культурного типа» или тем более «волго-донской бабинской культуры», так как в своей основе они являются позднекатакомбными с включением комплексов других культур с переходными обрядовыми признаками. Если даже будут найдены эталонные памятники этого времени, то, во-первых, маловероятно, что они будут обладать признаками только «криволукской» обрядовой группы, а во-вторых, ими не может исчерпываться весь спектр культурных образований предсрубного времени.

Многими исследователями концепция Р.А. Мимохода о «криволукской культурной группе» была принята сразу без критического анализа. Некоторые археологи уже использовали термин «криволукская культура» [Сухорукова, 2006. С. 85; Кияшко, Хабарова, 2007. С. 50, 78, 93; Рысин, 2007. С. 194]. Другие исследователи пользуются термином «криволукская культурная группа» [Жемков, Лопатин, 2007. С. 109]. Такое некритическое отношение можно объяснить уверенностью исследователей в обязательном наличии существенного переходного периода между средней и поздней бронзой степного Поволжья, а главное, отсутствием памятников переходного периода.

В то же время говорить о полном отсутствии памятников рубежа средней и поздней бронзы не приходится. Кроме ряда отдельных погребений круга катакомбных культур позднего периода, выделяемых разными авторами, и трудноопределимых безынварных захоронений [Шарафутдинова, 2001. С. 148–153; Кияшко, 2002 и др.], в 1980-х гг. были исследованы два Белогорских могильника позднего этапа катакомбной культуры Нижнего Поволжья, содержащих в общей сложности 43 захоронения (рис. 1–3) [Дрёмов, 1996. С. 98–109]. Указанные материалы хранятся в Энгельсском краеведческом музее.

Памятник расположен на берегу Волги в 4 км к северу от с. Белогорское и в 7 км к юго-востоку от с. Нижняя Банновка Красноармейского района Саратовской области близ урочища Старый Лапоть. В 8 км к югу от могильника находится известный многослойный памятник, содержащий материалы средней бронзы – Утес Степана Разина, исследовавшийся И.В. Синециным и В.А. Фисенко [Синецын, Фисенко, 1970].

Могильник располагался на участке понижения высокого правого берега Волги на высоте около 20 м над урезом воды. Памятник ограничен с восточного берегом Волги, с севера – оврагом. Поверхность ровная, но имеет значительное повышение к югу и западу. Никаких признаков курганных насыпей

не заметно. Р.А. Мимоход в одной из публикаций выразил сомнение в бескурганности Белогорских могильников и предположил, что «белогорские «грунтовые могильники» на самом деле являются подкурганными захоронениями с не сохранившимися или не прослеженными насыпями. Об этом свидетельствует нахождение на ограниченных площадках разнокультурных захоронений, в том числе с прямой стратиграфией, и компактное расположение погребений, как это обычно бывает на подкурганых площадках» [Мимоход, 2009. С. 32].

Этот вопрос имеет принципиальное значение, так как в курганном могильнике с большей вероятностью погребения могут быть одновременными и не связанными между собой. Бескурганность Белогорских могильников не вызывает сомнений и подтверждается целым рядом признаков:

- эта территория между оврагами и прибрежными возвышенностями, никогда не распаивалась;
- на этой пересечённой местности вдоль всего побережья Волги нет ни одного кургана, но в 5–10 км от берега, где территория переходит в равнину, курганы встречаются часто;
- первый могильник расположен на значительно выраженном склоне, что характерно для кладбищ, но никак не для курганов;
- второй могильник находился на ровном участке поверхности, где насыпь не могла быть смыта, но никаких её признаков не было;
- на первом могильнике над несколькими погребениями, попадавшими под бровки, в стратиграфии чётко читались надмогильные холмики – обильные вкрапления белого мелового грунта из выкида в чёрном гумусе, перекрытые делювиальными отложениями;
- в этих условиях следы курганных насыпей не могли не сохраниться, но даже никакого намёка на них нет ни на поверхности, ни в стратиграфии бровок.

Что касается планиграфии могильника, сходной с курганной, а также наличия ровиков, эти конструкции оформления могильного пространства встречаются не только в курганах, но и на других грунтовых некрополях бронзового века степного Поволжья (грунтовые могильники Смеловка и Калач). Наличие захоронений с прямой стратиграфией в данном случае тоже не является следствием одновременности погребений. Имеются случаи «обратной» стратиграфии. Так, на первом могильнике погр. 5 с юго-восточной ориентировкой костяка нарушило входную камеру в подбой погр. 6, со скелетом, ориентированным на северо-восток. В свою очередь, погр. 6 врезалось в могильную яму погр. 4 с юго-восточной ориентировкой костяка. К погр. 4 примыкает более глубокое погр. 7 с северо-восточной ориентировкой и, вероятно, пререзает его.

На Белогорском II могила погребения 12 частично наложилась на парное погребение 13. Все три костяка имели северную ориентировку с небольшим отклонением, но в нижнем погребении руки одного скелета лежали перед лицом, то есть в позе, характерной для срубной культуры, а верхний скелет покоился в позе «скачущего всадника». В п. 12 (стратиграфически более позднем) сосуд имел округлое дно, а в п. 13 (раннем) стоял острорёберный горшок, орнаментированный зашипами и «ёлочкой». Следует отметить, что и другие случаи прямой стратиграфии Белогорских могильников не дают никаких оснований для их определения в качестве курганных памятников и разновременных комплексов.

Нельзя согласиться также с трактовкой Белогорских могильников как разнокультурных. Все погребения относятся к катакомбной культуре позднего периода, кроме одного средневекового захоронения в Белогорском II (п. 9), расположенного на периферии памятника в стороне от захоронений бронзового века, и одного раннесрубного погребения (Белогорское II, п. 2), являвшегося, вероятно, подхоронением в катакомбное погребение 3. Ещё один комплекс могильника Белогорское II (п. 1) трудно определим в культурном отношении. Устанавливается лишь ориентировка черепом на восток и положение одной руки, направленной к лицу. Сложно определить культурную принадлежность сосуда из этого погребения, так как он сочетает в себе признаки керамики поздней и средней бронзы. Его острорёберная форма типична для срубной культуры, а орнамент из двух парных линий и двух рядов коротких шнуровых вдавлений, образующих зигзаги, в некоторой степени сопоставим с вольско-лбищенской орнаментацией и орнаментом сосуда из Белогорского I, п. 28. Эти сосуды являются выразительным примером керамики переходного типа от средней бронзы к поздней. Один сосуд с ушками и кувшин с ручкой свидетельствуют о северокавказских или, скорее, маньчских контактах носителей волго-донской катакомбной культуры с южной группой катакомбного населения. На нескольких сосудах улавливаются отдельные черты вольского, абашевского или среднедонского катакомбного влияния. При этом «инокультурная» посуда белогорских могильников очень своеобразна (керамика Белогорского I, п.п. 2, 9, 12, 15, 28, Белогорского II, п.п. 1, 13). Для выделения её в самостоятельный тип слишком мало материалов, при этом не настолько она однотипна, а для идентификации с известными культурами – слишком самобытна. В этом и заключается специфика белогорской керамики, что, наряду с типичной позднекатакомбной посудой, имеются экземпляры, сочетающие отдельные черты абашевской, вольской и срубной культур.

В керамическом комплексе имеются два сосуда, типичных для катакомбных памятников Северного Кавказа: горшок с ушками для подвешива-

ния и кувшин с ручкой из п. 8, который имеет многочисленные аналогии на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье [Кияшко, 2002. С. 148, рис. 116–120] и датируется позднекатакомбным временем. Для ранних погребений ямно-катакомбного времени такая керамика не характерна. В комплексах, относящихся к периоду формирования катакомбной культуры, которые приводит А.В. Кияшко, имеется несколько сосудов с ушками, но они находятся не на шейке кувшина, а непосредственно на венчике. Такие сосуды определяются исследователем как амфоры [Кияшко, 1999. С. 132, 136, рис. 76–80]. В Белогорском I, п. 2 (рис. 4) был найден сосуд, практически идентичный горшку из позднекатакомбного погребения бахмутского типа с правобережья Северского Донца у г. Краматорска к. 2, п. 10, сопровождавшийся бронзовым черешковым ножом «с прямым лезвием, слегка сужающимся к раскованному и заточенному острию» и бронзовым восьмёрковидным украшением [Санжаров, 1993. С. 22, рис. 1]. Такие сосуды отнесены С.Н. Братченко к группе «В» отдела III, а нож – к типу пиковидных ножей, наиболее характерных для ма-нычской культуры и поздних северо-кавказских комплексов [Братченко, 1976. С. 95, 143]. Сосуд из Белогорского I, п. 9 орнаментирован рядами параллельных линий, образующих свисающие усечённые треугольники с круглыми вдавлениями (рис. 3), что не характерно для Поволжья, но находит точные аналогии в позднекатакомбной керамике Северского Донца, например, в могильнике Александровск, к. 2, п. 6 [Санжаров, 1988. С. 142, рис. 2, 1].

Четыре сосуда имеют отогнутые венчики с внутренним желобком, что также характерно для среднедонских катакомбников. Однако пропорции этой посуды и, особенно, орнаментация настолько оригинальны, что подобрать им точные аналогии на катакомбных памятниках непросто. Наиболее близкой им по форме является более поздняя керамика покровских погребений. Орнаментация некоторых сосудов может ассоциироваться с керамикой вольского типа, но и от вольской она отличается по целому ряду признаков. Один сосуд из второго Белогорского могильника, орнаментированный по венчику и по тулову зашипами, находит аналогии в среднедонской катакомбной культуре (рис. 3, п. 13). Несколько сосудов как из первого, так и второго могильников, орнаментированные «ёлочным» узором, оттиснутым штампом, имеют аналогии среди широкого круга памятников эпохи средней бронзы.

В центральном погребении 23 западного скопления могил в Белогорском I и в п. 19 того же могильника найдена керамика с «ёлочной» орнаментацией и фрагмент с оттисками тесьмы. Появление на керамике оттисков тесьмы А.В. Кияшко относит к рубежу раннего и развитого катакомбного времени [Кияшко, 2002. С. 132, 134]. В дальнейшем эта традиция сохранялась, но определение её верхнего рубежа требует дополнительных изысканий. Наличие в

керамическом комплексе Белогорских могильников проявлений бахмутской и северокавказской керамики свидетельствует об очевидных контактах с западными и юго-западными территориями, или о продвижении на Волгу через Нижнее Подонье отдельных групп позднекатакомбного населения.

Белогорская керамика представлена также серией баночных сосудов с «ёлочной» орнаментацией, круглодонной миской, биконической банкой и острорёберным горшком с защипами (не считая двух жаровен). Защипная техника нанесения орнамента, хотя и появляется как исключение на раннекатакомбной посуде [Кияшко, 2002. С. 131], широкое распространение получает в позднекатакомбной среде (на Среднем Дону она синхронна многоваликовой орнаментации). «Ёлочная» орнаментация на западе признана поздним проявлением более восточных влияний [Смирнов, 1996]. Остальной инвентарь беден, но наличие деревянной чаши, оформленной по краю венчика бронзовой обоймой, как прототипа деревянных чаш с бронзовой накладкой по краю венчика покровского времени, также указывает на позднюю для средней бронзы датировку памятника.

Материалы Белогорских могильников с уверенностью можно относить к позднему этапу катакомбной культуры. Около 30% ям на первом и 40% на втором могильнике имели подбой различных конструкций, около половины могил имели ступеньки. В погребениях встречаются черепа с искусственной деформацией, преобладает поза «скачущего всадника», ориентировки захоронений и формы могильных ям разнообразны. Посыпка охрой на могильниках не встречается, отмечены лишь отдельные пятна или комочки красной краски. Наличие в инвентаре жаровен, грифеи и деревянного сосуда с обоймой из бронзовой проволоки также характерно для памятников катакомбного круга.

По всей вероятности, в это время как в инвентаре, так и в погребальном обряде проявляются новые черты и сохраняются старые традиции, а также ощущается влияние соседних регионов. Никакой зависимости между ориентировкой, позой погребенных, конструкцией могил и инвентарем не прослеживается. В керамическом комплексе проявляется несколько культурных традиций, но на хронологические различия они не указывают. Ряд сосудов первого Белогорского могильника обладает чертами, характерными для более поздних покровских (срубно-абашевских) памятников. Эти сосуды имеют отогнутые венчики и могут рассматриваться в качестве прототипов керамики покровского типа. Острорёберный горшок, орнаментированный защипами и «ёлочкой» из погр. 13 второго Белогорского могильника, по своей форме близок раннесрубному горшку из погр. 1 этого же могильника, но имеет более низкие пропорции, ещё больше сближающие его с острорёберными срубными горшками, от которых его отличает только орнамент. В то же время орна-

ментация срубного горшка, выполненная веревочкой, имеет много общего с орнаментацией некоторых сосудов первого могильника – те же горизонтальные ряды оттисков шнура и заключенные между ними и под ними оттиски в виде зигзага.

Найденный в Белогорском инвентарь позволяет относить оба могильника к позднекатакомбному времени. Особенно показательна в этом аспекте посуда с инокультурными проявлениями, возможно, являющаяся импортной. Таким образом, стратиграфия, планиграфия и инвентарь свидетельствуют, что все погребения Белогорских могильников относятся примерно к одному времени, и раскладывать их на различные хронологические этапы бесперспективно. В рамках исторического процесса этот памятник представляет собой один хронологический срез и относится к катакомбной культуре.

Имеющиеся в степном Поволжье комплексы, сочетающие признаки конца средней и начала поздней бронзы, позволяют пока говорить о погребениях переходного типа, но не о переходном периоде от средней бронзы к позднебронзовому веку. И не только по причине их малочисленности, но и в силу недостаточности керамического материала, отличающего их от известных культур. К погребениям с переходными признаками применяются различные термины: посткатакомбные, прото- или предсрубные, памятники позднеполтавкинской культуры, «криволукской культурной группы», но в большинстве своём это бескерамические, а ещё чаще безынвентарные комплексы. В тех же случаях, когда в погребениях имеются керамика и датированный инвентарь, практически все погребения конца средней и начала поздней бронзы становятся узнаваемыми как памятники катакомбного, срубного или покровского круга. Есть отдельные погребения с чертами керамики вольского типа, но именно с элементами, а не с типично вольской керамикой, которая настолько своеобразна, что, если её видеть в оригинале, а не на иллюстрациях, то спутать ни с чем невозможно. Есть группа погребений с обрядовыми признаками, сочетающими элементы катакомбной и срубной культур, но если в них содержится посуда, то это либо позднекатакомбная, либо раннесрубная и срубно-покровская керамика.

Можно констатировать, что попытки выделения памятников переходного типа на базе «посткатакомбных образований» в степном Поволжье пока не подтверждаются в силу отсутствия таких памятников. Все имеющиеся на настоящее время материалы конца средней бронзы относятся к памятникам катакомбного круга. Смена катакомбной культуры срубной произошла в степном Поволжье очень быстро – в течение нескольких десятилетий. Этим можно объяснить почти полное отсутствие обратной стратиграфии и синкретичных материалов или памятников переходного типа.

Литература:

Акимова С.В. Охранные раскопки у с. Липовка Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, ВГПУ, 2006. Вып. 12.

Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском За-волжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Беседин В.И. Погребения воронежской культуры эпохи бронзы // Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи: межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1986.

Богданов С.В. Большой Дедуровский Маар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. Самара, 1999.

Васильев И.Б. Вольск-Лбище - новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Материалы междунар. науч. конф. 26-30.04.03. Чебоксары, 2004.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье: межвуз. сб. ст. Куйбышев, 1987.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Дремов И.И. О хронологической неразрывности погребений катакомбной и срубной культур в степном Поволжье // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей: энеолит и бронзовый век: материалы междунар. науч. конф. Донецк, 1996. Ч. 1. С. 110-114.

Жемков А.И., Лопатин А.В. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко А.В., Хабарова Н.В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей: По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея: каталог. Волгоград, 2007.

Литвиненко Р.А. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в доно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1999.

Литвиненко Р.А. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и мат-лы конф. Воронеж, 1996.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижне-волжская археологическая конференция, г. Волгоград, 12-15 ноября 2007 г. Волгоград, 2004.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Друга міжнародна наукова конференція. Луганськ, 2005.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Том 10.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье: содержание и дефиниции // Археология Восточно-Европейской степи. Мат-лы IV нижеволж. междунар. археол. конф. (18-21 октября 2013 года). Саратов, 2013. Вып. 10.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. 1984. № 1.

Отрощенко В.В. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. 1990. № 1.

Отрощенко В.В. Історія племён зрубної культурно-історичної спільності: автореф. дисс... докт. ист. наук. Київ, 2002.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. 1983. № 3.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.

Рысин М.Б. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы: (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести ИИМК РАН. СПб., 2007. Вып. 14.

Санжаров С.Н. Погребения Донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. 1988. № 1.

Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднекатакомбное время // РА. 1993. № 1.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 1992.

Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Курганы у посёлка Линёво // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Синицын И.В. Раскопки на Утесе Степана Разина // АО 1969 года. М., 1970.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.

Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Сухорукова Е.П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2008.

Тихонов В.В. Охранные раскопки памятников эпохи поздней бронзы в Духовницком районе Саратовской области // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2.

Цимиданов В.В. Социальная дифференциация в срубном обществе Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Мат-лы конф. (Саратов, 21–25 авг. 1995 г.). СПб., 1995.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Мат-лы междунар. науч. конф. Самара, 2001.

Rau P. Hockergraber der Wolgasteppe . Pokrowsk, 1928. Heft 1.

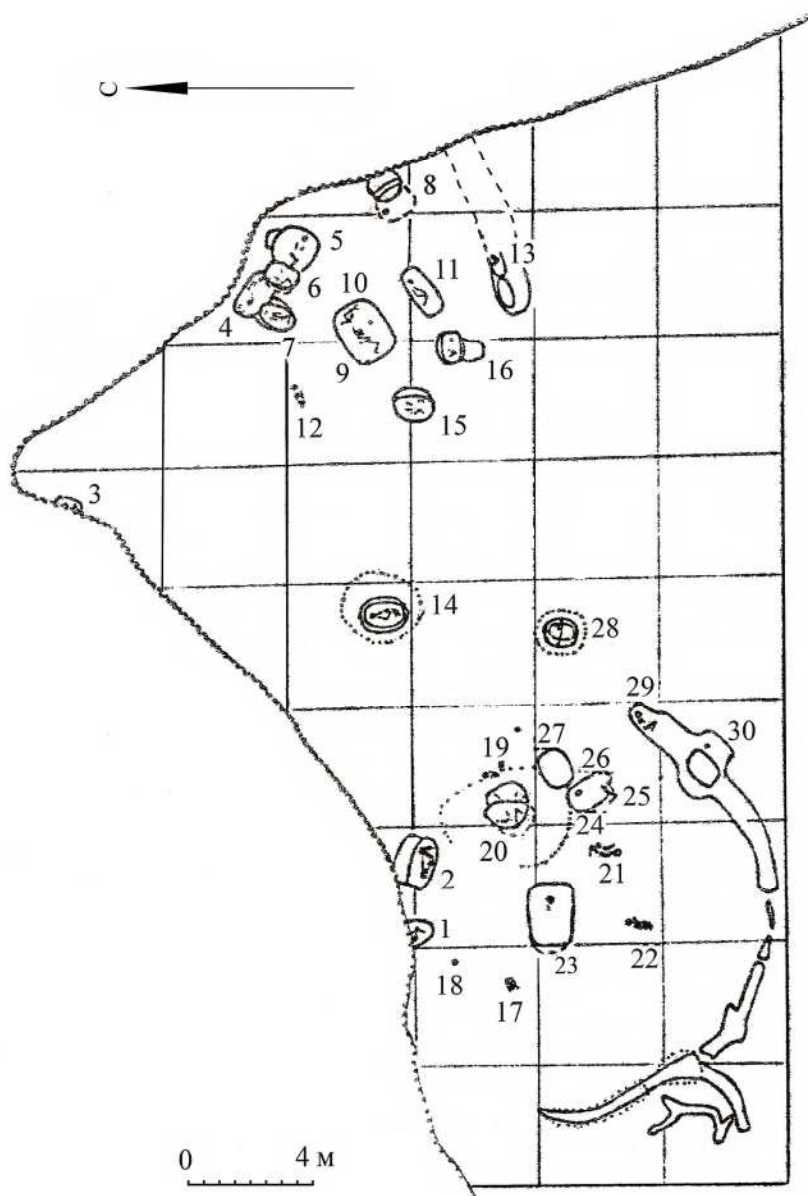

Рис. 1. План Белогорского I могильника

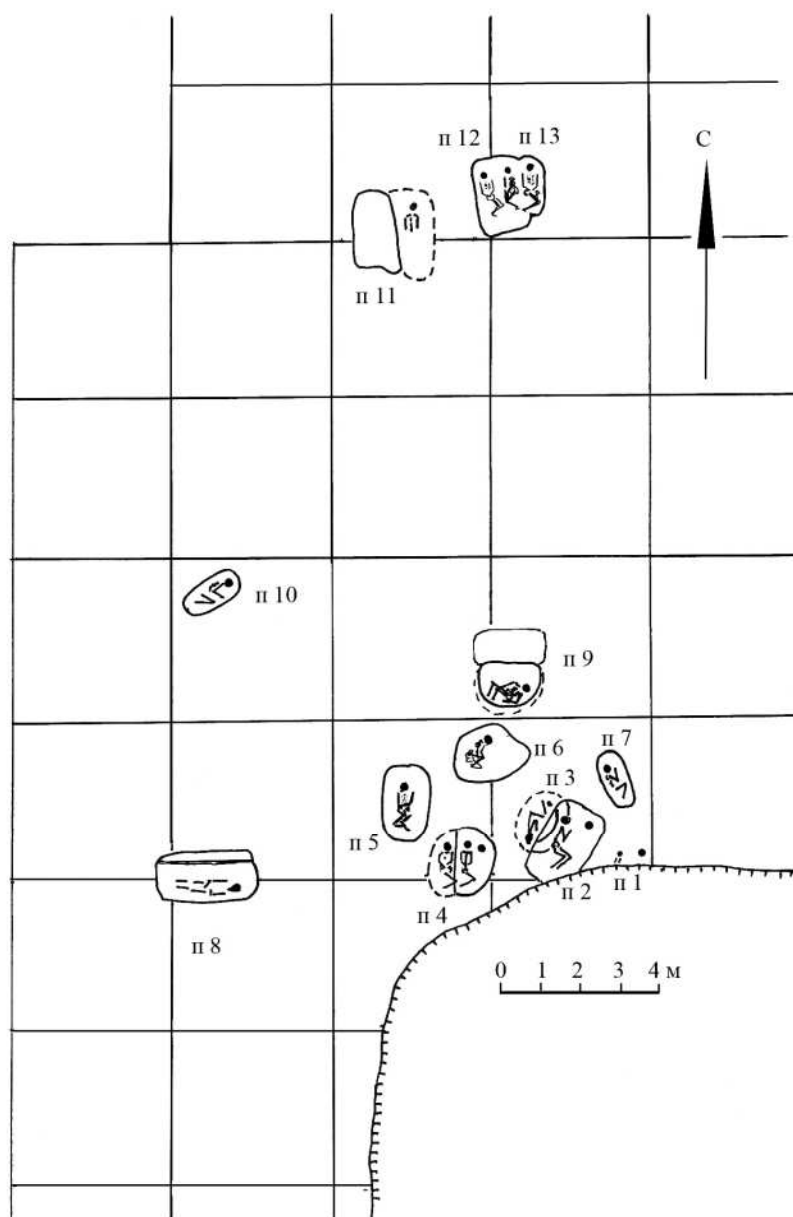

Рис. 2. План Белогорского II могильника

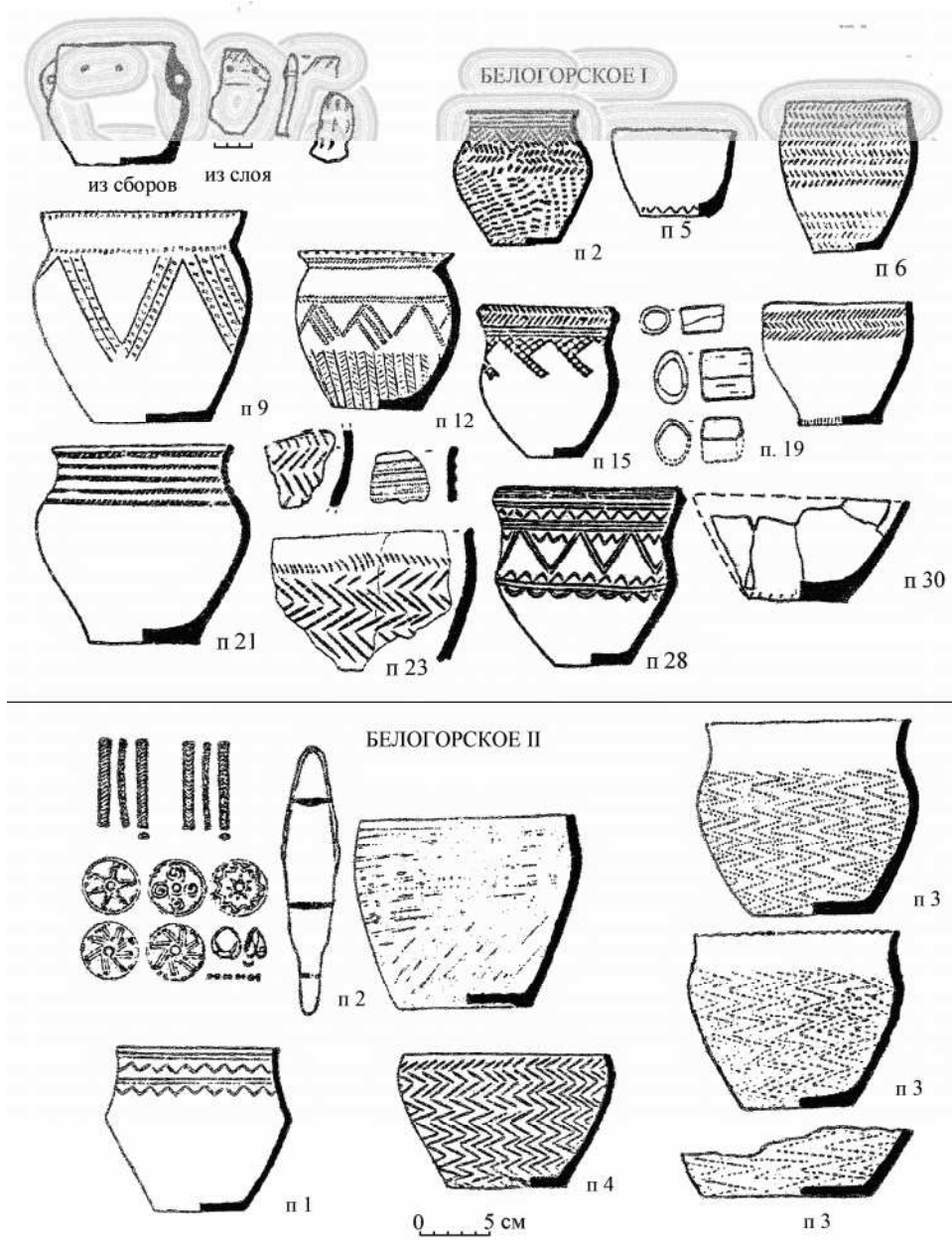

Рис. 3. Керамика Белогорских могильников

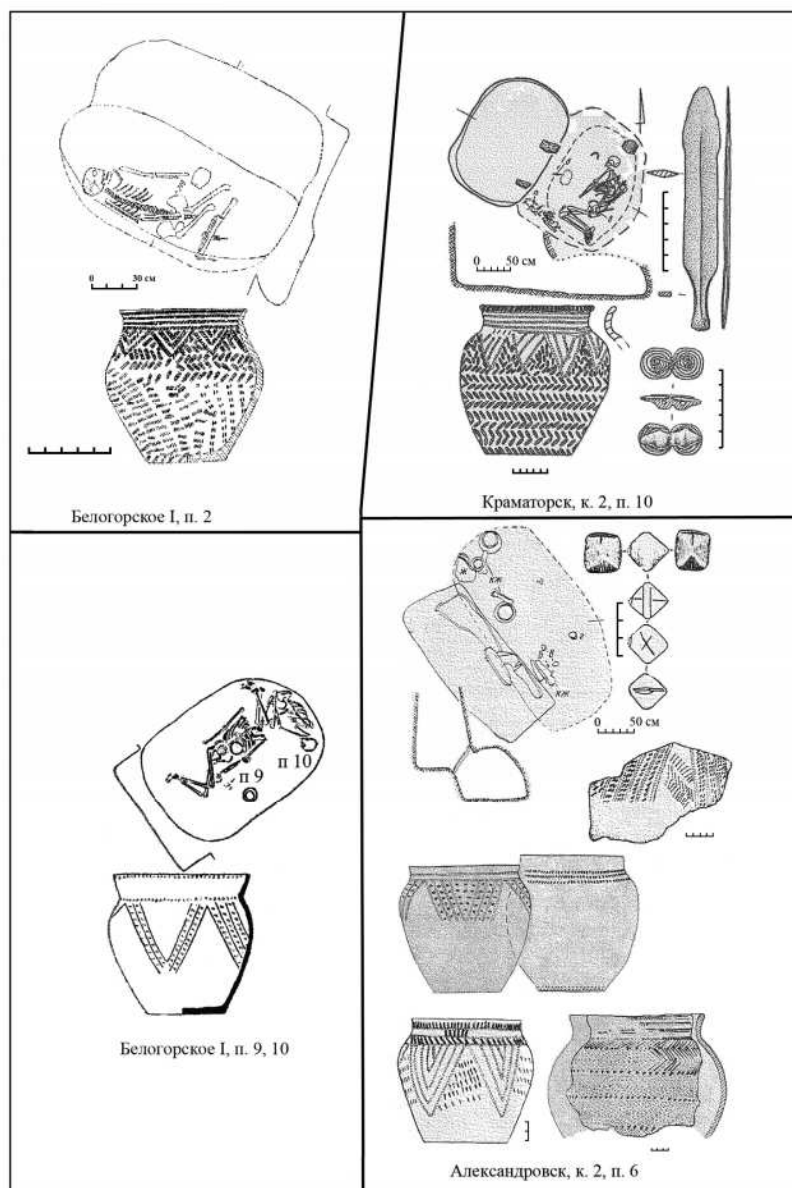

Рис. 4. Аналогии сосудам Белогорского I могильника из погребения бахмутского типа в Краматорске, к. 2, п. 10 (Санжаров, 1993) и позднеднепровского комплекса из Александровска, к. 2, п. 6 (Санжаров, 1988)

*Кочерженко О.В., Слонов В.Н.,
Шабанов В.Л.*

О ФЕНОМЕНЕ «БАНОЧНОГО РЕНЕССАНСА»
В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

При рассмотрении керамического комплекса срубной культуры внимание исследователей чаще всего сосредоточивается на тех формах, которые обладают яркими специфическими чертами. Это сосуды, которые относятся к категории «трехчастных» и в первую очередь остросереберные формы, очень часто воспринимаемые как «лицо» срубной культуры. При этом менее выразительные одно- и двухчастные сосуды, относимые к разряду банок, как правило, менее заметны и остаются вне поля зрения исследователей. Такое положение дел едва ли можно принять, учитывая, что баночные формы получили самое широкое распространение в срубной культуре, причем в некоторых регионах их доля доходит до 60% от общего числа сосудов [Кочерженко и др., 1993. С. 93].

Баночная составляющая срубного керамического комплекса тем более интересна, что ни в одном из непосредственно предшествующих культурных образований «банка» не играла столь заметной роли. Наиболее близкими по времени памятниками, где «банка» являлась преобладающей формой, были полтавкинские, которые не имели хронологического соприкосновения со срубными комплексами. Иными словами, в срубную эпоху керамический комплекс переживает своего рода «баночный ренессанс», природа которого до сих пор не только не изучалась детально, но вообще никогда не оказывалась объектом рассмотрения.

Цель настоящей работы – изучение форм баночной срубной керамики в контексте выявления их генезиса, закономерностей сложения типов, а также определения взаимосвязей с аналогичными комплексами тех культурных об-

разований, с которыми исследователи так или иначе связывают происхождение срубной культуры.

Рассматриваемый регион – Нижнее Поволжье, где баночные сосуды получили наибольшее распространение. Основу выборки составили 282 полных профиля срубных банок из погребальных комплексов. Кроме того, для выяснения механизмов развития форм керамики в выборку включены сосуды других культурных образований, с которыми связывается генезис срубной культуры. Сюда вошли: Потаповка – 6 экз., Синташта – 10 экз., Покровск – 10 экз., полтавкинская культура – 12 экз., катакомбные формы – 7 экз. Далее эти сосуды будем называть «тестовыми». Таким образом, всего в исследуемую выборку включены 327 сосудов (Приложение 1).

Методика анализа состоит в представлении баночного сосуда в виде одного (открытая банка) или двух (закрытая банка) усеченных конусов (рис. 1) и дальнейшем описании профиля с помощью 6 метрических признаков – 1 абсолютного и 5 относительных:

CD – показатель абсолютных размеров сосуда;

GK/CD – показатель общей вытянутости профиля;

GH/CD – показатель вытянутости верхней части сосуда;

AB/CD – показатель «степени открытости» устья;

HK/CD – показатель вытянутости нижней части сосуда;

CD/EF – показатель «стянутости» дна сосуда.

Отметим, что для открытых банок совпадают точки A и C, G и H, B и D. Тем самым, для этих сосудов всегда $GH/CD=0$ и $AB/CD=1$.

В рамках проводимой нами классификации каждый из 327 сосудов, характеризующихся 6 признаками-показателями, представлялся вектором-строкой с числами-значениями перечисленных показателей. Таким образом, анализируемый полный массив данных представлял собой прямоугольную таблицу с 327-ю строками и 6-ю столбцами, а образом каждого объекта-сосуда служила точка в 6-мерном пространстве с евклидовой метрикой.

Классификация осуществлялась на основе метода иерархической кластеризации. В начале процесса каждый объект считался самостоятельным кластером. На каждом шаге процедуры происходил выбор двух кластеров, наиболее близких друг к другу в соответствии с заданной метрикой, и объединение их в один кластер. Тем самым, с каждым шагом общее число кластеров уменьшалось на 1, вплоть до объединения всех объектов в единственный кластер.

Особенность иерархического метода состоит в том, что объект, попав на очередном шаге в кластер, остается в нем до конца процедуры; кластер, сформированный на некотором шаге, содержит кластеры предыдущего ша-

га, которые, в свою очередь, содержат кластеры более ранних шагов. В результате формируется дерево иерархической классификации.

На следующем этапе анализа вводилось понятие *коэффициента некомпактности* кластера, равного среднему расстоянию всех объектов, входящих в кластер, от его центра:

$$Y^{(k)} = \frac{\sum_{i=1}^{n_k} \sqrt{\sum_{j=1}^6 (x_{ij}^{(k)} - \overline{x_j^{(k)}})^2}}{n_k}, \quad (1)$$

где $\overline{x_j^{(k)}} = \frac{\sum_{i=1}^{n_k} x_{ij}^{(k)}}{n_k},$

n_k – число объектов, входящих в k -й кластер,

i – номер объекта ($i = \overline{1,327}$), $\sum_{i=1}^{n_k}$ означает суммирование по всем объектам, входящим в k -й кластер, j – номер показателя ($j = \overline{1,6}$),

$x_{ij}^{(k)}$ – значение j -го показателя на i -м объекте; k в верхнем индексе указывает на входение объекта в k -й кластер.

Иерархический метод кластеризации позволяет не только проследить логику включения объектов в состав кластеров, но и оценить, как формируется поле корреляции двух показателей – введенного выше «коэффициента некомпактности кластера» и «числа объектов в кластере». Ранее авторами обосновывалась идея о том, что в соответствии с разработанной Д. Кларком моделью развития типа в материальной культуре [Clarke, 1968] данная корреляционная зависимость аппроксимируется убывающей кривой, по виду напоминающей гиперболу [Кочерженко и др., 1994. С. 28]. Эволюция развития такого типа представлена на рисунке 2 [Слонов, 1995. С. 14]. В целом, для аппроксимации может быть использована степенная функция

$$Y = C \cdot x^a \quad (a < 0), \quad (2)$$

которую мы будем называть «убывающей степенной кривой или *гиперболой нормального типобразования*» [Кочерженко и др., 1994. С. 28].

Применительно к нашей задаче рассматриваемый подход означает анализ характера корреляции между числом объектов в кластере и его некомпактностью.

пактностью на каждом шаге иерархической классификации с целью выяснения возможности или невозможности аппроксимации данной корреляционной зависимости убывающей степенной функцией. Ситуация облегчалась тем, что при числе кластеров свыше 30 поле корреляции становилось «размытым», поэтому содержательный смысл имело рассмотрение дерева иерархической классификации на уровнях от 30 кластеров и менее. Формальная оценка статистической зависимости осуществлялась путем подбора подходящей кривой для аппроксимации с помощью метода наименьших квадратов. Признанной статистической характеристикой качества аппроксимации является коэффициент достоверности аппроксимации R^2 , показывающий меру соответствия эмпирических данных выбранной кривой. Он лежит в пределах от 0 до 1: чем ближе к 1, тем точнее аппроксимация.

Очень важно, что сформированные для случая 30 кластеров параметры аппроксимирующей функции (2) почти не меняются по мере уменьшения числа кластеров до 15-17: показатель степени a держится в пределах от -0,22 до -0,16, а весовой коэффициент C – в пределах от 1,4 до 1,9. Это свидетельствует о достаточно стабильной статистической зависимости, представляемой «гиперболой».

Наибольшего значения коэффициент достоверности аппроксимации R^2 достигал для случая 19 кластеров, убывающая степенная кривая для этого случая имеет вид: $Y=1,92 \cdot x^{-0,21}$, а корреляционное поле представлено на рис. 3, где цифрами обозначены номера кластеров. Этот таксономический уровень в 19 кластеров и был принят нами для содержательного анализа, и только для него мы будем говорить о «группах» сосудов. Состав всех 19 групп представлен в приложении 2.

Средние значения для всех 19 групп по каждому из 6 параметров даны в Приложении 3. На рис. 4 дано дерево иерархической классификации, где каждая группа представлена реальным сосудом, наиболее близким к центру соответствующего кластера. Дендрограмма завершается на уровне 5 кластеров, поскольку последующее объединение приводит к попаданию в один кластер совсем никак между собой не схожих сосудов и ничего не добавляет для содержательного анализа. В дальнейшем каждый из этих 5 кластеров будем называть «кустом», и последующее описание групп дается по этим 5 кустам.

Куст 1. Все три группы, образующие этот куст – 17, 19 и 18 – являются малочисленными и некомпактными. Такие характеристики соответствуют начальному этапу типобразования. В группе 17 два сосуда из трех относятся к полтавской культуре. В группе 19 из шести сосудов четыре представляют собой потаповские экземпляры, в группе 18 оба сосуда синташтинские.

Куст 2. В данный куст вошли три группы открытых банок – 3, 14, 12. Основу групп составляют срубные сосуды, однако сюда же вошли 4 полтав-

кинских экземпляра. Все группы многочисленные и компактные. Следует отметить, что ни одна группа открытых банок не попала в «верхний хвост» гиперболы.

Куст 3. Куст образовали четыре группы – 1, 9, 2, 8, куда вошли закрытые банки средних размеров и средних же пропорций (1, 9 и 2), а также более вытянутые (8). Группа 8 достаточно автономна и, по-видимому, представляет собой морфологически изолированное явление, а остальные группы, собственно, и образующие данный куст, весьма близки по дереву иерархической классификации. При этом все они находятся на плато гиперболы. В отношении группы 2 следует отметить, что почти половину ее (6 сосудов из 13) составили полтавкинские экземпляры, т. е. полтавкинские сосуды объединились со срубными в компактной многочисленной группе.

Куст 4. Самый многочисленный из кустов, в него вошли группы 5, 10, 16, 7, 11, 4, 15. Фактически распадается на три слабо связанных между собой подмножества: группы 4 и 15; 7 и 11, а также – 5, 10, 16. Сосуды групп 4, 15, 7 и 11 представляют собой хорошо узнаваемые «классические» срубные банки. Группы 5, 10 и 16 включили в себя формы с широкими приземистыми пропорциями. При этом в некомпактной малочисленной группе 16 оказалось четыре катакомбных сосуда, группа 10 также включила в себя два катакомбных экземпляра. В то же время, морфологически близкая им группа 5 является компактной и многочисленной и содержит практически исключительно срубные банки.

Куст 5. Этот куст образуют две группы – 6 и 13. Они весьма близки между собой по дереву иерархической классификации и в то же время довольно далеки от всех прочих форм. Видимо, эти группы представляют собой достаточно изолированное явление в рамках срубного керамического комплекса. Данные формы исследователями традиционно обозначаются как «реповидные». Важно отметить, что пять из десяти покровских сосудов, представленных в нашей выборке, оказались по совокупности своих параметров именно в этих «реповидных» группах, а не среди срубных биконических форм. По всей вероятности, здесь сказались какие-то глубинные процессы формообразования керамических комплексов Волго-Донского междуречья периода перехода от средней бронзы к поздней.

Следующий этап исследования состоял в изучении особенностей корреляционной зависимости некомпактности групп от их численности. Если данная зависимость имеет вид гиперболы, то это должно свидетельствовать о том, что керамический комплекс подчиняется закономерностям нормального типобразования. Однако для первоначальных расчетов, когда в выборку были включены только те баночные сосуды, которые исследователями традиционно признаются относящимися к срубной культуре, оказалось, что вы-

деляющиеся кластеры образуют только «плато» гиперболы без ее «верхнего хвоста». Это означает, что баночные формы в рамках комплекса, рассматриваемого как «срубный», появляются уже в готовом виде и не имеют этапа формирования. То есть для решения вопроса о генезисе баночных срубных форм оказалось необходимым включить в расчеты сосуды тех культурных образований, которые, так или иначе, связываются со сложением срубных памятников. Данное обстоятельство и послужило причиной включения в выборку сосудов, определенных выше как «тестовые».

Следует отметить, что само по себе включение в рассмотрение «тестовых» сосудов предшествующего времени еще не было гарантией автоматического появления «гиперболы нормального типобразования». Здесь могли иметь место 3 ситуации:

1. Расширение выборки вновь дало только сильные многочисленные группы. Это означало бы, что процесс формообразования проходил либо в другом месте, либо в другое время, а в рассматриваемом комплексе группы появились в уже сложившемся виде.

2. Включение в выборку дополнительной серии керамики произвело такую перегруппировку, что в итоге появился набор групп, образующий на графике аморфное «облако». Такая ситуация могла бы свидетельствовать об отсутствии «нормального типобразования» для рассматриваемого массива керамики в целом. Причиной этого может быть соответствие рассматриваемого керамического комплекса зоне контакта двух или более различных археологических культур.

3. Наконец, в третьем случае действительно получается «гипербола нормального типобразования» с «плато» и «верхним хвостом», причем дополнительно привлеченные к анализу «тестовые» сосуды в этой ситуации должны по большей части оказаться именно в группах «верхнего хвоста» - зоне формирования типа. Как раз такая картина и была получена для рассматриваемой в настоящей работе выборки.

На корреляционном графике (рис. 3) достаточно определенно выделяются 2 зоны. С точки зрения типобразования это – зона формирования типов (I, «верхний хвост» гиперболы) и зона развитых типов (II, «плато» гиперболы). В соответствии с логикой процесса типобразования, в большинстве групп «верхнего хвоста» – в 4 из 6 – преобладают «тестовые» сосуды культурных образований, предшествующих срубной культуре: катакомбные, потаповские, синташтинские. Сосуды из срубных памятников попали в зону формирования типов в единичных экземплярах и представляют собой, по видимому, след переходного времени в классических срубных памятниках. В зону развитых типов попали группы, включающие в себя формы, уверенно атрибутируемые исследователями как типичные срубные банки.

Рассмотрим более подробно, с учетом месторасположения на дереве иерархической классификации, как в пределах гиперболы распределились формы различных культурных образований. Так, потаповские и синташтинские баночные сосуды, при всей малости их числа в общей выборке, смогли выделить свои самостоятельные группы – соответственно группы 19 и 18 из зоны формирования типа. Остальные потаповские и синташтинские экземпляры оказались хаотическими единичными включениями в многочисленные сильные срубные группы. Т. е. потаповские и синташтинские банки, попав в зону формирования типа срубного баночного комплекса, остались явлением изолированным и не получили дальнейшего развития.

Гораздо более существенным в генезисе баночной срубной керамики оказалось участие катакомбных форм. Группы 10 и 16 с катакомбной керамикой оказались в зоне формирования типа, но одновременно с этим по дереву иерархической классификации они оказались очень близки собственно-срубной сильной группе 5. Такая конфигурация групп на дереве иерархической классификации и расположение их на гиперболе нормального типобразования дает возможность говорить о преемственности керамических форм или иначе – о линии развития, которую можно назвать «катакомбной», для баночного срубного керамического комплекса. Другая катакомбная форма – «репки» – «притянула» к себе ряд сосудов срубного времени, в результате чего образовались группы 6 и 13. Тем самым, данная форма выступила основой «второй катакомбной» линии развития срубной керамики.

Включенные в выборку покровские сосуды не сформировали какой-либо собственной группы. Округлобокие покровские банки рассеялись среди собственно срубных баночных групп. Биконические же покровские сосуды по совокупности признаков попали в уже рассмотренные группы 6 и 13, обнаружив этим свою морфологическую близость с волго-донскими катакомбными формами.

Наиболее интересным и необычным образом распределились в рамках дерева иерархической классификации и гиперболы нормального типобразования полтавкинские сосуды. Во-первых, полтавкинские открытые банки вошли в сильные собственно-срубные группы куста 2. Во-вторых, закрытые полтавкинские банки с близкими срубными формами почти в соотношении 1:1 образовали полноценную сильную многочисленную группу 2, морфологически близкую еще двум, также сильным и многочисленным группам 1 и 9 куста 3. То есть полтавкинские баночные формы оказываются в компактном виде в зоне развитого типа. Это означает, что типы срубной керамики, имеющие морфологическую близость с полтавкинскими формами, и в первую очередь – сосуды с профилем, обычно обозначаемым как «близкий к яйцевидному» (коротким закрытым устьем и высокорасположенным округлым

плечиком), появляются в срубном керамическом комплексе **в уже готовом виде**. Важно отметить, что керамические комплексы полтавкинской и срубной культур объединяет еще и то, что среди прочих культурных образований эпох средней и поздней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы только в этих двух банка составляет численно преобладающий и доминирующий тип посуды.

Степень близости керамических форм полтавкинского времени и баночных типов развитой срубной культуры позволяет говорить не о конвергенции в рамках общих закономерностей типобразования от эпохи неолита до бронзового века, а, по сути дела, об опосредованной преемственности двух керамических традиций. Данную преемственность не следует понимать буквально, поскольку непосредственного хронологического стыка полтавкинских и срубных памятников не прослеживается. На наш взгляд, термин «ренессанс» наилучшим образом описывает тот расцвет баночных форм в соответствии с отошедшими в прошлое полтавкинскими традициями, который имел место в срубной культуре. Этот «баночный ренессанс» срубной эпохи становится последним всплеском в развитии данной формы, и уже в валиковое время банка утрачивает свое значение, подчиняясь, вероятно, логике изменения хозяйственно-культурного типа и уклада его носителей в Нижнем Поволжье.

Вполне уместен вопрос о том, каким образом могла банка из полтавкинской культуры попасть в срубную через временной разрыв. Общий ответ на данный вопрос может выглядеть следующим образом. Деструктивный период, отделяющий позднюю бронзу от средней, характеризовался наличием большого числа слабо консолидированных культурных образований. Одно или даже несколько таких образований, в чьей среде сохранялся полтавкинский «керамический код», и оказались в начале эпохи поздней бронзы центром консолидации нового – уже срубного – мира.

Таким образом, проведенный с использованием формализованных процедур анализ баночных сосудов срубной культуры позволил сделать следующие выводы:

1. Срубный баночный комплекс вполне соответствует закономерностям нормального типобразования, но данное соответствие обнаруживается только при совместном рассмотрении как форм «классической» срубной культуры, так и комплексов тех памятников, которые ей предшествуют (катакомбные, покровские, потаповские, синташтинские, полтавкинские).

2. Это соответствие на формализованном уровне проявляется в виде появления «гиперболы нормального типобразования» на графике зависимости некомпактности кластера от числа объектов в его составе.

3. Основу групп «верхнего хвоста» гиперболы – зоны начального этапа формообразования – составили сосуды памятников, предшествующих «классическому» срубному времени. Однако степень участия различных культурных групп в формировании развитого срубного комплекса не была одинаковой.

4. Синташтинские, потаповские и покровские баночные формы прямого продолжения в срубной керамике не имели, оставшись своего рода эпизодом типологического процесса.

5. Иначе сложилась судьба катакомбных форм. По всей вероятности, для баночного комплекса срубной культуры можно говорить о двух «катакомбных» линиях развития с эволюцией от слабых групп зоны формирования типа к сильным собственно-срубным группам развитого этапа.

6. Особое место в формировании срубного баночного керамического комплекса принадлежит полтавкинским формам. В своем большинстве они попадают в сильные многочисленные группы. Это означает не просто наличие «полтавкинской» линии развития, а говорит о наличии более глубокой связи двух культур в виде преемственности «керамического кода».

7. Культурные группы – носители полтавкинского «керамического кода», пройдя через период деструкции перехода от средней бронзы к поздней, в начале позднего бронзового века становятся центрами консолидации уже нового – срубного – мира в той его части, которая характеризуется как «классическая» срубная культура и где банка являлась, по-видимому, самой ранней и одновременно ведущей керамической формой.

Литература:

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского Правобережья // Археологические Вести. Саратов, 1993.

Кочерженко О.В., Сергеева О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л. Закономерности построения и эволюция орнамента поселенческой керамики эпох поздней и финальной бронзы Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. Курган у села Симоновка и некоторые вопросы интерпретации культурных групп переходного времени между сред-

ней и поздней бронзой // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012. Вып. 9.

Лопатин В.А. Курган у Ивановского разъезда в Саратовском Правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье. Саратов, 2010.

Малов Н.М. Задано-Авиловский энеолитический могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Мальшев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 годах // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Мамонтов В.И. Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1959. № 60.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.

Юдин А.И. Курганы у с. Мокрое // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. Саратов, 2006.

Clarke D.L. Analytical archaeology. London, Methuen, 1968.

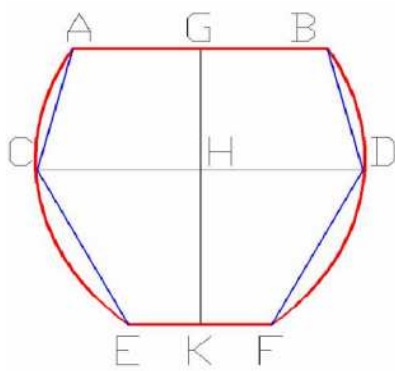

Рис. 1. Метрические признаки сосуда

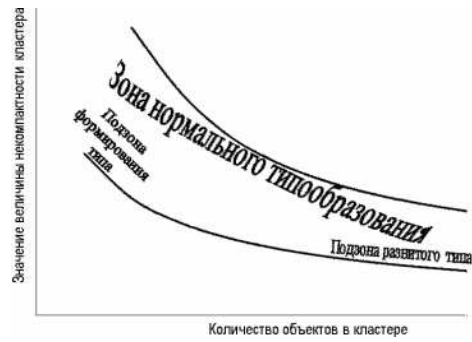

Рис. 2. Эволюция культурного типа

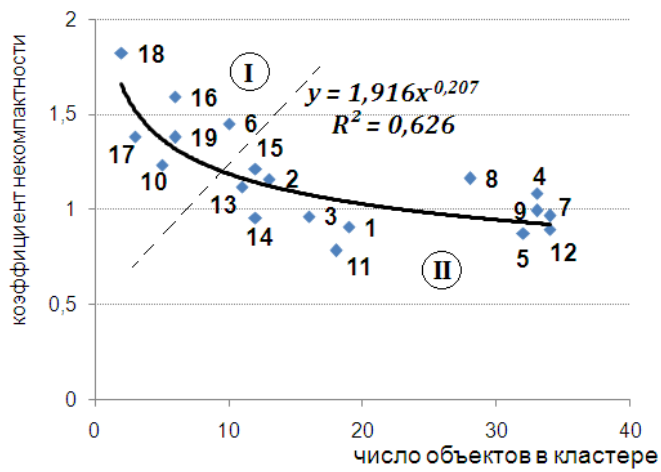

Рис. 3. Поле корреляции коэффициента некомпактности с числом объектов в кластере

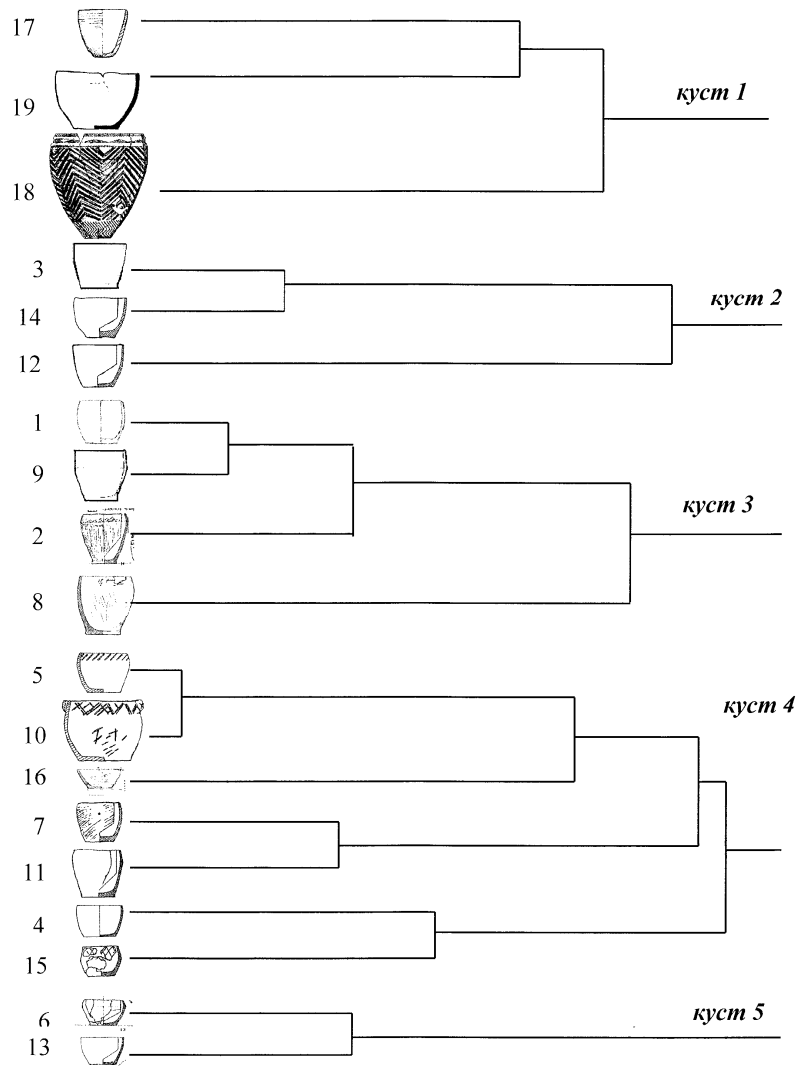

Рис. 4. Дерево иерархической классификации

Приложение 1. Список сосудов выборки

1. Кочетное к. 5 п. 4 [Юдин, Матюхин, 2006. Рис. 4, 2]	47. См. п. 58 [Там же. Рис. 13, 11]
2. Коч. к. 5 п. 6 [Там же. Рис. 4, 3]	48. См. п. 60/1 [Там же. Рис. 13, 13]
3. Коч. к. 5 п. 8-1 [Там же. Рис. 4, 8]	49. См. п. 62 [Там же. Рис. 18]
4. Коч. к. 5 п. 8-2 [Там же. Рис. 4, 9]	50. См. п. 68 [Там же. Рис. 14, 13]
5. Коч. к. 11 п. 1 [Там же. Рис. 9, 1]	51. См. п. 72/2 [Там же. Рис. 15, 6]
6. Коч. к. 12 п. 1 [Там же. Рис. 10, 3]	52. См. п. 73/1 [Там же. Рис. 15, 8]
7. Коч. к. 12 п. 2 [Там же. Рис. 10, 2]	53. См. п. 73/2 [Там же. Рис. 15, 9]
8. Коч. к. 12 п. 4 [Там же. Рис. 10, 5]	54. См. п. 75 [Там же. Рис. 15, 11]
9. Коч. к. 12 п. 6 [Там же. Рис. 11, 2]	55. См. п. 76 [Там же. Рис. 15, 12]
10. Коч. к. 12 п. 7 [Там же. Рис. 11, 4]	56. См. п. 81 [Там же. Рис. 16, 6]
11. Золотая Гора к. 1 [Там же. Рис. 13, 2]	57. См. п. 82/1 [Там же. Рис. 16, 7]
12. З. Гора к. 2 п. 1 [Там же. Рис. 15, 2]	58. См. п. 85 [Там же. Рис. 16, 13]
13. З. Гора к. 3 п. 3 [Там же. Рис. 16, 3]	59. См. п. 87 [Там же. Рис. 16, 16]
14. З. Гора к. 4 [Там же. Рис. 18, 6]	60. См. п. 89 [Там же. Рис. 17, 8]
15. З. Гора к. 5 п. 2 [Там же. Рис. 19, 3]	61. См. п. 90 [Там же. Рис. 17, 9]
16. З. Гора к. 5 п. 15 [Там же. Рис. 21, 6]	62. См. п. 91 [Там же. Рис. 17, 10]
17. З. Гора к. 5 п. 17 [Там же. Рис. 21, 8]	63. См. п. 93 [Там же. Рис. 17, 15]
18. З. Гора к. 5 п. 18 [Там же. Рис. 21, 7]	64. См. п. 98/1 [Там же. Рис. 17, 22]
19. З. Гора к. 5 п. 21 [Там же. Рис. 22, 5]	65. См. п. 98/2 [Там же. Рис. 17, 21]
20. З. Гора к. 5 п. 28 [Там же. Рис. 23, 13]	66. См. п. 99 [Там же. Рис. 18, 5]
21. З. Гора к. 5 п. 30 [Там же. Рис. 23, 7]	67. См. п. 100/1 [Там же. Рис. 18, 2]
22. З. Гора к. 5 п. 32 [Там же. Рис. 23, 3]	68. См. п. 101 [Там же. Рис. 18, 18]
23. З. Гора к. 6 п. 1 [Там же. Рис. 24, 1]	69. См. п. 102/1 [Там же. Рис. 18, 7]
24. З. Гора к. 6 п. 2 [Там же. Рис. 24, 2]	70. См. п. 103 [Там же. Рис. 18, 8]
25. З. Гора к. 6 п. 3 [Там же. Рис. 24, 3]	71. См. п. 105 [Там же. Рис. 18, 10]
26. З. Гора к. 6 п. 5 [Там же. Рис. 24, 6]	72. См. п. 106/1 [Там же. Рис. 18, 12]
27. З. Гора к. 6 п. 9 [Там же. Рис. 25, 4]	73. См. п. 106/2 [Там же. Рис. 18, 13]
28. Яблоня к. 2 п. 1 [Там же. Рис. 28, 8]	74. См. п. 107 [Там же. Рис. 19, 2]
29. Смеловка п. 8 [Лопатин, 2010. Рис. 4, 10]	75. См. п. 108/2 [Там же. Рис. 19, 4]
30. См. п. 10/4 [Там же. Рис. 5, 2]	76. См. п. 109 [Там же. Рис. 19, 6]
31. См. п. 10/5 [Там же. Рис. 5, 4]	77. См. п. 113/1 [Там же. Рис. 20, 4]
32. См. п. 10/3 [Там же. Рис. 5, 6]	78. См. п. 113/2 [Там же. Рис. 20, 3]
33. См. п. 23 [Там же. Рис. 7, 8]	79. См. п. 114/2 [Там же. Рис. 20, 6]
34. См. п. 29 [Там же. Рис. 8, 1]	80. См. п. 115/2 [Там же. Рис. 20, 9]
35. См. п. 31 [Там же. Рис. 8, 3]	81. См. п. 116/1 [Там же. Рис. 20, 12]
36. См. п. 34/1 [Там же. Рис. 9, 2]	82. См. п. 117/1 [Там же. Рис. 20, 16]
37. См. п. 34/5 [Там же. Рис. 9, 6]	83. См. п. 117/2 [Там же. Рис. 20, 17]
38. См. п. 45 [Там же. Рис. 10, 9]	84. См. п. 119/1 [Там же. Рис. 21, 4]
39. См. п. 46 [Там же. Рис. 10, 10]	85. См. п. 119/2 [Там же. Рис. 21, 3]
40. См. п. 48/3 [Там же. Рис. 11, 4]	86. См. п. 120/1 [Там же. Рис. 21, 5]
41. См. п. 50 [Там же. Рис. 11, 8]	87. См. п. 120/2 [Там же. Рис. 21, 6]
42. См. п. 51 [Там же. Рис. 11, 9]	88. См. п. 121/2 [Там же. Рис. 21, 8]
43. См. п. 54 [Там же. Рис. 12, 4]	89. См. п. 122/1 [Там же. Рис. 21, 11]
44. См. п. 55/1 [Там же. Рис. 12, 8]	90. См. п. 122/2 [Там же. Рис. 21, 12]
45. См. п. 57/1 [Там же. Рис. 13, 2]	91. См. п. 123/1 [Там же. Рис. 21, 13]
46. См. п. 57/2 [Там же. Рис. 13, 3]	92. См. п. 123/2 [Там же. Рис. 21, 14]
	93. См. п. 124 [Там же. Рис. 22, 2]

94. См. п. 125/2 [Там же. Рис. 22, 4]
 95. См. п. 126/2 [Там же. Рис. 22, 7]
 96. См. п. 127 [Там же. Рис. 22, 9]
 97. См. п. 129/1 [Там же. Рис. 22, 14]
 98. См. п. 129/2 [Там же. Рис. 22, 15]
 99. Симоновка к. 1 п. 3 [Кочерженко, Слонов, 2012. Рис. 4]
 100. Ивановский к-н п. 1/1 [Лопатин, 2008. Рис. 1, 6]
 101. Ив. к-н п. 1/2 [Там же. Рис. 1, 7]
 102. Ив. к-н п. 5 [Там же. Рис. 2, 8]
 103. Ив. к-н п. 9 [Там же. Рис. 2, 12]
 104. Большая Дмитриевка к. 3 п. 1¹
 105. Б. Дм. к. 3 п. 2
 106. Б. Дм. к. 3 п. 6/1
 107. Б. Дм. к. 3 п. 6/2
 108. Б. Дм. к. 3 п. 9
 109. Б. Дм. к. 3 п. 11
 110. Б. Дм. к. 3 п. 12
 111. Б. Дм. к. 3 п. 13
 112. Б. Дм. к. 3 п. 14/1
 113. Б. Дм. к. 3 п. 14/2
 114. Б. Дм. к. 3 п. 16/1
 115. Б. Дм. к. 3 п. 16/2
 116. Б. Дм. к. 3 п. 18
 117. Б. Дм. к. 3 п. 19
 118. Б. Дм. к. 3 п. 20
 119. Б. Дм. к. 3 п. 22/1
 120. Б. Дм. к. 3 п. 22/2
 121. Б. Дм. к. 7 п. 1/1
 122. Б. Дм. к. 7 п. 1/2
 123. Б. Дм. к. 7 п. 2
 124. Б. Дм. к. 7 п. 3
 125. Б. Дм. к. 7 п. 4
 126. Б. Дм. к. 7 п. 5
 127. Б. Дм. к. 7 п. 6/1
 128. Б. Дм. к. 7 п. 6/2
 129. Б. Дм. к. 7 п. 6/3
 130. Б. Дм. к. 7 п. 7
 131. Б. Дм. к. 7 п. 8/1
 132. Б. Дм. к. 7 п. 8/2
 133. Б. Дм. к. 7 п. 9
 134. Б. Дм. к. 7 п. 10/1
 135. Б. Дм. к. 7 п. 10/2
 136. Б. Дм. к. 12 п. 1
 137. Б. Дм. к. 12 п. 2/1
 138. Б. Дм. к. 12 п. 2/2
 139. Б. Дм. к. 12 п. 3
 140. Б. Дм. к. 12 п. 4/1
 141. Б. Дм. к. 12 п. 4/2
 142. Б. Дм. к. 12 п. 5
 143. Б. Дм. к. 12 п. 6/1
 144. Б. Дм. к. 12 п. 6/2
 145. Б. Дм. к. 12 п. 7
 146. Б. Дм. к. 12 п. 8/1
 147. Б. Дм. к. 12 п. 8/2
 148. Б. Дм. к. 12 п. 9/1
 149. Б. Дм. к. 12 п. 9/2
 150. Б. Дм. к. 12 п. 10/1
 151. Б. Дм. к. 12 п. 10/2
 152. Б. Дм. к. 12 п. 11
 153. Б. Дм. к. 12 п. 12/1
 154. Б. Дм. к. 12 п. 12/2
 155. Б. Дм. к. 12 п. 12/3
 156. Б. Дм. к. 12 п. 12/4
 157. Б. Дм. к. 12 п. 12/5
 158. Б. Дм. к. 12 п. 12/6
 159. Б. Дм. к. 12 п. 14/1
 160. Б. Дм. к. 12 п. 14/2
 161. Б. Дм. к. 12 п. 15/1
 162. Б. Дм. к. 12 п. 15/2
 163. Б. Дм. к. 12 п. 16/1
 164. Б. Дм. к. 12 п. 16/2
 165. Б. Дм. к. 12 п. 19
 166. Медяниково к. 1 п. 2
 167. Мед. к. 4 п. 1
 168. Мед. к. 4 п. 2
 169. Мед. к. 5 п. 2
 170. Политотдельское к. 5 п. 2 [Смирнов, 1959. Рис. 18, 2]
 171. Мед. к. 8 п. 2/1
 172. Мед. к. 8 п. 2/2
 173. Мед. к. 8 п. 3
 174. Мед. к. 8 п. 6
 175. Мед. к. 8 п. 7
 176. Мед. к. 8 п. 8
 177. Мед. к. 8 п. 9
 178. Мед. к. 8 п. 10
 179. Мед. к. 8 п. 11/1
 180. Мед. к. 8 п. 11/2
 181. Мед. к. 8 п. 12
 182. Мед. к. 8 п. 13
 183. Мед. к. 8 п. 16
 184. Мед. к. 8 п. 17
 185. Мед. к. 8 п. 18/1

¹ Все представленные в выборке неопубликованные сосуды находятся в фондах СОМК, замеры используемых в настоящей работе параметров производились авторами.

186. Мед. к. 8 п. 18/2
 187. Мед. к. 8 п. 19/1
 188. Мед. к. 8 п. 19/2
 189. Мед. к. 8 п. 20
 190. Мед. к. 8 п. 21
 191. Мед. к. 8 п. 22
 192. Мед. к. 8 п. 23/1
 193. Мед. к. 8 п. 23/2
 194. Мед. к. 8 п. 24
 195. Мед. к. 8 п. 25
 196. Мед. к. 8 п. 26/1
 197. Мед. к. 8 п. 26/2
 198. Мед. к. 8 п. 27
 199. Танавское городище п. 1/1
 200. Тг. п. 1/2
 201. Тг. п. 1/3
 202. Тг. п. 2/1
 203. Тг. п. 2/2
 204. Тг. п. 3
 205. Тг. п. 4
 206. Тг. п. 6
 207. Тг. п. 7
 208. Тг. п. 8
 209. Тг. п. 9
 210. Тг. п. 10
 211. Тг. п. 11
 212. Тг. п. 12/1
 213. Тг. п. 12/2
 214. Тг. п. 13
 215. Тг. п. 17
 216. Тг. п. 19
 217. Тг. п. 20/1
 218. Тг. п. 20/2
 219. Тг. п. 21
 220. Тг. п. 22/1
 221. Тг. п. 22/2
 222. Тг. п. 23
 223. Тг. п. 24
 224. Тг. п. 25/1
 225. Тг. п. 25/2
 226. Широкий Карамыш к. 2 п. 3
 227. ШК. к. 2 п. 6
 228. ШК. к. 2 п. 10
 229. ШК. к. 3 п. 2
 230. ШК. к. 3 п. 4
 231. ШК. к. 3 п. 5/1
 232. ШК. к. 3 п. 5/2
 233. ШК. к. 3 п. 6/1
 234. ШК. к. 3 п. 6/2
 235. ШК. к. 3 п. 7
 236. ШК. к. 3 п. 8/1
 237. ШК. к. 3 п. 8/2
 238. ШК. к. 4 п. 1
 239. ШК. к. 4 п. 2
 240. ШК. к. 4 п. 3
 241. ШК. к. 4 п. 4
 242. ШК. к. 4 п. 7
 243. ШК. к. 4 п. 10
 244. ШК. к. 5 п. 1
 245. ШК. к. 5 п. 2/1
 246. ШК. к. 5 п. 2/2
 247. ШК. к. 5 п. 3
 248. ШК. к. 5 п. 4/1
 249. ШК. к. 5 п. 4/2
 250. ШК. к. 5 п. 5
 251. ШК. к. 5 п. 6/1
 252. ШК. к. 5 п. 6/2
 253. Политотдельское к. 4 п. 1 [Смирнов, 1959. Рис. 15, 8]
 254. Полит. к. 4 п. 2 [Там же. Рис. 15, 9]
 255. Терновка к. 3 п. 6
 256. Терновка к. 3 п. 9
 257. Терновка к. 4 п. 2
 258. Терновка к. 4 п. 4
 259. Терновка к. 4 п. 11
 260. Терновка к. 4 п. 15
 261. Карамыш к. 1 п. 1
 262. Бережновка II к. 91 п. 2
 263. Быково II к. 3 п. 4
 264. Осиновка к. 1 п. 7
 265. Дубовое
 266. Новоузенск к. 1 п. 4
 267. Чардым к. 1 п. 9
 268. Б.Дм. к. 12 п. 5/3
 269. Бережновка I к. 25 п. 6
 270. Бер. I к. 35 п. 6
 271. Иловатка (юж.гр.) к. 2 п. 3
 272. Синташта СМ п. 2 [Генинг и др., 1992. Рис. 47, 4]
 273. Синт. СМ п. 13 [Там же. Рис. 81, 6]
 274. Синт. СМ п. 34 [Там же. Рис. 115, 6]
 275. Синт. Ж.к. I [Там же. Рис. 129, 3]
 276. Синт. С I насыпь [Там же. Рис. 137, 5]
 277. Синт. С I п. 16 [Там же. Рис. 146, 16]
 278. Синт. С II п. 4 [Там же. Рис. 178, 1]
 279. Синт. С II п. 7 [Там же. Рис. 187, 3]
 280. Синт. С III [Там же. Рис. 197, 5]
 281. Синт. С III [Там же. Рис. 197, 8]
 282. Потаповка к. 5 п. 3 [Васильев и др., 1994. Рис. 20, 3]

283. Потап. к. 5 п. 5 [Там же. Рис. 20, 6]
 284. Потап. к. 1 п. 4 [Там же. Рис. 20, 7]
 285. Потап. к. 5 п. 7 [Там же. Рис. 20, 9]
 286. Потап. к. 3 п. 4 [Там же. Рис. 21, 4]
 287. Потап. к. 3 п. 5 [Там же. Рис. 22, 6]
 288. Павловский могильник к. 7 п. 1 [Синюк, 1996. Рис. 22, 3]
 289. Второй Богучарский могильник к. 1 п. 6 [Там же. Рис. 30, 6]
 290. Второй Богуч. м-к к. 2 п. 2/1 [Там же. Рис. 33, 1]
 291. Второй Богуч. м-к к. 2 п. 2/2 [Там же. Рис. 33, 2]
 292. Калиновский могильник к. 55 п. 7
 293. Кондрашкинский курган п. 3 [Пряхин и др., 1989. Рис. 7, 2]
 294. Павловские курганы, нижняя группа, к. 7 п. 1 [Синюк, 1983. Рис. 2, 3]
 295. Павл. к-ны, ниж. гр. к. 17 п. 1 [Там же. Рис. 6, 2]
 296. Павл. к-ны, ниж. гр. к. 26 п. 4 [Там же. Рис. 23, 9]
 297. Политотдельское к. 5 п. 1 [Смирнов, 1959. Рис. 18, 1]
 298. Полит. к. 12 п. 1 [Там же. Рис. 22, 4]
 299. Полит. к. 12 п. 2 [Там же. Рис. 22, 5]
 300. Полит. к. 12 п. 3 [Там же. Рис. 22, 6]
 301. Полит. к. 12 п. 4 [Там же. Рис. 22, 7]
 302. Полит. к. 12 п. 5 [Там же. Рис. 22, 8]
 303. Полит. к. 12 п. 6 [Там же. Рис. 22, 9]
 304. Полит. к. 12 п. 7 [Там же. Рис. 22, 10]
 305. Полит. к. 12 п. 8 [Там же. Рис. 22, 12]
 306. Полит. к. 12 п. 9 [Там же. Рис. 22, 13]
 307. Полит. к. 12 п. 13 [Там же. Рис. 22, 14]
 308. Полит. к. 12 п. 14 [Там же. Рис. 22, 15]
 309. Полит. к. 12 п. 15 [Там же. Рис. 22, 16]
 310. Полит. к. 12 п. 17 [Там же. Рис. 22, 19]
 311. Журов к. 2 п. 4 [Мамонтов, 1977. Рис. 1, 2]
 312. Колобовка I к. 6 п. 3 [Там же. Рис. 1, 1]
 313. Колоб. I к. 2 п. 2 [Там же. Рис. 1, 3]
 314. Заканалный к. 6 п. 3 [Там же. Рис. 2, 2]
 315. Колтубань I к. 8 п. 2 [Там же. Рис. 2, 3]
 316. Задано-Авилловский могильник [Малов, 2008. Рис. 9]
 317. Сабуровский могильник [Мальшев, 2008. Рис. 6, 4]
 318. Мокрое 2 к. 3 п. 1/1 [Юдин, 2008. Рис. 8, 1]
 319. Мокр. 2 к. 3 п. 1/2 [Там же. Рис. 8, 2]
 320. Мокр. 2 к. 3 п. 3/1 [Там же. Рис. 8, 3]
 321. Мокр. 2 к. 3 п. 3/2 [Там же. Рис. 8, 4]
 322. Широценка к. 2 насыпь [Васильев и др., 2000. Рис. 19, 2]
 323. Аверьяновка I к. 6 п. 6 [Там же. Рис. 19, 3]
 324. Кряж III к. 1 п. 3 [Там же. Рис. 19, 6]
 325. Владимировка к. 4 п. 4 [Там же. Рис. 14, 8]
 326. Березняки I к. 14 п. 1 [Там же. Рис. 14, 9]
 327. Переполовенка I к. 2 п. 1 [Там же. Рис. 14, 10]

Приложение 2. Состав групп

<i>Группа</i>	<i>Номер</i>
1	1, 6, 26, 31, 34, 44, 45, 61, 76, 87, 89, 107, 115, 119, 132, 153, 158, 254, 308.
2	2, 3, 18, 51, 166, 224, 292, 312, 315, 322, 324, 325, 327.
3	4, 43, 58, 63, 72, 75, 85, 94, 100, 111, 168, 188, 228, 252, 309, 323.
4	5, 16, 62, 118, 127, 128, 134, 135, 145, 148, 152, 155, 156, 172, 174, 181, 182, 183, 191, 206, 209, 212, 221, 223, 236, 238, 247, 255, 278, 280, 295, 302, 316.
5	7, 17, 20, 22, 27, 39, 47, 64, 101, 105, 114, 123, 140, 142, 149, 162, 167, 176, 218, 219, 226, 240, 241, 248, 250, 267, 270, 271, 297, 301, 306, 321.
6	8, 11, 28, 99, 103, 261, 262, 263, 265, 276.
7	9, 42, 46, 71, 73, 82, 91, 92, 93, 96, 106, 121, 125, 129, 130, 137, 141, 146, 151, 159, 163, 169, 170, 187, 192, 202, 205, 215, 216, 230, 239, 249, 256, 303.
8	10, 12, 32, 50, 53, 56, 59, 67, 70, 74, 84, 97, 116, 133, 144, 147, 164, 177, 186, 195, 229, 231, 272, 273, 300, 307, 319, 320.
9	13, 19, 21, 23, 29, 33, 36, 40, 41, 60, 68, 113, 117, 120, 122, 154, 157, 160, 171, 173, 184, 190, 193, 198, 201, 227, 242, 251, 260, 268, 269, 274, 318.
10	14, 138, 287, 288, 294.
11	15, 24, 81, 95, 110, 112, 139, 143, 150, 179, 197, 204, 214, 235, 237, 245, 284, 293.
12	25, 37, 54, 65, 77, 79, 80, 83, 90, 98, 108, 124, 126, 131, 136, 161, 175, 180, 189, 194, 199, 200, 210, 217, 220, 232, 233, 234, 244, 246, 258, 298, 304, 314.
13	30, 48, 66, 86, 165, 185, 203, 259, 264, 290, 299.
14	35, 38, 49, 52, 78, 102, 104, 213, 243, 257, 281, 313.
15	55, 57, 69, 88, 109, 178, 196, 207, 208, 211, 222, 305.
16	225, 253, 289, 291, 296, 317.
17	266, 311, 326.
18	275, 279.
19	277, 282, 283, 285, 286, 310.

Приложение 3. Средние значения параметров для групп сосудов

№ группы	CD	GK/CD	GH/CD	AB/CD	HK/CD	CD/EF
1	14,984	0,862	0,322	0,885	0,538	1,628
2	17,746	0,858	0,235	0,886	0,622	2,214
3	13,069	0,896	0	1	0,896	1,601
4	9,982	0,62	0,138	0,94	0,478	1,353
5	13,803	0,73	0,209	0,938	0,521	1,662
6	13,62	0,734	0,313	0,717	0,418	1,64
7	10,609	0,801	0,227	0,934	0,571	1,455
8	16,793	0,976	0,255	0,91	0,719	1,739
9	16,573	0,842	0,247	0,942	0,591	1,799
10	22,18	0,682	0,208	0,894	0,478	1,818
11	14,35	0,849	0,151	0,955	0,694	1,593
12	9,424	0,699	0,002	0,999	0,696	1,316
13	9,545	0,796	0,341	0,829	0,455	1,261
14	13,675	0,736	0	1	0,736	1,842
15	8,058	0,671	0,307	0,946	0,354	1,233
16	15,733	0,5	0,075	0,965	0,425	2,195
17	18,567	0,997	0	1	0,997	2,603
18	35,65	0,965	0,245	0,885	0,72	3,215
19	27,5	0,812	0,057	0,985	0,755	1,8

Малышев А.Б.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ
«ПОЭМЫ» НА БЕРЕСТЕ, НАЙДЕННОЙ У СЕЛА ПОДГОРНОЕ

В 1931 г. при земляных работах около села Подгорное Энгельсского района Саратовской области было разрушено средневековое золотоордынское погребение, которое сразу вызвало научный интерес археологов. Судя по свидетельствам рабочих и отчёту А.А. Кроткова, захоронение было устроено в деревянном гробу и прямоугольной могиле, ориентированной по линии «северо-запад – юго-восток», в подбье вдоль юго-западной стенки. Крышка гроба была сделана из осины, либо осокоря («чёрного тополя»). В погребении был обнаружен разнообразный инвентарь: обломок железной пряжки, фрагмент железного ножа с остатками деревянной рукояти, один целый наконечник стрелы и несколько разрушенных, а также кожаный кошелек. Но наиболее интересными находками были берестяная коробочка с 25 фрагментами текста, написанного уйгурским шрифтом на монгольском языке, бронзовая чашечка (чернильница) и костяное «писало». Дальнейшая судьба данной коллекции сложилась непросто. Часть предметов из погребения (чернильница и писало) сохранились в Энгельском краеведческом музее. Комплекс фрагментов рукописи был разделён и в настоящее время по частям хранится в фондах Государственного Эрмитажа, Саратовского областного музея краеведения, Энгельсского краеведческого музея, а также в Рукописном фонде отдела редких книг Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 189–190; Недашковский, 2000. С. 150; Малов, Пилипенко, Сергеева, 2013. С. 382–396].

Первым исследователем, который перевёл, опубликовал, осуществил языковедческий анализ и интерпретировал рукопись, был Н.Н. Поппе [Поппе, 1941. С. 81–34]. По его мнению, рукопись представляет собой фольклорную, неаристократическую «поэму» о молодом воине, уезжающем на службу

к хану и прощавшемся со своей матерью. Исследователь полагал, что рукопись использовалась (читалась) до погребения и была написана небогатым человеком (не военачальником и не чиновником), скорее всего писцом, бахши («*baqši*»), который знал два языка (монгольский и уйгурский) и три письменности (монгольскую, квадратную и уйгурскую). Источники подтверждают, что писцы монгольских ханов были весьма образованными и эрудированными чиновниками, так как должны были знать персидский, уйгурский, китайский, тибетский, тангутский и другие языки [Джувейни, 2004. С. 440; Рашид ад-Дин, 1960. Т. II. С. 140; Абзалов, 2008. С. 176].

Вслед за Н.Н. Попе интерпретацию рукописи как «поэмы», приняли и другие исследователи истории и культуры Золотой Орды, которые обращались к данному памятнику [Греков, Якубовский, 1950. С. 175; Недашковский, 2000. С. 150; Кугальнек, 2001. С. 112; Источники по культуре Золотой Орды, 2009. С. 922–923]. Следует отметить, что текст рукописи был переведён и проанализирован только один раз, привлекался и использовался исследователями относительно редко. На первый взгляд данный текст действительно выглядит как «поэма» или «песня». Между тем, отдельные слова и фразы рукописи не вполне понятны, и не исключено, что текст можно трактовать в ином ключе, а именно в ритуально-магическом.

Немаловажно, что текст рукописи был найден именно в захоронении, и, следовательно, составлял часть ритуального набора сакральных, культовых предметов погребального инвентаря, сопровождавших покойного в иной мир. Судя по описанию разрушенной могилы, она являлась погребением небогатого мужчины с признаками «рядового» воина (наличие оружия), причём с предметами языческой обрядности (пряжка, нож, стрела, кошель). С другой стороны в обрядности прослеживается значительная степень исламизации (западная ориентировка, подбой и деревянный гроб). Описание обстоятельств обнаружения погребения позволяет несколько сомневаться в том, что коробочка с рукописью находилась непосредственно в могиле, а не рядом с нею. Однако, даже в этом случае отрицать связь между погребением и рукописью весьма сложно.

Отметим, что в связи с таким признаком, как наличие литературного текста, данное погребение является уникальным. В настоящее время известен всего один подобный факт. В мужском погребении № 37 грунтового могильника золотоордынского времени (XIII–XIV вв.) «Вакуровский I» (Астраханская область) была обнаружена квадратная берестяная «грамота» с надписью на обеих сторонах листка. Надпись представляет собой арабский текст, который возможно является отрывком суры из Корана, какой-либо мусульманской сентенции или светского текста, начинающегося с традиционной хвалы Всевышнему, на что указывают авторы публикации [Перерва, Кутуков, Балабанова, Зубаре-

ва, 2010. С. 45; Кутуков, Перерва, Резк, 2011. С. 99–104, рис. 4–6]. Тем не менее, берестяная «грамота» с мусульманским текстом и обращением к Всевышнему, также как и в подгорновском погребении, является предметом ритуального погребального инвентаря, сопровождавшего покойного в иной мир.

В монгольской погребальной традиции нам не известны другие «погребения с поэмами», хотя в публикациях не раз отмечалось присутствие в золотоордынских захоронениях берестяных предметов: посуды, частей головных уборов («богтаг»), сумок, колчанов, саванов [Баллод, 1923. С. 82–84; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 85, 100, 103, 108–113, 117, 120, 124–125, 129, 133, 138, 140, 143–144, 149, 156, 159, 163, 165, 177, 196–202, 205, 211–216; Евтеев, Кубанкин, 2009. С. 134; Рыкин, 2010. С. 267]. Береста была дешёвым и весьма удобным материалом для создания различных бытовых изделий.

Как материал для письма береста использовалась в древности и средневековье в различных регионах: в Древней Индии, Римской империи, на Тибете, в Средней Азии, Северной Европе, Сибири и Северной Америке [Языки и письменность народов Севера, 1934. С. 152–157; Туголуков, 1979. С. 104; Бонгард-Левин, Ильин, 1985. С. 668–669, 703–704; Воробьева-Десятовская, 1988. С. 27–38; Бонгард-Левин, 2001. С. 274; Есипова, Куклина, Данченко, 2011. С. 121; Есипова, 2012. С. 387]. Представляется, что подгорновская «поэма» имеет наиболее вероятные аналогии в среде восточного ареала бытования берестяных документов.

Известно, что береста весьма широко использовалась профессиональными писцами VII–IX вв. в среде уйгур, тибетцев и других народов Средней и Центральной Азии. Причём среди данных текстов преобладали именно религиозные – буддийские рукописи, либо магические тибетские (заговоры-обереги против злых духов и вредоносные) [Воробьева-Десятовская, 1980. С. 124–131]. В Узбекистане на берегу р. Дукентсай были найдены берестяные фрагменты, также представлявшие собой остатки буддийской книги, написанной в XV–XVI вв., и принадлежавшей общине монголов-буддистов [Буряков, 1966. С. 3–10]. Береста и позднее довольно часто использовалась монголами, как писчий материал для грамот и небольших книг. Известны буддийские монгольские рукописи XVII–XVIII вв. из Монголии и Узбекистана, многие из которых были найдены в развалинах субургана – культового буддийского сооружения [Кара, 1972. С. 111; Абзалов, 2009. С. 42].

По описаниям и при реконструкции рукопись из Подгорного выглядела как книжка или тетрадь карманного формата. В основу конструкции книги было положено три двойных листа (сложенных вдвое) между которыми группировались одинарные листы по 5–7 страниц. На листах были зафиксированы две разных системы сшива переплёта, что возможно связано с ремонтом книжки либо её переделкой и сменой переплёта. Скорее всего, рукопись

была переделана в более крупный сборник произведений, и в ней было гораздо большее количество листов, чем в настоящее время. По-видимому, переводчик рукописи Н.Н. Поппе «расставил» листы по порядку чтения текста исходя из внутренней логики его содержания [Малов, Пилипенко, Сергеева, 2013. С. 382–396]. Сама рукопись из Подгорного была прошита по китайскому типу (из двойных листов) и представляла собой тетрадь («дэвтэр») [Кара, 1972. С. 120]. Впрочем, подобная форма книги-тетради была характерна также для уйгур [Гутушева, 1988. С. 365] и как книга-кодекс – у тангутов [Кычанов, 1988. С. 389–390].

Костяное перо-писало, найденное в погребении, соответствует образцам китайских, монгольских и золотоордынских инструментов для письма, которые называются термином «калям» и являлись одним из инструментов писца. «Калям» изготавливали из тростника, бамбука, дерева, кости, бронзы или железа. Найденная в Подгорновском погребении чернильница также входит в стандартный набор писца. В Золотой Орде были найдены различные металлические, глиняные и полуфаянсовые чернильницы [Кара, 1972. С. 110; Усманов, 1979. С. 93; Золотая Орда. История и культура, 2005. С. 202–203, № 147–155; Абзалов, 2009а. С. 26–27]. Нож найденный в погребении, по-видимому, применялся как перочинный и также относился к письменным принадлежностям [Абзалов, 2009а. С. 27].

Несмотря на произвольное расположение фрагментов «поэмы», их содержание вряд ли может быть существенно искажено перестановкой. Сам текст построен в форме диалога между матерью, провожающей сына, и сыном, прощающемся с нею. Первая условная часть поэмы (стихи: XXIа, XXIб, XIXа, XIXб, XXб, XXв, XXг) включает обращение матери к сыну. Мать обращается к нему в 7 стихах, содержание которых имеет схожий смысл, описывает аналогичные объекты, образы и связи между ними. Вторая условная часть состоит из одного стиха (XXIIIа) и содержит ответ сына матери. Третья условная часть включает 3 стиха (XXIIIб, XXIа, XIIб) с тоекратно повторяющимся ответом матери-сыну. Наконец, четвёртая заключительная часть – один стих (XXIV) воспроизводит почти дословно слова сына из второй части песни (XXIIIа). Данные многократные повторения несколько напоминают заклинания или моления, хотя подобные повторы вообще характерны и для тюркомонгольского песенно-поэтического фольклора. Отметим, что речь провожающей матери повторяется намного чаще (7 и 3 раза), чем слова отбывающего сына (2 раза).

Со слов «милой матушки» мы узнаём, что её сын («дитя») должен в «страхе» и «смятении» «достичь», быть «взят» или «забран» «на службу, будучи разыскиваемым» неким могучим властителем. В отношении властителя в тексте применяются различные эпитеты: «благодетельный», «прекрасный», «смот-

ревший», «омрачённый», «божественный»(!), «имеющий руки», просто «человек» или «заклятый человек». Сына в песне называют также по-разному: «достойный и прекрасный кречет», «прекрасный ястреб», «золотой соловушко». Матушка просит сына не огорчаться, если он окажется или упадёт под «перекладиной», «воротами», «порогом», «дверью», «острием» или «тесовой телегой». Также мать обещает сделать волосы на груди сына золотыми. Кроме того, в её словах присутствует и непосредственное заклинание: «не подвергайся нападению со стороны злого духа...» или «С... [напастями] ...и злыми духами не встречайся...». Отправляя сына в путь, мать восклицает «взлети, дитя моё». Сын же «во время своего взлёта»(!) поёт о том, что он отправляется на «свою приветливую родину», «в страну, где буду жить» или «на свою родину, где проживаю, чтобы быть там». Термин «родина», используемый в рукописи, является одной из архаичных монгольских форм [Попше, 1941. С. 129].

Для наглядного рассмотрения приведём текст «поэмы» целиком, с сохранением первоначального вида издания.

Перевод

Начало отсутствует.

XXIa. «Когда ты с решимостью достигнешь [[благодетельного]]
властителя,

пади под перекладиной!
Зачем огорчаться
на том основании, что упал под перекладиной
[К благодетельному] прекрасному властителю
.....будешь ты взято дитя моё!»

XXIб.

[[«Человеком]] [взято] ты [будешь, дитя] моё!
Когда ты с решимостью достигнешь заботливого властителя,
пади под [воротами]!
Зачем глядеть и смотреть,
оттого, что упал
под [воротами]?»

XIXa. «Смотревшим властителем
будешь ты забрано и взято дитя моё!
Когда ты достигнешь [[с решимостью]] божественного
властителя,

[пади под] порогом!
[[Затем и
на том основании, что]] [упал под порогом]?
[[К божественному властителю
будешь ты и взято, дитя моё!]]
XIXб. Зачем оставаться и?
Приходя и к омрачённому властителю, будешь
ты взято, дитя моё!
О достойный и прекрасный кречет!»

Пропуск не менее одного листа.

XXб. «Когда ты в надежде придёшь к,
зачем огорчаться под дверью?
К заклтому человеку [отправишься] ты [дитя моё]!»
.....
.....
XXв. [«Когда ты достигнешь]
[.....] и прекрасного [властителя],
[зачем] огорчаться [под]?
К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя моё!
О, и прекрасный ястреб!
Когда ты достигнешь вплотную,
пади под остриём!
Зачем лукавствовать
на том основании, что упал под остриём?»
XXг. «На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя моё,
судьбою данным прекрасным властителем!»
Золотой соловушко, дитя её,
приступил к пению ответной песни
матери своей, милой матушке.
«Мать, милая матушка моя!
..... жена
..... твой
.....
.....
XXа.
.....
.....
.....
.....
сказал «Встретимся!» и отправился.

Пропуск, вероятно, одного листа.

XXIIIa. «Отправляюсь!

О, мать моя, милая матушка!
Трава лужайки стала сочнеть,
близкие друзья стали отправляться.
Да отправлюсь я на свою приветливую родину!

.....
Мать моя, милая матушка!
..... стали
достиг

XXIIIб. Мать моя, милая матушка!»

Мать [его], милая матушка
[Приступила] к пению ответной песни:
«Волосики твоей
сделаю [..... золотыми]» сказала она.
«Не подвергайся нападению со стороны злого духа и!
Шествуй [взлети], дитя моё!
Волосики твоей груди
Я сделаю отделанным золотом!» сказала она.

XXIIa. «Увечьям и страданиям не подвергайся!

Отправляйся, взлети дитя моё!
Волосики твоей груди
сделаю сплюшь золотыми!», сказала она.
«С [напастями] и злыми духами не встречайся, дитя моё!
Волосы на твоей [голове я сделаю] рассыпным золотом!»,
сказала она.

XXIIб.

.....
«Когда ты [[в страхе]] достигнешь
[[благодетельного]] и [прекрасного] властителя,
зачем огорчаться под тесовой телегой?
К имеющему руки отправишься ты в смятении,
дитя моё!
Свои ладони»

Пропуск одного листа.

XXIV. «Буду питать с аил (?)!

Сделаю и золотым с корзину (?)!»
 Во время своего взлёта
 матери своей, милой матушке
 так спел он:
 «Горные травы начинают становиться лужайкой,
 братья начинают отправляться.
 Отправляюсь я на свою родину, где проживаю, чтобы быть
 там!»

Попробуем провести структурный и семантический анализ источника. Песни, посвящённые матери, отправке воина на военную службу или упоминание злых духов, иногда встречаются у монголов [Позднеев, 1880. С. 104, 108–109, 111, 127, 210, 215–216]. Однако, прямых аналогий тексту из с. Подгорное в фольклоре и поэзии алтайских народов нами встречено не было. Поэтому интерпретация «поэмы» может быть предложена только гипотетическая.

Вначале отметим, что в тексте не упоминается имён матери, сына и владыки, что, возможно, имеет сакральный характер, так как упоминание истинного имени человека, а тем более правителя у тюрков и монголов запрещалось после его смерти [Новик, 2004. С. 177]. Так, посмертным именованием Бату-хана была титулатура «Саин-хан» («Sayin-khan»), то есть «добрый» или «хороший» хан [Бойл, 2002. С. 28–31]. В «поэме» имя великого властителя не названо, но различные эпитеты, указывают на его весьма разносторонние, порой сверхъестественные, качества: власть и всеведение («смотревший», «имеющий руки»), добродетельность («благодетельный», «прекрасный», «заботливый»), святость или сакральность («заклятый человек», «божественный властитель», «судьбой данный»), печальный образ («омрачённый»). Отметим, что эпитет «прекрасный» («sayin»/«саин»), встречающийся в «поэме» как эпитет правителя, можно перевести также словами «добрый» или «хороший». Судя по применению эпитета «бурхан» («buraqan») в значении «божественный», можно проследить буддийское влияние на лексику «поэмы».

Вполне можно предположить, что под всеведающим и божественным властителем подразумевается тюрко-монгольское божество Тенгри (Тенгри-хан), обладавший вышеперечисленными качествами. В мифологии алтайских народов Тенгри является носителем мужского активного начала, он вечен и не сотворён, а также творец всего сущего, владыка мира, хозяин человеческой судьбы и покровитель власти. Первоначально Тенгри был абстрактным божеством и не имел антропоморфных черт. Лишь во второй половине XIII в. появляется формула «Тенгри-хан», а само божество приобретает облик человека или воина [Козин, 1941. С. 123; Скрынникова, 1997. С. 83; Юрченко, 2002. С. 256].

По отношению к сыну в «поэме» применяются орнитоморфные образы (кречет, ястреб и соловей). Кречет и ястреб, наряду с орлом, соколом и копчиком, являлись довольно распространенными тотемами и иногда онгонами у тюрко-монгольских народов [Рашид-ад-дин. Т. I. Кн. 1., 1952. С. 88–90; Косарев, 2003. С. 78–80]. С другой стороны, человеческая душа в мировоззрении многих народов Евразии, в том числе у тюрков и монголов, представлялась в виде птицы [Косарев, 2003. С. 78–80, 113]. Это представление также прослеживается у золотоордынских кочевников, что нашло отражение в загадке из словаря Codex Cumanicus:

На верхушке высокого дерева
сидит *птица ургуул*;
чтобы её застрелить,
нужен мужественный человек,
он должен быть стойким во всех отношениях
(с обоих концов) > его сердцу необходимо
каменное терпение.
Это душа
[Гаркавец, 2007. С. 80]

Здесь и далее курсив мой (А. М.)

В этой связи «взлёт» сына является ничем иным, как полётом его души. Данная орнитоморфная символика «поэмы» имеет наиболее близкие аналогии в похвальном слове (плаче) при кончине Чингиз-хана [Лубсан Данзан, 1973. С. 240–242]. Как и в подгорновской «поэме», в «Плаче о Чингизхане» человек (душа) сравнивается с ястребом или соловьём («щебечущая птичка»), который взлетает или отлетает. Приведём сравнение текстов:

«Поэма» из Подгорного
О достойный и прекрасный *кречет!* (XIXб.)
О, и прекрасный *ястреб!* (XXв.)
Отправляйся, *взлети* дитя моё! (XXIIа.)
Во время своего *взлёта*, матери своей, милой
матушке, так спел он... (XXIV.)

Золотой *соловушка*, дитя её, приступил к пению
ответной песни, матери своей, милой
матушке. (XXг.)

Плачь о Чингиз-хане («Алтан Тобчи»)
Обернувшись крылом *парящего ястреба*, ты
отлетел государь мой... [Лубсан Данзан, 1973.
С. 240]
Обернувшись крылом хватающего добычу
ястреба, ты *отлетел*, государь мой... [Лубсан
Данзан, 1973.С. 240]
Обернувшись крылом *щебечущей птички*, ты
отлетел государь мой... [Лубсан Данзан, 1973.
С. 241]
Обернувшись крылом *щебечущей птички*, ты
отлетел государь мой... [Лубсан Данзан, 1973.
С. 241]

Возможно, выбор самого сюжета «общения матери и сына» не случаен. В текстах шаманских камланий-проводов (души в иной мир) к отправляемым на небо душам часто относятся и обращаются как к детям [Василевич, 2006. С. 499–501]. Предки, родители, и родственники фигурируют в камланиях-проводах души как помощники, способствовавшие перемещению души по дороге мёртвых в верхний мир. В «поэме» из Подгорного мать многократно повторяет что, отправляет сына, который должен быть взятым, забранным, а также уйти или взлететь. Сын в своих ответах матери также говорит о необходимости отправиться на родину или взлететь.

«Поэма» из Подгорного

Отправка матерью сына

Будешь ты взято дитя моё! (XXIа.)

Человеком взято ты будешь, дитя моё! (XXIб.)

Смотревшим властителем будешь ты забрано и взято дитя моё! (XIXа.)

К божественному властителю будешь ты и взято, дитя моё! (XIXа.)

К омрачённому властителю, будешь ты взято, дитя моё! (XIXб.)

К залятому человеку отправишься ты дитя моё! (XXб.)

К рабам отправишься ты в расстройстве, дитя моё! (XXв.)

На службу, будучи разыскиваемо, будешь ты взято, дитя моё, судьбою данным прекрасным властителем! (XXг.)

Мать его, милая матушка. Приступила к пению ответной песни: ...Шествуй, взлети, дитя моё! (XXIIIб.)

Отправляйся, взлети дитя моё! (XXIIа.)

Когда ты в страхе достигнешь благодетельного и прекрасного властителя, зачем огорчаться под тесовой телегой? К имеющему руки отправишься ты в смятении, дитя моё! (XXIIб.)

Обращение сына к матери

Золотой соловушко, дитя её, приступил к пению ответной песни матери своей, милой матушке... «Мать, милая матушка моя!» (XIXг) Отправляюсь! О, мать моя, милая матушка! Трава лужайки стала сочнеть, близкие друзья стали отправляться. Да отправлюсь я на свою приветливую родину!... Мать моя, милая матушка! (XXIIIа.)

Мать моя, милая матушка! (XXIIIб.)

Во время своего взлёта, матери своей, милой матушке так спел он: «...Братья начинают отправляться. Отправляюсь я на свою родину...!» (XXIV.)

«Шаманские» тексты

Проводы души

Детей души (по дороге, по которой ведут души мёртвых в мир мёртвых)... (переносите)!

Душу сына перенесите! Сыновей кровью землю окровавьте (помажьте)!... Маленьких детей к востоку (друг за друга) свяжите! Сыновей оставляя на ночлег, от всего худого охраняйте!... Духи-водители сыновей уложите спать в утреннем мире мёртвых!

(Василевич, 2006. С. 499)

Обращение к духам, чтобы перевезли душу умершего в верхний мир

Мать-место (для юрты) взглядом попробуй!..

Родители, родня покойников духи места (для юрты) урчат. Худым пугая, чтобы родители дороги уменьшили (сузили). На душу сына предков посмотрите!... В лучи матери-утра туда посмотрим! Родители детей моих в хорошее место верхнего мира перевозите! Хорошенько провожая душу сына! Препных дедов шагами (по старым путям) заставляя ровнее шагать, провожайте. Препных дедов по следам перевозите сыновей!

(Василевич, 2006. С. 499–501)

Заметим, что в приведённых отрывках камланий-проводов души «материнская» духовная сущность представлена ещё как сакрализованное место для жилища («мать-место для юрты»), а также как дорога мёртвых, направленная на восток («матерь-утро») [Василевич, 2006. С. 499–501]. Наконец, в тюрко-монгольской мифологии «земным» божеством была Этуген именуемая «Земля» или «Мать Сыра Земля» – носитель женского мирового начала [Банзаров, 1955. С. 79–90; Скрынникова, 1997. С. 56–100].

Не менее интересными являются шаманские представления тюрков и монголов, согласно которым у каждого шамана есть свой «Мать-зверь» (в образе орла, коня, быка, оленя, лося, медведя, волка или собаки), появляющийся в жизни шамана только три раза: при его рождении, при становлении как шамана (шаманской инициации) и при смерти [Худяков, 2006. С. 112; Ксенофонов, 2006. С. 464–469, 472; Элиаде, 2000. С. 45–46, 86–87, 93–94]. Не является ли образ «матери» и «милой матушки» из золотоордынской «поэмы» «матерью-зверем» золотоордынского шамана провожавшим его в верхний мир? В целом «материнский» образ в поэме и шаманской практике фигурирует в разных ипостасях, предпочтительными из которых являются: мать-земля, мать-зверь или матушка в прямом смысле слова.

Появление или падение сына под «перекладной», «воротами», «порогом» и «дверью» или «острием», по-видимому, означает некий обрядовый переход его в иное жизненное или социальное состояние. В том числе, это может быть обряд похорон и проводов души в иной мир. В семантике монгольского дома (юрты) дверь отделяет внутренний мир жилища от окружающего неосвоенного, «дикого» пространства [Жуковская, 2002. С. 19–20], а потому её роль в погребальной обрядности довольно велика. В шаманской же практике терминами близкими по значению слову «ворота», обычно называется проход в иной мир [Хангалов. Т. II, 1960. С. 13; Элиаде, 2000. С. 49, 109, 114, 137, 143–145, 243, 261–262]. Не совсем понятным остаётся символ «падения под острием» (видимо, имеется в виду нож, стрела или копьё – А. М.). Хотя и здесь можно найти этнографические параллели. Например, у монголов существовал обычай закреплять над притолокой двери нож, топор, пилу или просто железную пластину острием вниз – для обезвреживания зла, которое может прийти в юрту из внешнего мира. Более того, известна традиция, когда при выносе покойника через дверь на пороге делали три надреза острым ножом [Жуковская, 2002. С. 20–21]. Не будем забывать что, стрела, копьё и знамя (бунчук) представляют собой важнейшие сакральные атрибуты, как власти, так и шаманской обрядности у монголов и тюрков [Козин, 1941. С. 88, 101, 130, 138, 158; Лубсан Данзан, 1973. С. 89, 121–122, 143; Скрынникова, 1997. С. 74, 82–85, 113–115]. Например, у бурят при возвращении шаманом души в тело человека через дверь юрты протягивается нить, один конец которой на-

ходится в жилище и закрепляется на наконечнике стрелы (опять «острие?»), а другой привязывался к берёзе на улице [Элиаде, 2000. С. 122]. Напомним, что наконечник стрелы и нож были найдены и в самом погребении с «поэмой».

Семантика «тесовой телеги» в не меньшей степени может быть связана с погребальной обрядностью, а именно с использованием похоронной повозки. И здесь опять можно найти аналогии в «Плаче о Чингиз-хане» [Лубсан Данзан, 1973. С. 240–241]:

«Поэма» из Подгорного

Когда ты в страхе достигнешь благодетельного и прекрасного властителя, зачем огорчаться под тесовой телегой? (XXIIб.)

Плач о Чингиз-хане («Алтан Тобчи»)

Неужели ты стал грузом грохочущей повозки, государь мой? [Лубсан Данзан, 1973. С. 240]
 Неужели ты стал грузом повозки с вертящейся осью, государь мой? [Лубсан Данзан, 1973. С. 240]
 Неужели ты стал грузом скрипящей повозки, государь мой? [Лубсан Данзан, 1973. С. 241]

Во время своего отправления (взлёта) на родину сын упомянул про «горные травы», которые уже «начинают становиться лужайкой». Возможно, данное изречение связано с обычаем алтайских народов совершать погребения на возвышенности (мыс, холм, гора, рукотворный курган), что в принципе характерно для погребальной практики и других народов. Конечно, наиболее это проявилось в отношении погребений правителей и аристократии. Своих правителей и аристократию монгольские народы хоронили как можно выше в горах. Так побеждённый хан Джамуха просил у Чингизхана похоронить его в «Высокой Земле» или в «земле... Высокой Матери нашей» [Козин, 1941. § 201. С. 155–158]. По сообщению Марко Поло всех потомков Чингизхана хоронили в священной горе Алтай [Путешествия в восточные страны, 1997. С. 235]. Вследствие этого у монголов «каждая гора стала онгоном», то есть объектом поклонения [Скрынникова, 1997. С. 168, 176–177; Дробышев, 2005. С. 119–123]. В период монгольских завоеваний данная традиция претерпела изменения и погребения стали чаще совершаться тайно – «в степи» или «в поле» [Юрченко, 2008. С. 290, 292, 297–302].

Особую символику в «берестяной поэме» имеет образ золота применительно к сыну. Здесь встречается его именование, как «золотой соловушко»: «Золотой соловушко, дитя её, приступил к пению ответной песни матери своей, милой матушке» (XXг.). Мать, обращаясь к сыну, также связывает его с золотом: «Отправляйся, взлети дитя моё! Волосики твоей груди сделаю сплошь золотыми!, сказала она» (XXIIа., XXIIIб.).

Возможно, стремление матери сделать волосы на груди сына «золотыми», а также именование его «золотой соловушко», связано с переходом чело-

века (или его души) на новый, более высокий уровень. Использование золота в символике «обрядов перехода» весьма распространено. Отметим, что «символика золота» в фольклоре многих евразийских народов зачастую была связана с «солнечным» или «тридесатым» царством, то есть потусторонним миром [Пропп, 2000. С. 242–256]. Впрочем, в трактовке исследователями «символики золота» у монголов наблюдаются некоторые различия.

С.Ю. Неклюдов считает золото «высшей ценностью» и «универсальным космическим символом» в мифологической символике монголов. Он выводит такие сакральные ассоциации, как «золото – жизнь» и «золото – душа», подтверждая это монгольской пословицей: «Живым быть – из золотой чаши воду пить» [Неклюдов, 1977. С. 217–219; он же, 1980. С. 85–86]. Данная формула имеет соответствие в сюжете о том, как конюший Кокочу похитил у своего господина Сангума золотую чашу и тем лишил его жизни [Козин, 1941. § 188. С. 141–142]. Развивая данную трактовку М.Г. Крамаровский интерпретировал и образ золота в «поэме» из Подгорного. На его взгляд, золотые волосы выступают в функции «хранилища души» и «жизненной силы» [Крамаровский, 2002. С. 214]. Кроме того, по мнению С.Ю. Неклюдова золото в символике алтайских народов в основном олицетворяет именно земное, женское начало [Неклюдов, 2002. С. 25–28]. В монгольской литературе и фольклоре (например, в сказочном сборнике «Волшебный Мертвец»), в противовес Вечному Синему Небу, землю часто характеризуют эпитетом «золотая»: «Користая Великая Золотая Земля», «великая золотая земля», «золотая земля», «золотая земля-поверхность» [Владимирцов, 2003. С. 6, 377, 385–386, 395, 397, 409, 420, 457, 460, 473, 477, 484–485, 488, 505, 508, 515].

Подобным образом, по мнению Н.Л. Жуковской и С.М. Белокуровой, «золотой» цвет в традиционной монгольской культуре и мифологии обладает высшей ценностью, являясь универсальным космическим символом с которым связаны понятия изначальности всего сущего, вечности, нетленности, прочности и истинности [Жуковская, 2002. С. 207–211; Белокурова, 2009. С. 118].

По мнению А.Г. Юрченко сакральная реальность Монгольской империи была намного сложнее, а все вышеперечисленные трактовки золота в мифологии монголов имеют позднюю, а именно, буддийскую интерпретацию. Таким образом, несмотря на то, что у монголов в XIII–XIV вв. предметы из золота были инсигниями высокого статуса в социальной иерархии империи, многие сакральные предметы (в погребальной и иной обрядовой практике) – чаще были деревянными, а не золотыми. Кроме того, монголы восприняли у тюрков специфическую сакральную функцию золота – увеличение силы проклятья в случае несоблюдения клятвы на верность [Юрченко, 2009. С. 415–419]. В частной беседе А.Г. Юрченко также высказывал соображение, что в подгорновской «по-

эме» золото и золотые предметы, возможно, являются метафорической субстанцией, а золотые волосы – олицетворяли «золотой гроб».

Весьма близкой аналогией фрагменту подгорновской «поэмы» о *золотых волосах на груди сына*, в фольклоре алтайских народов является мотив «золотой груди», широко известный и международному сказочному фонду. «Золотая грудь» и «серебряный зад» (золотая грудь и серебряная спина, или верхняя часть тела из золота, а нижняя – из серебра) в фольклоре алтайских народов присущи чудеснорожденным детям [Неклюдов, 2002. С. 28] или людям, обладающим чудесными сверхъестественными способностями.

В бурятских волшебных сказках и улигерах («Девушка и говорящий бархатисто-чёрный конь» «Младшая ханша и её златогрудый сын», «Богатый царь Бадма», «Жагар Мэшэд хан», «Хан-Гужир», «Царь Баян-Хара», «Эрэ-Тохоло-мэргэн») ребёнку или взрослому человеку с «золотой грудью и серебряным задом» помогают различные животные, сам он обладает сверхъестественными способностями (умением оборачиваться в разных существ, богатырской силой). Также он проходит испытания напоминающие смерть и воскрешение (через утопление в море, через погребение заживо и др.), совершает подвиги, характерные для культурного героя [Бурятские народные сказки, 1973. С. 94–108; Бурятские волшебные сказки, 1993. С. 31–42; Хангалов. Т. III, 2004. С. 130–158, 179–210, 244–253]. Данный сюжет встречается и в монгольском фольклоре (сказка «Ханский сирота») [Михайлов, 1967. С. 142–145]. Многие из выше перечисленных сказок относятся к типу 707 «Три золотых сына» («Чудесные дети»), который распространён в среде многих народов Старого Света [The Types of The Folktale, 1961. P. 242–243].

В калмыцком эпосе «Джангар» одним из главных сподвижников главного героя – богатыря Джангара был другой богатырь – Алтан Цеджи (в переводе «Золотая Грудь») который был к тому же мудрецом, ясновидцем и пророком [Джангар, 1977. С. 18, 21, 25–26, 29, 32, 36–37, 42, 44, 99, 101, 121, 135, 140, 170–171, 199, 201, 217, 221–224, 234, 245, 256, 262–263, 265, 268, 279, 288, 291, 310, 320, 322, 327, 334, 340–341, 343, 345, 347, 351]. По средневековым воззрениям калмыков, разум помещался именно в груди [Липец, 1984. С. 13–14].

В алтайском эпосе «Маадай-Кара» сын одноимённого героя (Маадай-Кара) – богатырь Когюдей-Мерген также родился с золотой грудью и серебряным задом. Он обладал даром превращения в разных существ, совершал иные чудеса и даже бывал в подземном мире уничтожив его владыку – Эрлик-хана [Маадай-Кара, 1979. С. 30, 60, 63–65, 70, 104–105, 115, 131–132, 137, 140, 143, 145–146, 160–164, 195, 207–208, 215–223]. По одной из версий эпоса, богатырь Когюдей-Мерген происходил от духа Алтайских гор [Пухов, 1975. С. 34]. В тофаларском фольклоре дети с золотой грудью были рождены от Всевышнего Бога – Пурхана (Бурхана) [Саян-Мерген, 2007. С. 64–68, 93–95].

В башкирских богатырских сказках («Золотая рыбка») встречаются богатыри, у которых головы были золотыми, а спины серебряными [Башкирские богатырские сказки, 1981. С. 72–80]. В татарской (золотоордынской) версии дастана об Алпамыше главный герой описывается с золотыми волосами на лбу и серебряными на затылке [Закирова, 2011. С. 13–14].

Наконец, символика «золотой груди» встречается в монголо-ойратском сборнике сказок «Волшебный Мертвец», который происходит от древнеиндийского цикла «Двадцать пять рассказов Веталы». Однако в упомянутом памятнике древнеиндийской литературы [Двадцать пять рассказов Веталы, 1958] символ «золотой груди» неизвестен и, вероятно, является принадлежностью именно алтайского фольклора. В сказках сборника «Волшебный Мертвец» «золотой торс» и «бирюзовая грудь» принадлежат Волшебному Мертвецу – умершему человеку, в тело которого вселился дух по типу зомби (сказка «Семь волшебников и царевич»). «Золотая грудь», «серебряный торс», «чугунный бронзовый пупок» и «хрустальное чело» были у сына Далай-хана – богатыря Дайни-Кюрюля, который был рождён по воле «небожителей» и «Будды-учителя». У Дайни-Кюрюля родился сын – Ердени-Кюрюль, также богатырь. Жена Дайни-Кюрюля – Аля-Миндасун родила его чудесным образом: «...Перед дверями величественной белой ставки Дайни-Кюрюля протянулся черный туман слепой стеной в семьдесят восемь рядов, а через дымовое отверстие протянулась радуга двенадцати цветов. И... у Аля-Миндасун родился светло-желтый мальчик с золотой грудью, серебряным торсом, с чугуно-бронзовым пупком и хрустальным челом» (былина «Дайни-Кюрюль») [Владимирцов, 2003. С. 234, 410–412, 474–475]. По-видимому, радуга в данном случае является символом дракона, которой в китайской мифологии олицетворяет союз Неба и Земли, инь и ян. Кроме того, описанное рождение Ердени-Кюрюля напоминает миф о небесном происхождении царского рода монголов – «Борджигин» от Алан-Коа и луча света. Однако данные сюжеты являются темой для отдельного исследования.

Стоит отметить, что многие черты упомянутых волшебных сказок, улигеров и дастанов (золотые части тела, заранее предсказанное рождение, чудесные способности, оборотничество, богатырская сила, умение странствовать между мирами), указывают на связь их персонажей с другим миром. Эти черты свойственны эпическим героям древних мифов, тотемным первопредкам и полубогам. Трансформация облика и статуса героя в течение развития сюжета может быть рассмотрена как последовательность «жизнь-смерть-возрождение» [Закирова, 2011. С. 11–14, 22–23].

Отдельные мотивы, которые встречаются в приведённых волшебных сказках, объяснял В.Я. Пропп. Так, «явление временной смерти» является описанием древнего обряда «посвящения» (инициации), при котором по-

свящаемый умирает и вновь возрождается, приобретая при этом магические свойства, или, например, шаманские. У героев существуют волшебные предметы и волшебные помощники, например, конь. Мотив «зашивания героя в шкуру животного» и последующего сбрасывания в море является одним из распространённых способов странствования («переправы») героя (или умершего) в загробный мир [Пропп, 2000. С. 72–77, 139–175, 182].

Таким образом, в фольклорных циклах алтайских народов, где присутствует мотив «золотой груди» у чудесных людей, отразились весьма древние мифологические представления, которые в значительной степени составляют основу и шаманского мировоззрения. К шаманским умениям, присутствующим в упомянутых фольклорных произведениях, относятся: способность странствовать между мирами (в том числе в загробный мир), наличие чудесных животных-помощников, оборотничество, ясновидение.

Как было отмечено ранее, «поэма» не имеет аристократического характера, что в целом соответствует и обряду захоронения, из которого она происходит. Социально-престижных вещей в погребении не содержится, что позволяет нам не затрагивать здесь статусную роль золота. Золотым цветом в «поэме» наделялись волосы (на груди), считавшиеся вместилищем души, жизненной силы, власти и харизмы («сульдэ») человека или правителя [Традиционное мировоззрение тюрков, 1989. С. 101, 151, 174–177; Скрынникова, 1997. С. 177–178]. Возможно, данная «золотая» символика «поэмы» связана с ранним буддийским влиянием на монгольскую и тюркскую культуру. Заметим, что автором «поэмы», скорее всего, был образованный писец из уйгуров, в среде которых буддизм получил значительное распространение. Некоторое буддийское влияние на лексику «поэмы», как уже отмечалось, было указано переводчиком. Учитывая датировку «поэмы» – конец XIII – начало XIV вв., можно упомянуть некоторое распространение буддизма в Золотой Орде. Во второй половине XIII в. здесь упоминались «ламы» и «бакши» (буддийские священники), пользовавшиеся наибольшим влиянием в правление Токты-хана (1290–1312 гг.) [Тизенгаузен. Т. I, 1884; С. 163, 174, 197, 277, 385, 510, 514; Т. II, С. 100, 104]. Современные исследования религиозной истории Золотой Орды также подтверждают некоторое распространение буддизма в этом государстве [Костюков, 2006. С. 177–207; он же, 2009. С. 189–236; Курапов, 2009. С. 73–78; Попов, 2011. С. 130–144; он же, 2011а. С. 247–249; он же, 2013. С. 434–438; Юрченко, 2012. С. 263–272].

Впрочем, эти соображения не исключают поэтическую трактовку золотых волос – в качестве гроба или чудесного человека. Наконец, автор «поэмы» был назван на одном из берестяных листов, как «*baqšī*» – бакши, что может быть истолковано тройко: мелкий чиновник-писец, буддийский священник или шаман.

Заговор от нападения «злого духа» («ada-dur»), присутствующий в «поэме», также был направлен на оберегание и беспрепятственное передвижение души, возможно, – в иной мир. Ады – это злые духи, считавшиеся врагами людей, добрых духов и верхних богов [Банзаров, 1955. С. 81; Хангалов., 1958. Т. I. С. 291–295].

Привлекают внимание также слова сына о том, что он отправляется «на свою родину». Если рассматривать их буквально, то получается полная бессмыслица: сын уезжает от своей матери, но не куда-либо вообще, а именно на родину. На наш взгляд данная формула согласуется с идеей потусторонней «родины» у каждой человеческой души. Таким образом, душа сына стремится на свою «небесную родину».

* * *

В ходе исследования было выяснено, что выводы об интерпретации золотоордынской «поэмы» на бересте из с. Подгорное, озвученные в предыдущих работах [Мальшев, 2013. С. 82–85], нуждаются в корректировке в виду открывшихся новых фактов и аналогий.

Береста довольно часто использовалась как писчий материал в древности, средние века и новое время среди народов Восточной и Центральной Азии, в том числе у тибетцев, уйгур, монголов и отдельных народов Сибири. Весьма часто на бересте фиксировались тексты религиозного (буддийского) или магического содержания. На данный момент, кроме подгорновского, известно только одно захоронение с документом на бересте – погребение № 37 грунтового могильника золотоордынского времени (XIII–XIV вв.) «Вакуровский I» из Астраханской области. Здесь была обнаружена берестяная «грамота», содержащая остатки арабской надписи с традиционной хвалой Всевышнему (Аллаху). Таким образом, по данному признаку (нахождение в погребении текста на бересте) два указанных погребения являются уникальным феноменом в погребально-поминальной практике народов Золотой Орды и, вероятно, других культур.

Рукопись из Подгорного выглядела как книжка или тетрадь карманного формата («дэвтэр»), сшитая из нескольких двойных и одинарных листов – по китайскому, тангутскому или уйгурскому типу. Скорее всего, «поэма» использовалась (читалась) до погребения и в процессе использования подвергалась ремонту (перешивке переплёта). Возможно, рукопись представляла собой более крупный сборник произведений, чем сохранившаяся часть. По видимому, переводчик рукописи Н.Н. Поппе «расставил» берестяные листы, исходя из внутренней логики содержания текста.

Текст «поэмы» в целом и по отдельным структурным элементам напоминает шаманское камлание, возможно посвящённое некому «обряду пере-

хода» или проводам души в иной мир. В случае интерпретации текста как проводов души умершего структура камлания выглядит следующим образом. Душа в образе птицы в страхе и смятении взлетает на небо по зову божественного (небесного) правителя Тенгри-хана – на свою «приветливую» родину. Мать-земля Этуген или шаманский мать-зверь провожает душу в потусторонний мир через порог (дверь, ворота, перекладина), а также с помощью «тесовой телеги». Для беспрепятственного перемещения на небо душа покойного наделяется золотыми волосами на голове и груди, что связано с символикой иного или загробного мира, или, возможно, гроба. Кроме того, чтобы вредоносные сущности не похитили и не помешали душе добраться до Тенгри-хана, её защищают заговором от нападения «злого духа».

Конечно, «поэма», найденная в погребении у с. Подгорное уже не является «шаманским» текстом. «Поэма», судя по данным лингвистики, была написана в начале XIV в. [Поппе, 1941. С. 125], когда в Золотой Орде проводилась политика исламизации. Влияние ислама на погребальный обряд подгорновского захоронения не подлежит сомнению. Однако, в тексте «поэмы» зашифрованы символика и образы шаманского камлания необходимого для проводов души в иной мир. В период исламизации Золотой Орды начала XIV в., а также при вырождении шаманских и тенгрианских религиозных представлений и обрядовых практик, эта обрядность была выражена образованным интеллектуалом (монголом или уйгуром) в закодированном и десакрализованном мифо-поэтическом тексте (с буддийским и мусульманским влиянием).

Однако, по-видимому, текст «поэмы» использовался (читался) длительное время до того как был положен в погребение, а сама берестяная книжечка в процессе использования ремонтировалась. Кроме того, есть некоторые основания считать подгорновскую «поэму» составной частью более крупного литературного или фольклорного поэтического произведения. Две фразы из текста «поэмы», повествующие о желании матери сделать волосы на груди сына золотыми, вполне согласуются с мотивом «золотой груди» из различных тюркских и монгольских фольклорных сюжетов. Мотив «золотой груди» встречается в волшебных сказках о чудесном ребёнке или человеке, а также в богатырских сказаниях. В обоих случаях человек с «золотой грудью» обычно обладает какими-либо необычными качествами: богатырской силой, ясновидением, мудростью, волшебными способностями, умением путешествовать между мирами (в том числе в загробный мир), привлечением различных животных и существ на помощь. Довольно часто человек с «золотой грудью» подвергается «временной смерти» и «воскрешению». Подобные волшебные сказки (исключая сказания о богатырях) относятся к типу 707 «Три золотых сына» или «Чудесные дети». Для большей наглядности, отметим, что по структуре и содержанию они соответствуют даже отдельным рус-

ским сказкам: «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (записана А.Н. Афанасьевым) или «Сказка о царе Салтане» (А.С. Пушкина). Главным моментом является то, что в большинстве подобных сказочных сюжетов присутствует метафорическое описание противоположных частей тела чудесного ребёнка – золотыми и серебряными: золотая грудь – серебряная спина, золотой лоб – серебряный затылок, золотые ноги – серебряные руки, и т. п.

Данные фольклорные элементы происходят из древних пластов мифологии, включающих: борьбу со злыми духами, деятельность культурных героев (являвшихся также волшебниками или шаманами), описание древних обрядов перехода (посвящения, инициации, в которых присутствуют временная смерть и воскрешение). Многие описанные элементы волшебных сказок происходят от тех же древних мифологических представлений, что и шаманское мировоззрение. В этой связи мы выходим на интересную проблему интерпретации сказок и богатырских сказаний с использованием шаманской обрядности. Однако напрямую это невозможно, так как фольклорный текст и шаманский обряд слишком далеко ушли друг от друга: «Самый простой случай – это полное совпадение обряда и обычая со сказкой. Этот случай встречается редко» [Пропп, 2000. С. 10].

Исходя из всего вышесказанного, текст из подгорновского погребения является частью поэтического произведения (богатырского сказания или волшебной сказки в стихах), герой которого обретает (получает) от матери «золотую грудь» (золотые волосы на груди) и по ходу сюжета проходит некий обряд перехода (посвящение, инициация, временная или действительная смерть). Именно поэтому в дошедшем до нас тексте подгорновской «поэмы» так много элементов погребальной обрядности и шаманского обряда проводов души в иной мир. Возможно, на этом основании, текст данного поэтического произведения или его фрагмент и был включён в состав погребального инвентаря, так как содержал описание обряда перехода, что могло выполнять функции сопроводительного текста.

Вопрос о назначении рукописи, тем не менее, остаётся открытым. Несомненно, что «поэма» фигурирует в погребальном обряде в качестве одного из сакральных предметов, сопровождавших покойного в иной мир. Не исключено, что это обусловлено занятиями или талантами человека, который мог быть писцом и поэтом, а также выполнять какие-то знахарские или даже «шаманские» ритуалы. Хотя последнее в целом и сомнительно.

Литература:

Абзалов Л.Ф. Материалы письма в канцеляриях джучидов // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Гуманитарные науки. Казань, 2009.

- Абзалов Л.Ф.* Официальный письменный язык и канцелярская культура Улуса Джучи. Автореферат кандидатской диссертации. Казань, 2009.
- Абзалов Л.Ф.* Тюркский язык в официальном делопроизводстве Улуса Джучи в XIII столетии // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 150. Кн. 8. Гуманитарные науки. Казань, 2008.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923.
- Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955.
- Башкирские богатырские сказки. Уфа, 1981.
- Белокурова С.М.* Сакрализация Алтая в вербальных жанрах западно-монгольского фольклора // Вестник Алтайского Государственного Технического Университета. 2009. № 1-2.
- Бойл Дж. Э.* Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник 2001. М., 2002.
- Бонгард-Левин Г.М.* Древняя Индия. История и культура. СПб., 2001.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. М., 1985.
- Буряков Ю.Ф.* Основные отрасли работы Музея истории народов Узбекистана // Материалы по истории Узбекистана. Т., 1966.
- Бурятские волшебные сказки. Новосибирск, 1993.
- Бурятские народные сказки: Волшебно-фантастические. Улан-Удэ, 1973.
- Васильевич Г.М.* Шаманские песнопения // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII-XX вв. СПб., 2006.
- Владимирцов Б.Я.* Работы по литературе монгольских народов. М., 2003.
- Воробьёва-Десятовская М.И.* Рукописная книга в культуре Индии // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988.
- Воробьёва-Десятовская М.И.* Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980.
- Гаркавец А.* Кыпчатское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков. Алматы, 2007.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.) Уфа, 1998.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. Л., 1950.
- Двадцать пять рассказов Веталы. М., 1958.
- Джангар. Калмыцкий народный эпос. Элиста, 1977.
- Джувейни Ата-Мелик.* Чингизхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М., 2004.
- Дробышев Ю.И.* Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и её мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовской области. Саратов, 2009. Вып. 9.

Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 1 (13).

Есипова В.А. Поздние рукописи на бересте: проблемы описания и интерпретации // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Екатеринбург, 2012.

Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М., 2002.

Закирова И.Г. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Автореферат докторской диссертации. Казань, 2011.

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

Источники по культуре Золотой Орды (Материалы подготовила Алсу Арсланова) // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середины XV вв. Казань, 2009. С. 922–923.

Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.

Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М.-Л., 1941.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003.

Костюков В.П. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

Костюков В.П. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2006. № 1–2.

Крамаровский М.Г. Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002.

Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. СПб., 2006.

Кугальник И.В. Мир монгольской народной песни. СПб., 2001.

Курапов А.А. Начальный этап истории буддизма на Нижней Волге // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2009. Вып. I.

Кутуков Д.В., Перерва Е.В., Резк М.Я. Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-I в Астраханской области // На-

учный вестник Волгоградской Академии государственной службы. Серия «Политология и социология». 1/5/2011.

Кычанов Е.И. Тангутская рукописная книга (вторая половина XII – первая четверть XIII вв.) // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988.

Липец Р.С. Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М., 1973.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 1979.

Малов Н.М., Пилипенко С.А., Сергеева О.В. Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное – Терновка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013.

Мальшев А.Б. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы) // MONGOLICA-X. СПб., 2013.

Михайлов Г.И. Монгольские сказки. М., 1967. С. 142–145.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Неклюдов С.Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

Неклюдов С.Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // Etnografia Polska. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980. Т. 24. Zes. 1.

Неклюдов С.Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. М., 1977.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 2004.

Перерва Е.В., Кутуков Д.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г. Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды: (археология и антропология). Волгоград, 2010.

Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племён. Вып. 1. СПб., 1880.

Поппе Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское Востоковедение. Т. II. 1941.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма в Золотой Орде (по данным археологических источников) // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Оды. Астрахань, 2011.

Попов П.В. К вопросу о распространении буддизма на территории Улуса Джучи // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань-Астрахань, 2011.

Попов П.В. К вопросу об обоснованности выделения признаков буддийской погребальной практики в захоронениях золотоордынского времени // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.

- Путешествия в восточные страны. М., 1997.
- Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л., 1960.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.-Л., 1952.
- Рыкин П.О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Европы и Америки. СПб., 2010.
- Саян-Мерген. Антология тофаларского фольклора XIX–XX вв. М., 2007.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М., 1997.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884; Т. II. Л., 1941.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989.
- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.
- Тугушева Л.Ю. Раннесредневековая уйгурская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 2. М., 1988.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ, 1958.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. II. Улан-Удэ, 1960.
- Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. III. Улан-Удэ, 2004.
- Худяков И.А. Рождение шаманов и их пересотворение // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. СПб., 2006.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 2000.
- Юрченко А.Г. Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // Тюркологический сборник 2001. М., 2002.
- Юрченко А.Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник 2007–2008. М., 2009.
- Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк, 2008.
- Юрченко А.Г. Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб., 2012.
- Языки и письменность народов Севера. Часть III. Языки и письменность палеоазиатских народов. М.-Л., 1934.
- The Types of The Folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen Translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1961. P. 242–243.

Рогудеев В.В.

МЕДАЛЬОНЫ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА (К АТРИБУЦИИ СОЛЯРНЫХ МЕДАЛЬОНОВ «ЧАКРА»)

Уже более ста лет известны костяные изделия в виде плоских колец с одним большим или двумя разновеликими отверстиями (центральным большим и периферийным малым). В свое время В.А. Городцов и Д.Я. Самоквасов предложили бытовое назначение этих изделий – поясные пряжки [Савва, 1992. С. 135–136], и до сих пор многие археологи традиционно, не задумываясь и не вдаваясь в сложности вопроса, называют их пряжками. Некоторые исследователи (Березанская С.С., Елисеев В.В., Ключинцев В.В., Тоцев Г.Н) с такой трактовкой не согласны [Савва, 1992. С. 135–136]. Позже к этой группе присоединились Литвиненко Р.А. [Литвиненко, 2004. С. 257–289] и автор данной статьи [Рогудеев, 2001. С. 109; 2004. С. 187–203].

Часть костяных изделий, по размерам и форме, близка металлическим медальонам средней бронзы (рис. 9). Материал некоторых изделий (раковина, янтарь), их формы (некоторые имеют слишком маленькое центральное отверстие, другие изящны и хрупки, тонкий бортик вокруг центрального отверстия), а главное односторонние следы износа позволяют утверждать, что это именно медальоны, а не пряжки.

Между тем, реальные костяные пряжки очень понятной логической конструкции также известны [Гершкович, 1986. С. 132–146]. На этих массивных пластинах сложных форм имеются прорезы для ремней и по 2–3 малых прошивных отверстия. На обратной стороне такой пряжки есть массивный шпенец с небольшой шляпкой, который служит фиксатором для петли-прорези на другом конце ремня. Просто и логично.

Показательны находки в одном комплексе пряжки и медальона (Беева могила, п. 3; Новоамвросиевка, 3/2; Приволье, 1/5). Как отметил Р.А. Литвиненко, «вряд ли для одного ремня нужно было две пряжки, это касается так-

же и случаев нахождения в одном комплексе 2–3 медальонов» [Литвиненко, 2004. С. 277].

В статье А.Н. Усачука о трасологическом изучении данных изделий [Усачук, 1998. С. 125–136] очень хорошо показана односторонняя изношенность, характерная для медальонов и подвесок. Отсутствие износа с другой стороны, что было бы характерно для кольца-пряжки, соединяющего два конца ремня, предположительно объяснено наличием «мягкой» застежки в виде поперечной планки-трубки, скатанной из кожи. Так он объяснил легкие следы затертости, перпендикулярные оси двух отверстий.

Сам А.Н. Усачук отмечает отсутствие костяных стержней (или других твердых застежек), которые более функциональны, чем «мягкие кожаные трубки». Такие мягкие застежки должны быть, все же, достаточно жесткими, чтобы удерживать второй конец ремня в кольце, т. е. неизбежно были бы следы износа.

В мягкой форме несогласие с его выводами прозвучало у Р.А. Литвиненко [Литвиненко, 2004. С. 277–278]. Более критично высказался А.И. Василенко [Василенко, 2005. С. 83]. Для нас это тем более важно, поскольку А.И. Василенко является сторонником мнения о том, что подобные изделия являются пряжками.

В 1999 г. автором был проведен эксперимент по установлению функциональности костяных колец. Была изготовлена копия костяного медальона с двумя разновеликими отверстиями и бортиком вокруг центрального отверстия, которая испытывалась как пряжка. Через малое отверстие узким кожаным ремешком медальон был наглухо прикреплен к широкому ремню. Второй конец ремня решено было просто завязывать через большое центральное отверстие, так как никаких застежек в комплексах с такими «псевдо-пряжками» найдено не было. Соответственно, другой конец ремня также должен быть узким, так его удобнее завязывать. В эксперименте он был немного шире ремешка, проходившего через маленькое отверстие. Это означает, что такая пряжка-кольцо должна иметь примерно одинаковые следы износа с двух сторон изделия, по месту крепления двух концов ремня.

В 2004 г. на этом же образце был опробован метод застегивания, предложенный А.Н. Усачуком. Оказалось, что проще изготовить стержень-застежку из кости, чем из кожи, и применять такую застежку можно было только с узким ремешком, что позволяло относительно легко просовывать стержень в большое отверстие. Гораздо удобнее было просунуть стержень фронтально «снизу», тогда он находился снаружи поверх бортика, у самого края отверстия. А.Н. Усачук по следам износа предположил, что застежка была с внутренней стороны. В этом случае удобнее просунуть стержень, «поставив» изделие на ребро, при этом застежка была внутри, снаружи узкий ремешок лег

поверх бортика и затем на внешний край изделия. И совершенно очевидно, что даже при «мягкой застежке» узкий шнур должен был оставить следы износа на внешней или внутренней поверхности изделия.

На реальных образцах, к примеру Хохлач, 1/3 (рис. 9, 33), с полностью «проточенным» малым отверстием, в большом отверстии подобные следы отсутствовали. Для простых медальонов, которые свободно свисают на шнурах или тонких ремешках, такие большие нагрузки на малые отверстия не типичны. Еще более непонятны медальоны с криво сточенными малыми отверстиями, например, экземпляры из Новоподрьяжа, кург. гр. III, 1/7 и Царичанки, 1/4 (рис. 9, 35). Малое косо проточенное отверстие оказывается «параллельным» центральному отверстию, что полностью исключает использование данного изделия в качестве пряжки. Как видно на рисунке, противоположный малому отверстию край медальона был утрачен и не исключено, что первоначально на этом месте также было малое отверстие. Ниже мы вновь вернемся к этому образцу.

Небезынтересно то, как на внутренней стороне медальона (псевдопряжки) образовывался износ, перпендикулярный оси изделия. Приведу собственные наблюдения, полученные в ходе обработки двух небольших коллекций крестов из погребений XVIII века [Рогудеев, 2007. Рис. 4, 8-13]. Известно, что нательные кресты носили всю жизнь и даже передавали детям. На многих крестах замечена сильная истертость молитвенных текстов, отлитых на внутренних поверхностях. В этом нет ничего необычного, поскольку, в отличие от статично закрепленных поясных пряжек, все типы подвесок (кресты, медальоны) всегда имеют большую амплитуду подвижного соприкосновения и трения с поверхностями тела (одежды), следствием чего и являются следы потертости. Эта односторонняя изношенность изделий, характерная для медальонов и подвесок, хорошо показана в разработке А.Н. Усачука, хотя сам он, как аксиому, признавал эти изделия пряжками. Чем же являлись эти кольцевидные предметы на самом деле?

В свое время Е.Н. Савва [1991. С. 136] предположил, что они могли иметь культовый смысл, а использовались в качестве украшений. Автор данной работы высказывал точку зрения о социально-религиозной смысловой нагрузке костяных медальонов [Рогудеев, 2001. С. 109].

Ареал распространения костяных медальонов огромен – от Среднего Подунавья до Восточного Казахстана, а время их бытования в нашем регионе (степная зона Доно-Волжского и Волго-Уральского междуречий) соответствует концу средней – началу поздней бронзы. По соответствию нашего артефакта комплексам археологических культур это буферное время можно разделить на три периода: позднекатакомбный; бабинский / абашевско-покровский; раннесрубный.

Комплексы катакомбного времени.

Могильник «Другой», к. 1, впускное погр. 11 (в южной части подкурганного пространства) [Рогудеев, 2001. С. 107, рис. 1, 1-4; Кузьмин, Рогудеев, 2004. С. 215-240]. Погребение устроено в катакомбе с широким входом, закрытым камнями. Скелет мужчины 35-40 лет лежал скорченно на правом боку, лицом ко входу, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Инвентарь:

Овальный медальон с одним большим отверстием лежал за головой умершего. Ближе к входу находились богато орнаментированная миска, натертая охрой до обжига, жаровня из донной части горшка, пест, терочник, кусок охры и нижняя челюсть «собаки» (рис. 1, 1-4).

Могильник «Мокрый Волчик», к. 3, впускное п. 2 расположено в северной части подкурганного пространства [Рогудеев, 2001. С. 107, рис. 1, 5-9; Прокофьев, 2002. С. 112-115, рис. 10, 1-5]. Погребение устроено в катакомбе с широким входом. Скелет ребенка 4-5 лет лежал скорченно на правом боку, лицом к входу, головой на ВЮВ, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте – поперек живота.

Инвентарь:

Прямоугольный медальон с одним большим отверстием лежал за тазом умершего. В ногах стоял сосуд, орнаментированный горизонтальной елочкой, нанесенной зубчатым штампом, у головы найдены клык животного и кусочки охры, возле задней стенки входной ямы обнаружена жаровня, изготовленная из боковины сложно орнаментированного горшка (рис. 1, 5-9).

Могильник «Берданосовка», к. 4, впускное п. 17 (рис. 1, 10-12) расположено в северо-восточном секторе кургана [Беспальый, 2002. С. 156, рис. 16, 1; 17, 2, 3]. Погребение в катакомбе с широким входом, умерший (20-25 лет) лежал скорченно на правом боку с разворотом на спину, лицом к входу, головой на ЮЮВ, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте – поперек живота.

Инвентарь:

Круглый медальон с одним большим отверстием лежал перед умершим около локтя правой руки, рядом астрагал, во входной яме у задней стенки найдены камень и жаровня из донной части горшка, украшенного зубчатой «елочкой», (рис. 1, 10-12).

Могильник «Большенаполовский IX», к. 1, впускное п. 5 (рис. 1, 5-9) находилось в юго-восточном секторе кургана [Рогудеев, 2011. С. 148-149, рис. 2, 10-14]. Устроено в подпрямоугольной яме, перекрытой поперечными плахами и ориентированной по линии ЮЗ-СВ. На дне, головой к ЮЗ, скорченно на правом боку лежал скелет мужчины 45-50 лет. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях под острым углом. В заполнении могилы

найден фрагмент лепного сосуда, орнаментированного горизонтальной «елочкой» (рис. 2, 14). Около черепа найдены: обломок медной скрепы с остатками древесного тлена (рис. 2, 12) и каменное орудие (рис. 2, 11). Под правым предплечьем зафиксирован костяной кольцевидный медальон (рис. 2, 13).

Могильник «Ясеньевый II», к. 1, впускное п. 22 (рис. 2, 6–19) [Алейников, 2006. Л. 65–67, рис. 260–272] расположено в северо-восточном секторе кургана. Погребение устроено в катакомбе с овальной камерой, входная яма подпрямоугольная. Камера направлена к центру кургана. В центре входной ямы найдены – два черепа и кости ног МРС. Камера отделена от штольни ступенькой и закладом из вертикальных плах. Скелет подростка 12–15 лет лежал скорчено на правом боку, лицом к входу, головой на ЮЮВ, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте поперек живота. На дне камеры коричневый тлен, на костях скелета – светло-коричневая органика, около ступней лепешка алой охры, за спиной и у ног, вдоль стенок камеры, – тлен деревянных плашек.

Инвентарь:

Возле черепа зафиксированы фрагменты деревянной миски, примерный диаметр которой 19 см, высота 3–5 см. Перед лицом расчищено скопление 43 астрагалов на коричневом тлене и здесь же комок охры. Такая же органика отмечена поверх игральных костей, видимо, они находились в мешочке. Боковые поверхности десяти астрагалов сточены (рис. 2, 10–19).

Под астрагалами, вероятно в том же мешочке, находились два костяных изделия. Медальон овальной формы (рис. 2, 8) с одним большим отверстием, просверленным с 2-х сторон, был изготовлен из трубчатой кости, обе поверхности обточены и подшлифованы. Здесь же лежала заготовка второго медальона (рис. 2, 7) подквадратной формы с незаконченной центральной сверлиной.

К этому же комплексу отнесем жаровню – фрагмент стенки лепного сосуда, украшенного двойными отпечатками веревочки в виде вертикальных линий и спиралей (рис. 2, 9), который был вынесен из камеры в нору землярями.

Могильник «Архиповский», к. 3, п. 6 (рис. 3, 1–4) расположено в центре кургана [Березуцкий, Гринев, 2008. С. 38–40, рис. 20]. Погребение устроено в катакомбе с широким входом, камера направлена к югу. Дно входной ямы и погребальной камеры на одном уровне. Скелет взрослого человека лежал у задней стенки камеры скорченно на правом боку, лицом к входу, головой на ВЮВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте поперек живота, ноги подогнуты в коленях под острым углом.

Инвентарь:

При входе в камеру, у восточной стенки лежала жаровня – фрагмент боковины орнаментированного сосуда, который под горловиной украшен валик, а ниже оттисками шнура в виде горизонтальных линий и полукружий

(рис. 3, 3). Около головы умершего стоял горшок с раструбным горлом, орнаментированный шнуровыми горизонтальными линиями и углами, оттиснутыми вершинами вверх (рис. 3, 4). Перед лицевым отделом черепа лежал костяной медальон без центрального отверстия с выделенным ушком для подвешивания (рис. 3, 2). Отверстие в ушке вертикальное, диаметром 0,4 см.

Могильник «Белояровка» (Украина), к. 5, впускное п. 11 (рис. 1, 1-4), расположено в северо-восточном секторе кургана [Санжаров, 2003. С. 238-240, рис. 1]. Погребение устроено в катакомбе с широким входом и каменным закладом. Скелет взрослой женщины лежал скорченно на правом боку, лицом к входу, головой на ЗЮЗ, руки согнуты в локтях, кисти между коленями.

Инвентарь:

Около черепа лежал кольцевидный медальон (рис. 1, 2) и здесь же, ближе к входу, – орнаментированный лепной горшок с крышкой из камня (рис. 1, 4), в ногах – жаровня из придонной части лепного сосуда (рис. 1, 3).

«Первый курганный могильник у Аксайского поворота»¹, к. 1, впускное п. 2 (рис. 3, 5-9) расположено в северо-восточном секторе кургана, над катакомбным погребением 3(?). Устроено в простой яме овальной формы (прослежены отрезки ее южного и восточного контуров), длинной осью ориентированной по линии З-В. Умерший погребен скорченно на левом боку с завалом на грудь, головой к В. Левая рука вытянута наискось в сторону от туловища, правая согнута в локте, запястье у локтя левой руки, ноги подогнуты в коленях под острым углом.

Инвентарь:

В левой глазнице обнаружено частично поврежденное костяное «пряслище», изготовленное из эпифиза бедренной кости животного (рис. 3, 7).

Под нижней челюстью компактно лежали костяной медальон (рис. 3, 6), янтарная бусина (рис. 3, 8) и медная проволоочная подвеска, свернутая в 1,5 оборота (рис. 3, 9).

Медальон – диск грушевидной формы без центрального отверстия, с выделенным ушком для подвешивания. В центре медальона кружок с точкой посередине, вокруг которого по краю еще 6 таких же кружков.

Проволоочная подвеска круглой формы, диаметром 2,3 см, изготовленная из уплощенной проволоки с заходящими друг за друга заостренными концами.

Янтарная бусина продолговатой «бочонковидной» формы длиной 1,3 см и диаметром 0,7 x 0,45 см.

Костяное «пряслище» высотой 3,4 см и наибольшим диаметром 4,8 см.

Могильник «Киреевка 4», к. 1, впускное п. 15 (рис. 3, 10) находилось в юго-восточном секторе кургана [Сергеева, 2009. С. 154]. Погребение устроено

¹ Раскопки Н.М. Власкина в 2012 г.

в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВСВ и перекрытой поперечными плахами. В центре ямы, скорченно на правом боку и головой к ВСВ, лежал скелет ребенка 8–10 лет. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте поперек живота, ноги подогнуты в коленях под острым углом.

Инвентарь:

Перед лицом ребенка располагались в ряд один астрагал и 6 эпифизов бедренных костей барана; у затылка зафиксирована костяная прямоугольная пластина размерами, близкая по размерам заготовке медальона из Ясеневого II (рис. 3, 11).

Таким образом, среди 9-ти комплексов 8 с медальонами и одно (Киреевка 4, 1/15) с заготовкой. Два медальона без центральных отверстий.

Комплексы в катакомбах: одно погребение основное в центре кургана (Архиповка, 3/4), остальные впускные, причем, все, кроме одного (Белояровка, 5/11), размещены по круговому принципу, камерами к центру кургана, умершие лежат лицом к входу. Таким образом, ориентировка преимущественно зависела от местонахождения катакомбы в подкурганном пространстве и позы умершего (на правом или левом боку). Исключение – Белояровка, 5/11, где погребение расположено в северо-восточном секторе кургана, но камера направлена к северу, вероятно для сохранения принципиально западной ориентировки умершего и соблюдения правобочной позиции.

По этому же принципу устроены некоторые погребения в простых ямах, «Большенаноловский IX», 1/5.

Отмечен следующий порядок планиграфического распределения комплексов в подкурганном пространстве относительно сторон света: в южной – 2; западной – 3; восточной – 4 (с учетом «Первого могильника у Аксайского поворота», 1/2).

Местонахождение медальонов и заготовок в погребениях относительно скелета: у головы – 6, из них у затылка – 2 («Другой I», 1/11; «Киреевка, 1/15), перед лицом – 3 («Архиповка, 3/4; «Ясневый II», 1/22; «Белояровка», 5/11); перед умершим у локтя – 1 («Берданосовка», 4/12); под нижней челюстью – 1 («Первый курганный могильник у Аксайского поворота», 1/2); у пояса (за тазом) – 1 («Мокрый Волчик», 3/2), под правым предплечьем (у пояса) – 1 («Большенаноловский IX, 1/5). Последний вариант, где предмет связан с руками, особо важен, похоже медальон зафиксирован в бабинском комплексе «Красный IV», 12/7, где он лежал на костях правого предплечья (рис. 6, 1–4).

Следует также обратить внимание на две заготовки медальонов («Киреевка», 1/15 и «Ясневый II», 1/22) и три незавершенных изделия («Ясневый II», 1/22, «Мокрый Волчик», 3/2, «Берданосовка», 4/12). На заготовках заметны два способа сверления с двух сторон – коническим сверлом в «Ясене-

вом II», 1/22 (рис. 2, 7-8) и трубкой в «Берданосовке», 4/12 (рис. 1, 11). Сверление трубкой, дававшее более правильное отверстие с ровными краями, отмечено также на заготовке из «Ливенцовки 1», слой 4 (рис. 9, 32). Сверление на конус требовало расточки отверстия абразивом или дополнительного рас-сверливания, что нередко приводило к «завалу» краев отверстия.

Существенны два вопроса: почему при захоронении медальоны не находились на телах умерших, и зачем в могилы помещали незавершенные изделия и заготовки, которые нельзя было использовать по назначению. В этой связи небезынтересно, что в двух случаях наши предметы находились в могилах вместе с астрагалами («Ясеньевый II», 1/22 и «Берданосовка», 4/12).

Для лучшего понимания ситуации рассмотрим несколько катакомбных погребений с металлическими медальонами, но вначале один комплекс, где медальон заменен крупным астрагалом с большим отверстием.

Могильник «Мухин 1», к. 3, п. 3 [Власкин, 2002. С. 191-192, рис. 5] в катакомбе (рис. 4, 1-6), где два детских скелета (подросток 12-14 лет и ребенок 4-6 лет) лежали на правом боку скорченно, лицами к входу, а головами на 3.

Инвентарь:

Астрагал с отверстием, набор из костяных колец, орнаментированные сосуды, жаровня из половинки лепного горшка, у входа в камеру – кости животных.

Могильник «Тузлуки», к. 3, впускное п. 6 [Беспальный, 1980. С. 22-23], в катакомбе (рис. 4, 7-10). Умерший лежал скорчено на правом боку, лицом к входу, головой на С.

Инвентарь:

Два металлических медальона, лежавшие один на другом перед лицом умершего, реповидный сосуд, кость животного. Медальоны – плоские кольца с широкими ушками и напаянным сложным узором.

Верхний медальон с крестом в центре обрамлен по краю центрального отверстия и внешнему краю «витым шнуром». От центрального отверстия расходятся шнуровые лучи, причем, здесь чередуются простые отрезки и лучи с кружками на окончаниях. Второй медальон также вокруг центрального отверстия орнаментирован витым шнуром в виде концентрических линий и разнонаправленных спиралей.

Орнаментация первого медальона предположительно может рассматриваться как солярная символика, которой вполне соответствуют кресты и радиальные лучи (рис. 10, 11; 10, 10). Не вполне понятны кружки на концах некоторых лучей, но полный аналог этому декору представлен на медальоне из комплекса «Константиновское плато», 2/11 (рис. 9, 26), что позволяет рассматривать его как устойчивый стилистический инвариант. Можно предположить, что орнамент второго медальона символизирует луну с коротким сиянием. Подобные двойные спирали есть на золотых моделях колес из Ми-

кен [Нефедкин, 2001. С. 130]. Несколько позже мы вновь вернемся к принципу парности «солнце-луна».

Могильник «Рясный 1, к. 1, п. 5 (рис. 4, 11-13) в катакомбе с широким входом и каменным закладом [Ларенок В.А, Ларенок П.А, 1993. С. 8-9, табл. VI; VII, 4, 7]. Скелет женщины старше 20 лет лежал скорченно на правом боку, лицом к входу, головой на ЗЮЗ, правая рука подогнута в локте и направлена к ногам.

Инвентарь:

У затылка расчищено ожерелье, в составе которого бусы, пронизи и различные медальоны (дисковидные, подтреугольные и в виде лунницы). Здесь же у головы зафиксированы скопление астрагалов, деревянная чаша и куски охры.

Медальон в виде лунницы, но не металлический, а костяной, известен в одном погребальном комплексе катакомбной культуры из могильника «Петровское», к. 3, п. 3. Подбойная камера частично разрушена погребением № 4, также катакомбным [Санжаров, 1997. С. 60-65, рис. 3, 9]. Судя по некоторым признакам, умерший лежал скорченно на правом боку, головой к З. Из инвентаря представлена только костяная подвеска-лунница (рис. 9, 34), точное местонахождение которой не указано. В п. 4, нарушившем п. 3, обнаружены два донецких сосуда и ожерелье. Вероятно, оба погребения относятся к донецкой культуре.

Могильник «Поповка V», к. 1, п. 2, парное, относится к средней бронзы, устроено в яме, частично нарушенной погребением 1 (рис. 5, 1-6). Два скелета лежали скорченно на правом боку, головами на Ю, один из них неполной сохранности.

Инвентарь:

При скелете, лежавшем с восточной стороны, у шейных позвонков зафиксированы бусы. У правого плеча второго умершего найдено шило, у локтя - ожерелье, в составе которого пастовый бисер, костяная бусина и медный кольцевидный медальон (поврежден) [Труды Новочеркасской..., 1997. С. 8-9, рис. 7, 1, 5].

Могильник «Поповка V», к. 1, п. 1, срубной культуры, впускное над п. 2 (рис. 5, 1-3). Скелет мужчины лежал на скорченно левом боку, головой к СВ, руки согнуты в локтях, кисти под правым коленом. У локтя левой руки найден костяной медальон овальной формы с двумя разновеликими отверстиями. По малому отверстию излом, вокруг центрального - низкий бортик [Труды Новочеркасской..., 1997, С. 8-9, рис. 7, 1, 5].

Примечательно, что эти два погребения одновременны, но местоположение ожерелья и медальона одинаково - у локтевого сгиба.

Могильник «Сватовка», к. 1, п. 2 (рис. 5, 7-13), в катакомбе с широким входом и закладом из деревянных плах. Скелет мужчины 50-60 лет лежал скорченно на правом боку, лицом к входу, головой на Ю, левая рука на туловище, правая направлена к коленям.

Инвентарь:

У правой кисти каменный топор, перед лицом ожерелье, в составе которого клыки, пронизи, бусы из кости (рис. 5, 11), меди (рис. 5, 10), раковин (рис. 5, 12) и сломанный кольцевидный медальон, на голове медная подвеска. У стенки камеры лежала жаровня – боковина горшка [Братченко, 2004. С. 70, рис. 4; 5].

Сломанный медальон встречен также в катакомбном позднедонецком погребении, («Астаховский», к. 22, п. 3) [Евдокимов, 1991. С. 203-205, рис. 13].

«Шахаевская», к. 4, п. 27, катакомбное, детское. У кисти правой руки зафиксировано скопление элементов ожерелья: 25 костяных пронизей и 17 просверленных раковин [Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974. С. 99].

«Шахаевская II», к. 4, п. 3, катакомбное. Перед лицевым отделом черепа взрослого человека зафиксировано ожерелье, состоящее из костяных пронизей и бронзовых спиралек [Федорова-Давыдова, 1983. С. 51, рис. 25, 5, 14].

Могильник «Акса́й I», к. 8, п. 16, катакомбное, парное (ребенок и женщина). У ребенка на шее бусы и дисковидный медальон, у женщины на левом предплечье чехол с двумя ожерельями [Дьяченко, Мейб, Скрипкин, Клепиков, 1999. С. 103, рис. 11, 9; 12].

Интересен один неопубликованный катакомбный комплекс из могильника «Западный II», к. 1, п. 26, исследованного в Ростове-на-Дону. Здесь умерший лежал скорченно на правом боку, головой к ЮЮВ, правая рука вытянута, левая согнута поперек живота [Науменко, 2012. С. 127, рис. 539; 542; 547; 548]. Ожерелье из костяных бус вложено в левую ладонь умершего. Бусины были также зафиксированы возле запястья.

На Северном Кавказе и в предкавказских степях ожерелья, в основном, ставались на умерших. Как правило, они были набраны из пронизей, бус, различных подвесок, но центральное место занимали крупные дисковидные или кольцевидные медальоны. Представляется, что большие медальоны всегда были в составе ожерелий («Мекенская», 6/13, «Усть-Джегута», 3/1, «Суворовская», 11/11). Большое количество бус, пронизей, подвесок нанизывалось на длинные шнуры, и, таким образом, центральные медальоны свисали довольно низко и нередко оказывались в районе живота [Рогудеев, 2004. С. 192-193].

Со временем практика менялась, и в финальнокатакомбном комплексе «Новопалестинский II», 2/5 (6 и 7 группы погребений, по В.А. Сафронову) медальон представлен уже без ожерелья [Яценко, 1999. С. 46-51]. Здесь впускное п. 5 находилось в центре кургана (рис. 5, 7-13), в Н-видной катакомбе с

широким входом, и частично перекрывало погребение 6, также устроенное в катакомбе аналогичной конструкции.

На дне камеры расчищен скелет женщины 30–35 лет. Умершая лежала скорченно на левом боку, головой на С, лицом к входу. Руки согнуты в локтях, кисти у лица, ноги резко согнуты, колени подтянуты к рукам. Около стоп отмечены угольки, а под скелетом древесный тлен, который местами также перекрывал кости рук. Вероятно, погребенная лежала на деревянном помосте, восточный и западный края которого были приподняты выше дна на 9–11 см.

Инвентарь:

У левого запястья, на древесном тлене лежал бронзовый нож листовидной формы с черешком и широким лезвием (рис. 5, 22). Рядом находилось короткое бронзовое шило (рис. 5, 21). У подбородка умершей зафиксирована бронзовая подвеска полукруглой формы с обломанным ушком (рис. 5, 19). Новое поперечное отверстие просверлено ниже, на конус. На лицевой стороне, по бокам, подвеска украшена двумя волютами, что придает ей сердцевидную форму. У основания черепа найдено бронзовое височное кольцо, свернутое в 1,5 оборота из тонкой желобчатой пластины (рис. 5, 17). Середина заужена, концы расширяются. В заполнении найдена нашивная бляшка (рис. 5, 18), сделанная из выпуклой квадратной пластинки, на краях которой пробиты два маленьких отверстия. У стоп погребенной обнаружен фрагмент керамики с примесью шамота и песка. В заполнении камеры обнаружены также два просверленных клыка (рис. 5, 20).

На скелете и в заполнении могилы найдено большое количество разнообразных бус: за черепом 14, за спиной 178, у шеи 201, на левой стороне груди 10, около левой руки 305, на поясе 106, у пояса и бедер 22, возле щиколоток 96 экземпляров. Еще 122 бусины извлечены из заполнения норы в северной части погребения. Такое распределение бус позволяет предположить, что ими были расшиты ворот рубахи, плечи, манжеты рукавов, подол (ракушечные диски), пояс (только спереди, т. к. под костяком бус не было) и низ шаровар или верх обуви.

Бусы (рис. 5, 15) изготовлены из сердолика (короткие цилиндрические), стекла синего и коричневого (цилиндрические от коротких до бочонковидных, иногда неразрезанные) и дисковидные из раковин (рис. 5, 16). Заметны бородавчатые бусы из глухого синего стекла с тремя налпами разных размеров.

Примечательно, что в различных районах катакомбной общности отмечены комплексы, в которых не только костяные медальоны, но и ожерелья с металлическими медальонами, или без них, помещались в могилы вне тела умершего, повсюду, кроме Северного Кавказа. Весьма небезынтересны также следующие наблюдения. Поначалу медальоны входят в состав ожерелий, но с изменением погребальной практики, как металлические, так и костяные ме-

дальоны представляют собой уже единственный элемент нагрудного украшения. Нередко на указанной территории в катакомбных комплексах встречаются ожерелья со сломанными медальонами, и не исключено, что в погребальной обрядности практиковалась преднамеренная порча этих предметов.

Ситуация несколько проясняется при обращении к мифологии Передней Азии, и особенно интересен один сюжет мифа о нисхождении Иштар в подземный мир. Богиня спускается туда через 7 ворот, возле которых ей придется каждый раз снимать с себя что-либо из своегоубранства. У первых ворот с неё сняли корону, у вторых – серьги, у третьих – ожерелье, у четвертых – украшения с груди, у пятых – пояс, у шестых – браслеты с ног и рук, у седьмых – накидку с тела. Всякий раз, когда у неё изымается очередная вещь, Иштар протестует, но ей объясняют, что это обычная процедура для всех, кто входит в обитель смерти [Всемирная история, 1999. С. 498].

Из данного сюжета вполне очевидно, что ожерелья воспринимались, как сильные обереги, и для того, чтобы умерший мог беспрепятственно перейти в мир мертвых, с его тела снимали сакральные украшения. Особую роль в ожерелье играл кольцевидный медальон, поэтому его не просто снимали, но и подвергали порче (лишали магической функции кольца). Тем не менее, снятое с тела, ожерелье сопровождало умершего в мир мертвых, где хозяин вещи вновь мог ею пользоваться. Примерно так можно расценивать нахождение ожерелья в руке умершего из комплекса «Западный II», 1/26. По всей вероятности, уже в мире мертвых сломанные медальоны вновь должны оказаться целыми, а незаконченные костяные медальоны и заготовки стать готовыми изделиями.

Теперь коротко опишем несколько более поздних погребений с медальонами, в основном еще не опубликованные.

Могильник «Красный IV», к. 12, впускное п. 7 в простой яме (рис. 6, 1–4) [Науменко, 2008. С. 121–123, рис. 585–597]. Выявлено на глубине 2,39 м в центральной части кургана. Яма заполнена серым суглинком, в котором обнаружены остатки деревянного перекрытия в виде полуистлевших плашек, просевшего в заполнение. На дне ямы выявлен тростниковый тлен, а непосредственно под скелетом тлен желтого цвета. Зафиксирован скелет мужчины 35–40 лет, лежавший на левом боку с завалом на спину, с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута поперек живота, ее кисть у левого запястья. Ноги согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу. Под тазом зафиксированы поперечные деревянные плашки шириной 6,0 см и толщиной 4,0 см.

Инвентарь:

На правом предплечье обнаружен массивный костяной медальон округло-кольцевидной формы (рис. 6, 2). Сечение сегментовидное, изнутри про-

филировано мелким желобком, наружная поверхность выпуклая, с едва намеченным ребром.

Возле крестца найдена подвеска из зуба оленя каплевидной формы, с отверстием для подвешивания (рис. 6, 3).

У левой голени лежал кремневый отщеп подтреугольной формы, с желвачной коркой на одной стороне (рис. 6, 4).

Могильник «Калинов II», к. 1, п. 5, основное в кургане (рис. 6, 5–6) [Власкин, 2002. С. 17–18, рис. 89–92], устроено в яме глубиной 2,28 м, под микронасыпью из камня. На дне ямы черный тлен поверх меловой подсыпки. Здесь зафиксирован скелет мужчины, лежавший на левом боку с завалом на грудь, головой к З, с подогнутыми в коленях ногами, пятки притянуты к тазу. Руки протянуты вдоль туловища к коленям.

Инвентарь:

Под левым предплечьем обнаружен костяной кольцевидный медальон (рис. 6, 6). Сечение кольца подтреугольной формы.

Могильник «Родионовский II», в кургане 1 два интересующих нас комплекса (п. 3 и 5) [Гордин, 2002. С. 9–11, рис. 27–30, 44–47].

Впускное п. 5 (рис. 6, 7–8) устроено в насыпи, выявлено на глубине 2 м по остаткам деревянного перекрытия, в виде полуистлевших плах и кусков коры. На дне прослежен черный тлен поверх мела, на котором расчищен скелет мужчины, лежавший на левом боку, головой к З, ноги резко подогнуты под острым углом. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и лежала поперек живота.

Инвентарь:

У кисти правой руки обнаружен плоский костяной кольцевидный медальон с одним отверстием, подтреугольного сечения (рис. 6, 8). Диаметр 3,4 см, диаметр отверстия 1,4 см, толщина 0,8 см.

Несколько севернее скелета обнаружены остатки изделия неясного назначения в виде свернутой в спираль медной проволоки с двумя тонко раскованными медными пластинками, на которых есть краевые отверстия, а также признаки древесной фактуры и органического тлена коричневого цвета (рис. 6, 7).

Впускное п. 3 (рис. 6, 9–10) также устроено в насыпи, поэтому контуры ямы, как и в 5 захоронении, не прослежены. На глубине 1,47–1,51 м расчищены остатки мужского скелета, лежавшего на левом боку головой к В, с подогнутыми под острым углом ногами. Правая рука, согнутая в локте, лежала поперек живота, положение левой руки неясно.

Инвентарь:

У локтя левой руки обнаружен плоский костяной кольцевидный медальон с одним центральным отверстием, вокруг которого имеется бортик (рис. 6, 10). Диаметр 3,2 см, диаметр отверстия 1,9 см, толщина 0,7 см.

Могильник «Дюнное V», п. 15 (рис. 7, 1–3) устроено в тесной овальной яме глубиной 1,10 м [Гудименко, Дмитриенко, 2010. С. 49, рис. 1, 3–5]. Скелет взрослого человека лежал скорченно на левом боку головой к З, с подогнутыми под острым углом ногами. Левая рука, слегка согнутая в локте, протянута к коленям, правая поперек живота.

Инвентарь:

У левого предплечья обнаружен костяной кольцевидный медальон с бортиком вокруг центрального отверстия (рис. 7, 3). Диаметр 3,2 см, ширина 1,4 см, толщина 0,7 см.

У кисти правой руки расчищен развал лепного сосуда плавно вытянутых пропорций, с расширяющимся горлом и покатыми плечиками (рис. 7, 2).

Могильник «Дюнное V», п. 4 (рис. 7, 4–5) устроено в узкой яме, от которой сохранилась только западная часть [Гудименко, Дмитриенко, 2010. С. 49, рис. 1, 1]. Скелет взрослого человека уцелел только до пояса, он лежал на левом боку, головой к ЗЮЗ.

Инвентарь:

Под локтем левой руки найден костяной плоский кольцевидный медальон с большим центральным и двумя малыми (разновеликими) отверстиями на краю. Вокруг центрального отверстия имеется бортик (рис. 7, 5).

Могильник «Большенаполовский VIII», к. 1, п. 7 (рис. 7, 6–8) в большой прямоугольной яме [Рогудеев, 2011. С. 148, рис. 2, 3–5]. В центре расчищен скелет мужчины 30–35 лет, лежавший на левом боку в слабо скорченной позе, головой к ССЗ. Несколько южнее локтя левой руки зафиксирован костяной дисковидный медальон с ушком, направленным к ЮВ. В углах ямы найдены переотложенные землероями фрагменты лепного сосуда. Не исключено, что первоначально он мог находиться на перекрытии могилы.

Инвентарь:

Костяной медальон грушевидной формы с двумя разновеликими отверстиями (рис. 7, 7), слегка вогнутый (изготовлен из трубчатой кости), в виде плоского широкого заполированного кольца, диаметром 3,6 см, с выступом длиной 1 см, в котором имеется малое отверстие диаметром 0,3 см. Вокруг большого отверстия диаметром 1,7 см едва намечен бортик. Особо отметим, что характерные признаки сработанности имеются только в верхней части малого отверстия.

Сосуд колоколовидной формы, вытянутых пропорций и резко отогнутым венчиком (рис. 7, 8). На внутренней стороне венчика имеется четко выраженное ребро. Поверхность горшка серого цвета, частично расслоилась, на изломе черепок черный, с примесью крупно дробленой ракушки. Высота сосуда 19 см, диаметр дна 9,8 см, наибольший диаметр тулова 21 см приходится на верхнюю треть общей высоты, диаметр устья 21 см.

Могильник «Маньчский I», к. 1, п. 10, срубное, почти в центре насыпи, на глубине 1,24 м (рис. 7, 9–11) [Яценко, 2004. С. 22–23, рис. 72; 75–76]. Оно частично разрушено п. 13, также относящимся к срубной культуре. Умерший погребен скорченно на левом боку, головой к ЮВ, руки были согнуты в локтях, кисти перед лицом.

Инвентарь:

Перед лицевым отделом черепа стоял лепной баночный сосуд с чуть зауженным устьем, без орнамента (рис. 7, 10).

Несколько севернее, над п. 13, найдено костяное изделие, напоминающее медальон (рис. 7, 11). Это грубо подработанный и подшлифованный обломок толстой кости с просверленным на конус, сильно зашлифованным отверстием диаметром 1,2 см.

Наблюдения показывают, что на позднем этапе формы медальонов изменяются, центральное отверстие усиливается бортиком (рис. 9, 4, 11), порой он едва намечен (рис. 9, 6), но в других случаях настолько сильно выделяется, что напоминает втулку (рис. 9, 4). Представляется, что в таком виде медальон символизирует модель колеса с односторонней ступицей (втулкой). В погребениях ранней и средней бронзы изредка встречаются такие вполне реальные колеса с односторонними ступицами. Широко известны, к примеру, следующие комплексы с колесами от повозок: ямное захоронение «Самарский», 9/3, где колеса были окрашены в красный цвет [Ковалева, Волкобой, Костенко, Шалобудов, 1978. С. 16; табл. 11, 1]; катакомбные погребения «Виноградники», 1/5 и 1/8 [Кульбака, Качур, 1998. рис. 1; 6]; «Долгая Могила», 4/6 [Ковалева, Андросов, Шалобудов, Шахров, 1987. С. 16].

В эпоху средней бронзы известны также глиняные модели колес с двусторонними ступицами. В более позднее время в Карпатском регионе появляются модели колес с 4 отверстиями или спицами [Борофка, 2008. Рис. 4], в Крыму («Ильичево», 9/6) – с 6 отверстиями [Литвиненко, 2011. рис. 2, 12–17]. На Балканах наиболее известны золотые модели колес из Микен, III шахтовой гробницы круга А [Нефедкин, 2001. С. 130]. Модели колес с односторонней ступицей наиболее редки, и тем интереснее, что подборка таких моделей известна в Индии [Щетенко, 2008. Рис. 12].

Из Молдавии происходит один интересный комплекс с костяной подвеской в виде колеса. Могильник «Красное», к. 7, п. 3, устроено в насыпи (рис. 8, 1–3) [Василенко, 2008. С. 137–138, рис. 3, 1–3]. Детский скелет лежал скорченно на левом боку, головой к З, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом, за спиной кости животного.

Инвентарь:

У локтя правой руки стоял лепной сосуд плавного профиля с чуть расширяющимся горлом, без орнамента (рис. 8, 3), а перед лицевым отделом че-

репа лежала костяная подвеска (рис. 8, 2) в виде плоского диска с центральным отверстием диаметром 0,55 см, вокруг которого еще 4 малых отверстия по 0,3 см. По краю диска нанесены радиальные риски, символизирующие солнечные лучи. Этот медальон, вне всяких сомнений, является вотивной моделью «солнечного колеса». А.И. Василенко считает этот предмет псалием, но по основным признакам он ближе глиняным моделям колес (рис. 9, 30).

Небезынтересно, что некоторые каменные конструкции в курганах со- оружались в виде колес со спицами («Разметный», к. 5) [Шарафутдинова, Житников, 2011. Рис. 63].

Следует обратить внимание на одну принципиальную особенность – выделение на медальонах такой детали колеса, как ступица (втулка). В некоторых погребениях присутствуют подвески в виде коротких костяных трубок с одним или двумя отверстиями, например, «Ясиновый», 1/1 и 1/6 (Средний Дон) [Шарафутдинова, Житников, 2011. Рис. 70, 3; 71, 8] и «Кулатка», 2/3 (Саратовское Поволжье) [Ляхов, 2009. Рис. 6, 3]. По-видимому, эти подвески символизируют ступицы колеса, что подчеркивает важность именно этой детали.

Коротко коснемся интересной подборки финальнокатакомбных медальонов из Предкавказья [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 201–234] и Кавказа [Магомедов, 1990. С. 44–49], которые пока встречены только здесь. Они разделяются на три группы: фигурные – 4 экз. антропо-зооморфные (рис. 9, 21–22) и зооморфные (рис. 9, 23–24); медальоны с добавочными бусинами – 4 экз. (рис. 9, 17–18); простые дисковидные с маленьким центральным отверстием, изготовленные из черепной кости человека (5 экз.). В комплексе «Элиста», 6/1 найдена половинка сломанного медальона, изготовленного из черепа человека. Исследователи считают изделия с большими отверстиями пряжками, а с малыми – подвесками. Размещение этих изделий относительно умерших не стабильно, как и во всех вышеприведенных комплексах, независимо от формы. Они могут находиться у головы, возле рук, ниже колен и на костях таза. Для примера приведем два комплекса с изделиями разных форм.

Могильник «Кривая Лука XI», к. 11, п. 9 (рис. 8, 4–6) впущено во входную яму более ранней катакомбы [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 217]. Скелет лежал в сильно скорченной позе на левом боку, головой к С. Костяной медальон с длинным ушком и добавочными бусинами зафиксирован чуть выше левого крыла таза, почти перпендикулярно линии позвоночника. Через бусины и ушко проходит овальное, вероятно, вследствие износа, отверстие. Большое кольцо явных следов сработанности не имеет.

Могильник «Первая курганная группа левого берега Восточного Маныча», к. 32, п. 3 (рис. 8, 7–8), устроено в насыпи [Калмыков, Мимоход, 2005. С. 219–220]. Скелет лежал на левом боку, скорчено, головой на СВ. На обрат-

ной стороне левого крыла таза зафиксирован медальон с малым центральным отверстием, изготовленный из черепной кости человека.

Как видим, расположение различных по конструкции изделий относительно умершего практически одинаково.

Перейдем к анализу медальонов, изготовленных из органических материалов (кость, раковины, рог), прототипами которых, как представляется, были металлические медальоны эпохи средней бронзы.

Металлические дисковидные изделия имеют очень точные (вплоть до деталей декора) костяные аналогии (рис. 9, 26–29), кольцевидные с коротким и средним ушком (рис. 9, 1–8), кольцевидные с длинным ушком (рис. 9, 12–18), кольцевидные с двойным ушком и двумя малыми отверстиями (рис. 9, 9–11, 36), особенно показательны медальоны типа лунниц и подражания из кости (рис. 9, 19–20, 34).

Попытаемся разобраться с функциональным назначением медальонов, изготовленных из кости, рога и раковин. Думается, что археологических данных степного региона для этого недостаточно, поэтому обратимся также к различным источникам Передней Азии, Ирана и Индии, а именно, к иконографии (терракота, рельефы, настенная роспись, скульптура и др.), а также к обширным нарративам по истории и религии (иранская Авеста, индийские веды, сутры и пураны). Кроме того, привлечем многочисленные современные исследования по истории и религии, а также некоторые этнографические материалы.

Прежде чем обратиться к переднеазиатским изображениям с медальонами, рассмотрим практику поклонения богам Месопотамии. Как писал А. Оппенхейм: «Следует обратить внимание на те неантропоморфные предметы поклонения – символы, в которых распознается присутствие конкретного бога. ... Это были либо символы космических явлений, такие как солнечный диск, полумесяц, восьмиконечная звезда Иштар; либо церемониальное оружие определенного вида: палицы с львиной головой, жезлы украшенные головой барана; либо предметы обихода: копье Мардука, стилос Набу, плуг или светильник. Животные, обычно сопровождающие богов, также стали символами: собака Гулы, сложные чудовища мушхушшу (лев-змея-орел) и kusariqqu (коза-рыба), представляющие соответственно Мардука и Эа. Бык, изображаемый вместо Адада...» [Оппенхейм, 1990. С. 156]. Он же отмечал, что «с II тыс. до н. э. в некоторых районах Месопотамии объектами поклонения стали чудовищные комбинации из человеческих и животных форм» [Оппенхейм, 1990. С. 146]. Правда, пока не ясно, символами каких богов они являлись, а также символике каких божеств соответствует тот или иной материал, из которого изготовлены медальоны.

Похожие процессы проходили в евразийских степях, и это объясняет появление в Предкавказье сложных зооморфных медальонов (рис. 9, 21–24) и зооморфных пряжек на территории распространения бабинской культуры.

На рельефе из Ура XXII в. до н. э. изображен правитель города Ур-Намму, поливающий деревце перед сидящим богом, который держит в левой руке топор, а правой протягивает правителю жезл (посох) и большое плоское кольцо-медальон со свисающей широкой лентой.

В г. Мари изучено близкое по смыслу настенное групповое изображение с богиней Иштар, которая в левой руке держит секиру, а правой вручает царю жезл (посох) и большое плоское кольцо (рис. 10, 2) [Саггс, 2004. Рис. 19].

Известно позднее изображение Иштар в головном уборе, увенчанном многолучевой звездой, которая стоит на льве и держит в левой руке большое плоское кольцо (рис. 10, 3) [Всемирная история, 1999. Рис. 583].

Весьма интересен сложный рельеф из Абу Хабба VII в. до н. э. (рис. 10, 10), где три персонажа стоят перед алтарем с солнечным диском, четыре прямых луча которого обозначены крестом. Солнечный алтарь подвешен на веревках перед входом в храм, посвященный солнечному божеству Шамашу, который также почитался как высший судья. На рельефе Шамаш изображен сидящим в храме, с жезлом (посохом) и большим плоским кольцом в правой руке. Над ним запечатлена соответствующая эпохе солярно-лунарная и астральная символика в виде трех дисков: один с месяцем/луной (звезда бога Сина), второй с четырьмя лучами, символизирующими солнце (звезда бога Шамаша), третий с восемью лучами – символом Венеры (звезда богини Иштар).

Таковы изображения с очевидной связью высших божеств и символики кольца-медальона, а теперь рассмотрим иконографию, где фигурируют люди с теми же символами.

И.М. Дьяконов, описывая внешний вид жителей г. Ура (время Хаммурапи), пишет: «Мужчины и женщины не снимали до самой смерти с талии надевавшегося на голое тело магического двойного шнура или перевязи (предположительно эта перевязь называлась *dida*)» [Дьяконов, 1991. С. 36]. Он указывает также, что некоторые мужчины и женщины носили на шее шнур (перевязь) с большим серебряным или бронзовым кольцом-пекторалью [Дьяконов, 1991. С. 47]. На терракоте этого же времени (рис. 10, 5) изображен жрец в парадной одежде, на шее которого широкая лента с большим кольцевидным медальоном, в левой руке у него витой жезл с фигуркой птицы, в правой топор. Совершенно очевидно, что медальон очень похож на большие кольца в руках бога из Ур-Намму, богини Иштар и бога Шамаша (рис. 10, 1–3, 10).

Известна еще одна настенная роспись из Мари, посвященная жертвоприношению². Для нас представляют интерес две фигуры второго плана (рис. 10, 5). Правый персонаж – бритый мужчина, левый – с бородой. Оба показаны в шапках, характерных для царей и знатных людей. Одежда, отороченная бахромой из коротких лент, также типична для знати и жрецов. Принципиально важно, что обе фигуры показаны с медальонами. Обе инсигнии на коротких шнурах, но разнотипные. У левого мужчины медальон в виде большого кольца с большим отверстием, у правого он меньших размеров, в виде плоского кольца с небольшим центральным отверстием и коротким ушком. Хорошо заметно, как он подвешен к шнуру (рис. 10, 5a): широкий ремешок с двух сторон ограничен бусинами-разделителями, через которые пропущены уже два тонких шнура. На нижнем шнуре свисает медальон, а верхний соединяет бусины. Смысл усложнения схемы подвешивания медальона не вполне понятна, но все это весьма напоминает медальоны с добавочными бусинами из степных комплексов Предкавказья, описанных выше (рис. 9, 17–18a).

На росписи колесницы Тутмоса IV (1425–1417 гг. до н. э.) фараон сражается с митаннийцами и бедуинами, где многих воинов украшают медальоны (персонажи 1, 2, 4, 8, 9, 14) [Рогудеев, 2004. С. 193, рис. 3, 6]. Это весьма интересно, поскольку именно у митаннийцев-хурритов встречались индоевропейские имена и упоминались арийские боги Индра, Варуна, Митра и Насатьи. Особо отметим два фрагмента росписи (рис. 10, 9, 10), где медальоны показаны расплывчато, но заметно, что у персонажа 2 медальон с крестом (солнечным символом).

Не менее интересен ассирийский рельеф с изображением царя Салманасара III(?) (рис. 10, 2, 2a), над ним показаны символы разных богов, на его груди – два ожерелья: верхнее – с подвеской треугольной формы, ниже с несколькими подвесками (рис. 10, 2a). Подвески – уже знакомые нам сюжеты: слева направо диск с месяцем – луна (звезда бога Сина), далее диск с четырьмя лучами – солнце (звезда бога Шамаша), затем диск с восемью лучами – венера (звезда богини Иштар), следом шапка неизвестного бога и, наконец, неясный предмет в виде рогатки. Следует знать, что последние два символа яв-

² Ранее я уже обращался к этому изображению [Рогудеев, 2004. Рис. 3, 1]. В то время мне была доступна черно-белая фотография данного сюжета и только с одним персонажем. Качество фотографии было плохим и прорисовка оказалась не совсем точной. В настоящее время я располагаю более полным и четким изображением этой росписи, хранящейся в Лувре. На ней, видимо, показана семья правителя Мари. На первом плане должен стоять сам правитель Ясмах Адад, ведущий быка, на втором плане его отец, бритый жрец, рядом с ним старший брат правителя Ишме Даган (в его имени отражено имя водного бога Дагана). Они были современниками Хаммурапи [Саггс, 2004].

ляются знаками зодиака, аналогичные представлены на дисках позднего Вавилона с изображениями светил и созвездий [Гуляев, 2004. Рис. 99]. Кстати, среди них есть также изображение витой колонки с птицей наверху, подобное уже отмеченному выше (рис. 10, 4).

Рассмотрим реальные медальоны более раннего времени, из кладов XVI в. до н. э. из телья Аджуля в Палестине [Мерперт, 2000. С. 180]. Это дисковидное изделие с изображением восьмилучевой звезды Иштар и коротким ушком (рис. 10, 6), кольцевидное с двумя ушками и изображением змеи(?) (рис. 9, 9) и кольцевидное прорезнее с двумя ушками (рис. 10, 7). Последний тип медальонов часто украшался фигуркой богини плодородия или изображением её головы. К сожалению, художественные качества медальона невысокие. В целом он напоминает птицу с поднятыми крыльями. В его нижней части изображен кружок, над ним голова богини. Ниже отходят короткие лучи (хвост птицы), центральное отверстие окружат концентрические линии, по внешнему краю – ряд мелких кружков (меандр?).

Сюжет этого медальона становится понятнее, если пристально рассмотреть восходящее к ассирийским образцам изображение Ахурамазды на печати персидского царя Дария I (рис. 10, 11). Здесь солнечный круг с птичьими крыльями и хвостом, в его центре бог, который держит в левой руке большое кольцо, аналогичное кольцам богов на шумерских и вавилонских рельефах (рис. 10, 1, 3, 4).

На рельефе храма в г. Трире, разрушенного в 337 г, также внутри солнечного круга, присутствует Митра, изображенный ребенком в окружении животных (рис. 11, 3). Но в его левой руке не кольцо, а шар.

Еще более показательна сцена коронации Арташира I, основателя династии Сасанидов в Иране III в. н. э. (рис. 11, 2), где Ахурамазда левой рукой вручает царю большое плоское кольцо – «кавийское хварно» (символ законности царской власти)³. Удивительно, насколько данная сцена аналогична описанным выше, гораздо более ранним изображениям (рис. 10, 1, 2).

Категория «хварно» связана с зороастризмом, с Ираном и, соответственно, с «арийскими» степными племенами, несколько раз упомянута в Авесте.

10. Хварно Ахурамазды,
Который создал творенье
Многоблаженное,
Многопрекрасное,
Многообразное,

³ Насколько живуча древняя атрибутика царской власти видно из того, что русские цари при коронации получали скипетр (жезл) и державу (солнечный шар) увенчанную крестом.

Многополезное
И лучезарное.

22. Хварно божеств бесплотных"
Хварно существ рожденных
И нерожденных Спасителей
И претворителей мира.

97 Молитву и хвалу, мощь и силу прошу горе Ушидарна, созданной Маздой, и все-благому кавийскому Хварно, созданному Маздой, недосыгаемому Хварно, данному Маздой.

51. И очутилось Хварно
На море Ворукаша,
Где завладел им сразу
Владыка Апам-Напат,

68. Хаэтумант (река), который
Коней владеет силой,
Имеет мощь верблюдов,
Могущество мужей;
И в нем такое Хварно,
О Заратуштра верный,
Несёт он столько Хварно,
Что страны неарийцев
Все разом может смыть.

[Авеста, Гимн хварно (Яшт 19, «Замйад-яшт»)].

Современные зороастрийцы комментируют данную категорию следующим образом: «Этимологически слово «Хварно» происходит от слова «Хвар» – Солнце. Уже то, что Хварно упоминается именно в день, посвященный Атару, говорит о том, что оно имеет огненную природу. Каждый человек может быть исполненным Хварно, если будет следовать принципу Хумата, Хукхта, Хваршта – «Благая Мысль, Благое Слово, Благое Дело». Хварно изображали в виде солнечного диска над головой человека, что позднее перешло в христианство в виде нимба как обозначение святости. Человеку, исполненному Хварно, будет сопутствовать Саво (букв. «Польза») – блеск, про-

цветание, благосостояние, понятие, близкое к Хварну и неотделимое от него. Это те реальные блага, которые даются праведнику, имеющему Хварно» [Аташ Ньяиш (молитва Огню), 2004. С. 29–34]. Как мы видим:

1. Хварно присуще богам, смертным людям и даже местностям и рекам. Что принципиально важно, человек получает его (это, прежде всего, царское «кавийское хварно») от Ахурамазды. Но хварно не поддается ни насилию, ни чужеродцам; лишь только царь солжет, оно немедленно от него уходит. Это предполагает соблюдение царем определенной морально-религиозной чистоты.

2. Хварно имеет солярный (солнечный) характер.

3. Хварно связано также с животными, к примеру, отлетает от Йимы в виде птицы варегна, в сасанидском искусстве хварно часто представлено в виде барана [Мифологический словарь, 1991. С. 569].

На изображениях иранских царей сасанидов (рис. 11, 2, 6) их головные уборы увенчаны солнечным шаром, или месяцем и солнцем (уже знакомое нам совмещение двух светил).

М. Бойс называет среди ранних божеств богов солнца и луны – Хвар и Мах. [Бойс, 1987. С. 13–14]. Персы придавали большое значение солнцу и луне и подчеркивали особую связь между ними, что особо позиционируется в Авесте.

1. Мы молимся Солнцу,
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры.
Когда Солнце светит,
Когда Солнце греет,
Стоят божества
Все сотнями тысяч
И счастье вбирают
И счастье вручают,
И счастье дарят
Земле, данной Маздой,
Для мира расцвета,
Для Истины роста.
5. ... Помолимся связи,
Из всех наилучшей,
Меж Солнцем и Луной.

[Авеста, Гимн солнцу (Яшт VI, 1, 5, «Хуршед-яшт»)].

В яснах приводится текст, показывающий значимость луны и солнца: «Я приношу жертву звездам ..., Луне, которая обладает семенем тельца, и бле-

пущему Солнцу с мчащимися конями, оку Ормузда...» [Мидия, Персия, Иран., 2003. С. 196].

От этих «звезд» зависела репродуктивность не только животных, но и людей. Так, после вреда, нанесенного злым духом, пришлось восстанавливать миропорядок. Семя быка и человека, очищенные луной и солнцем, породили еще больше скота и людей [Бойс, 1987. С. 35].

Мы не видим на царских изображениях солярных медальонов, но следует обратить внимание, что только на царях показан высоко расположенный на груди псевдопояс (рис. 11, б), который поддерживался двумя ремнями на плечах, а соединялся бляхой или медальоном. Вряд ли он имел практическое назначение, скорее всего, сакральное.

Кроме того, он отличался от ритуальных поясов зороастрийцев и индусов. По этому поводу М. Бойс пишет: «...это еще индоиранский обычай надевать на мужчин при инициации плетенный шнур в знак принятия в религиозную общину. Брахманы Индии носят его через плечо. Шнур завязывает жрец, но брахманы никогда его не развязывают, а просто стягивают его в сторону, когда совершают обряд. Этот старый индоиранский обычай Зороастр приспособил для того, чтобы дать своим последователям отличительный знак. Все зороастрийцы, мужчины и женщины, носят шнур как пояс (по персидски «кусти» или «кости»), трижды обернув им поясницу и завязав узлом спереди и сзади. Обряд посвящения совершается в пятнадцатилетнем возрасте, после чего верующий обязан сам развязывать и вновь завязывать пояс каждый день всю свою последующую жизнь во время молитвы. Кусти повязывают поверх нижней белой рубашки – судра...» [Бойс, 1987. С. 42]. Следует сделать уточнение, этот пояс повязывали именно во время молитвы или при проведении священного обряда.

Существует мнение о том, что представители трех индийских варн проходили обряды посвящений неодинаково: брахманы на 7 году жизни, кшатрии – 10 лет, вайшью – 11 лет отроду. Посвящение сопровождалось наложением священного шнура, который затем носили на левом плече, пропущенным под правую руку [Токарев, 1986. С. 283].

Но это верно только для позднего времени, о чем пишет Р.Б. Пандей: «Пояс. Он делался из тройного шнура, который символизировал то, что ученик был всегда окружен тремя ведрами. Пояс считался дочерью веры (шраддхи) и сестрой мудрецов, обладающим силой охранять его чистоту и целомудрие и удерживать его от зла (Атхарваведа, VI, 133, 4).

После повязывания пояса наступал наиболее важный, согласно позднейшим авторитетам, момент санскары – надевание на ученика священного шнура. Следует, правда, отметить, что это было неизвестно древним авторам, описывавшим ритуал. Ни одна из грихья-сутр не содержит предписания о

ношении священного шнура. Само название священного шнура – яджнопавита (жертвенный шнур) содержит ключ к его первоначальной природе. Три нити шнура связывались вместе узлом, который символизирует Брахму, Вишну и Шиву, и, кроме того, делались еще узлы на отдельных прядях шнура по числу правар рода» [Пандей, 1982. С. 124–125]. Эта троица верховных богов довольно поздняя.

Этот обряд подтверждается описаниями и других авторов:

«Пояс. По предписаниям большинства грихья-сутр учитель трижды опоясывает мальчика слева направо, только Хираньякешин упоминает, что «некоторые» опоясывают дважды. Из мантр, сопровождающих опоясывание, наибольшим распространением пользуется следующая: «Пришел к нам этот пояс, ограждающий от дурного слова и вполне очищающий касту. Принося силу выдоху и вдоху, этот пояс является братом и благодетельным божеством».

Жертвенный шнурок. Замечательно, что о возложении жертвенного шнурка большинство сутр вовсе не упоминает, а те, которые говорят о нем, дают очень мало.

В тексте Параскары дается следующая мантра: «Жертвенная повязка – высшее очищение, она родилась искони вместе с Праджапати. Дай хороший, славный, долгий век! Да будет жертвенная повязка силой и блеском! Ты жертвенная повязка, повязкой жертвы я тебя повязываю» [Кудрявский, 2003. С. 220–221].

Вероятно, первоначально священный шнур надевали только при жертвоприношении. При переселении арийских племен в Индию он постепенно стал их отличительным знаком для трех варн. Важно, что пояс и священный шнур означают связь с богом, особенно жертвенный шнур, который ставит человека в позицию жертвы богу.

К анализу привлечены древнеиндийские материалы, как индуистские, так и буддистские. Деятельность Шакьямуни Будды относят примерно к VI в. до н. э., что предполагает устойчивость в буддизме некоторых ранних черт обрядности. В период правления царя Ашоки буддизм становится официальной религией Индии. В индуизме самые ранние источники – это веды, затем сутры, наиболее поздние – пураны. Сутры и пураны, как правило, апеллируют к ведам, как к первоисточнику.

Среди изображений богов следует обратить внимание на скульптуру Вишну из Бангладеш, примерно, начала новой эры (рис. 11, 4). Ранние признаки аранжировки, характерные для гуптского периода – это раковина в виде перевернутой «бутылочки», цветок утпала и чакра, аналогичная буддистским образцам, в виде колеса с восемью спицами с которого свешиваются пять коротких шнурков. Это четырехрукое изображение бога Вишну. В двух правых руках он держит раковину и цветок, одной левой рукой сжимает чакру

(колесо, диск), второй левой опирается на ваджру (палица, булава). На шее бога широкое ожерелье, чуть выше пупка средний псевдопояс, к которому подвешен знакомо орнаментированный медальон (в центре большой выпуклый кружок, по периметру малые кружки), через шею пропущен также широкий, проходящий под медальоном шнур.

По традиции на груди Вишну изображали ожерелье или гирлянду из цветов. На ожерелье всегда присутствует большой драгоценный камень, в котором, по легенде, обитает его супруга Лакшми. На скульптуре представлены также жертвенный шнур, свисающий с левого плеча и пропущенный под средним псевдопоясом, обычный пояс, браслеты на руках и корона. Таким образом, здесь Вишну позиционирован в царском облике с атрибутами бога.

Не абсолютно, но близкое этому изображение есть на фронтоне храма Кандарья в Кхаджурахо (конец I тыс. н. э.), где показана божественная чета Вишну и Лакшми. В двух правых руках Вишну все те же раковина и цветок, левой нижней рукой он обнимает Лакшми, а верхней держит чакру в виде сплошного колеса с выступающей овальной ступицей. Из осевого отверстия ступицы свисает несколько коротких шнуров, символика которых не ясна. На этом изображении Вишну нет среднего псевдопояса и жертвенного шнура.

Совершенно иначе, как символ вселенной, выглядит Вишну на изображении XVIII в. (рис. 11, 7). По традиции он с четырьмя руками, в которых показаны атрибуты бога: правых ваджра и чакра (колесо с четырьмя спицами, против каждой спицы – месяц), в левых руках обычная раковина и цветок лотоса. Синее тело бога покрыто символическими знаками, на шее ожерелье с камнем, нет короны, жертвенного шнура и среднего псевдопояса. Для нас, тем не менее, важно, что во всех случаях среди атрибутов бога есть чакра (колесо, диск), причем на последнем изображении она максимально приближена к объединенному солярно-лунарному символу.

Если обратиться к письменным источникам, то становится совершенно очевидно, что чакра всегда является атрибутом высших богов – Вишну, Ямы и др. Приведем, например, описание бога Вишну в «Вишну-пуране»:

41. А Бхагаван Хари, Атман всего, довольный тем, что Дхрува отождествил себя с ним, в четырехруком образе приблизился к нему и сказал ...

45. Он взглянул на Ачьюту (Вишну), держащего раковину, диск (чакру), палицу, Шарнгу, превосходный меч и увенчанного тиарой, и склонил голову до земли [Вишну-пурана, гл. XII, 41, 45].

Или в описании бога Ямы в «Гаруда-пурана Сародхара»:

74-76. Видя, что они подходят, Яма встает с места и выходит встречать их, предлагая каждому войти.

Затем, держа раковину, диск (чакру), булаву и меч в четырех руках, он произносит речь... [Гаруда-пурана Сародхара., 2003, С. 554].

Удивительно, но среди древних изображений Индии нет людей с медальонами. Поэтому к анализу, учитывая допустимость инверсий древних традиций, привлечены этнографические, причем, довольно поздние материалы. Еще в 2001 году мною было высказано предположение о том, что медальоны являлись символами мандалы (в буквальном смысле – диск, кольцо) [Рогудеев, 2001. С. 109]. Этот первый шаг представляется верным, но и проблема, как выяснилось, оказалась гораздо сложнее. Для начала обратим внимание на совершаемый индусами обряд «пуджа».

«Пуджа (традиционный ритуал почитания божества). Главная задача ежедневного ритуала индуса – вызвать в себе проявление божества, т. е. осуществить при помощи определенных действий слияние с божеством. В этом все индусы едины. После утренней медитации следует сложный порядок жестов и коротких мантр, которыми верующие призывают богов и «помещают» их в своем теле...». [Царева, 2002. С. 185].

Подобные ритуалы соблюдают и буддисты некоторых мистических сект. Приведем одно из описаний весьма интересного ритуала.

«Созерцатель, отправившись на созерцание, омывает лицо и руки и, войдя в помещение с магическим кругом, садится сбоку от алтаря на мягкой подушке и погружается в созерцание. ... Затем созерцатель сосредоточивает свою мысль на том, что все есть лишь одна пустота, и далее в этой пустоте он старается представить себя в виде желтого Будды Пышно-пламенного Блеска, одноликого и двурукого, восседающего на лотосе с лунным сидением с ногами, скрещенными перуном (ваджрасана) с «колесом закона» (дхармачакра) в руках. Когда созерцателю удастся такое отождествление, он призывает будд и богинь приобщить его к божественной мудрости и мыслит их явившимися с сосудами божественной влаги и посвящающими его. В это время созерцатель в качестве Будды Пышно-пламенного Блеска сосредотачивает свою мысль на Будде Вайрочане, манифестацией которого он является.

По окончании чтения заклинаний делается подношение яств Будде Пышно-пламенного Блеска и божествам планет. Подношение Будде ставится перед его изображением, подношения светилам располагаются в ряд позади чашки Будды. Затем опять следует мистическое созерцание. Священнослужитель за чашкой подношения Будде мыслит белый мистический знак Ба, который в его воображении превращается в восьмилепестковый лотос, на котором созерцатель представляет мистический знак Ом, превращающийся затем в восьмизубчатое желтое колесо, которое в свою очередь становится Буддой Пышно-пламенного Блеска, восседающим на лотосе, скрестив ноги, с одним лицом и двумя руками, сложенными в положении самадхимудра, с «колесом закона» (дхармачакра)» [Невский, 2003. С. 449–450].

По всей вероятности, перед нами весьма архаичный ритуал, в котором Будда заменил солярное божество, о чем говорит упоминание божеств планет, эпитет – Пышно-пламенного Блеска, восьмизубчатое желтое колесо (то есть солнечное колесо), чакра, восьмилучевой солнечный диск, который должен превратиться в солярное божество Пышно-пламенного Блеска с чакрой в руке. Все это весьма похоже на солнечный круг с птичьими крыльями и хвостом, в центре которого бог Ахурамазда, держащий в левой руке большое кольцо (рис. 10, 11).

Современные индийские йоги, занимаясь в пещерах длительными медитациями, джашимися, порой по несколько месяцев, имеют на своих телах один или два плоских кольца, похожие на наши медальоны. Чтобы понять смысл данных реминисценций, обратимся к категории «тилак».

По сообщению Г. Царевой «Почти все садху (монахи) рисуют знаки божества (тилаки) на лбу и разных частях тела. Это делают и простые миряне при посещении храма. В ритуальном действии тилак накладывался также на священные предметы, такие как четки, сосуд для воды, скульптуру и изображение божества.

Тилак вайшнавов (вишнуитов) вертикальный, хотя могут быть разные вариации: круглые, в форме раковины. Садху вишнуистских орденов также отмечают свои руки и тела символами Вишну – чакра (диск), шанкха (раковина), гада (булава) и падма (лотос)» [Царева, 2002. С. 281–282].

Использование тилаков как раз и объясняет редкость таких медальонов у индусов. Садху и йоги при медитации и «вызывании в себе проявления божества» находились, кроме всего прочего, в центре магического круга, сплошного или из отдельных кучек углей, то есть, в том же солярном символе.

Ламаисты на длинных шнурах носили медальоны гау в виде кулонов, внутри которых были помещались кусочки бумаги с магическими заклинаниями. Медальон гау – это модификация дхармачакры с ведущим принципом восьмиричности. Некоторые известные нам изделия полностью соответствовали принципу дхармачакры, например, колеса с восемью спицами. Один из образцов совмещал в себе формы чакры и мандалы (рис. 11, 8). В его основе квадрат, с четырех сторон двойной меандр (ворота), в нем колесо, а в самом центре (в ступице) – Будда.

Слово «мандала» (кольцо, диск), в разных смыслах, достаточно широко использовалось уже в Ригведе. В буддизме это сложная конструкция, но самая простая форма – внешний круг, в нем квадрат с четырьмя воротами в виде двусторонних меандров, затем внутренний круг, в центре которого находится божество [Мифологический словарь., 1991. С. 338–340]. Если эту конструкцию представить только в округлых линиях, то мы получим реальный артефакт из Ильичевки (рис. 9, 3).

В переводе с санскрита слово «чакра» означает «колесо, круг, или диск». Число поздних свидетельств о чакрах огромно, и они довольно часто противоречивы, особенно у мистиков-практиков. Европейские авторы, в основном, отталкиваются от сочинения А. Авалона⁴ «Змеиная сила». Как правило, чакры связывают с энергетическими центрами и пробуждением энергии «кундалини», которая, в процессе духовного развития человека, поднимается от нижней чакры к верхней. Весьма небезынтересно вскрыть под этими поздними напластованиями суть наиболее ранней идеи.

Чаще всего индуисты упоминают шесть или семь чакр. В центре каждой чакры (лотоса с разным количеством лепестков) находятся геометрическая фигура, буква санскритского алфавита⁵, животное, два божества, мужское и женское, и некоторые другие символы.

Описание семи чакр приводится по М. Элиаде [Элиаде, 1999]:

1. «Муладхара» находится у основания детородных органов. В середине лотоса – желтый квадрат, (эмблема элемента «земля»); в центре квадрата – треугольник вершиной вниз – символ «йони» (женские гениталии). Название треугольника «камарупа»; в его центре – «сваямбхулинга» (лингам / пенис)... Обвившись вокруг него, словно змея, восемь раз, яркая, как молния, спит «кундалини», блокируя открытие лингама... и препятствуя, таким образом, открытию «брахмадвары» (двери Брахмана) и вступлению в «сушумну»;

2. «Свадхистхана» – в районе почечных лоханок, в середине лотоса – белый месяц, мистически соотнесенный с Варуной. Посреди месяца находится «биджа-мантра» бога Вишну, а внутри нее – сам Вишну в объятиях Чакини Шакти. Согласно «Шива самхите» (V, 99) – Ракини, чакра Свадхистхана отождествляется с элементами «вода», «белый цвет», «животное крокодил»;

3. «Манипурака» – в области пупка, в середине лотоса – красный треугольник, в треугольнике – бог Махарудра (Шива), сидящий на быке (иногда Агни на баране) вместе с голубой Лакини Шакти. Эта чакра соотносится с элементами «огонь», «солнце»;

4. «Анахата» – у сердца, в середине его – два скрещенных треугольника, образующие шестиконечную звезду, в центре которой – еще один золотой треугольник со сверкающим лингамом внутри. Над двумя треугольниками – Ишвара с красной Чакини Шакти. Соответствует элементам «воздух», «фаллос», «мускульная энергия», «животное – белая антилопа»;

5. «Вишуддха» (чакра чистоты) – у гортани, в центре лотоса – белый круг, в середине круга находится слон, на нем «биджамантра х» (хам), которую, сидя

⁴ Настоящее имя автора Дж. Вудроф.

⁵ Буквы алфавита явно не изначальны, поэтому данный сюжет опустим.

на быке, поддерживает Садашива – половина фигуры, вторую половину его тела образует Сада Гаури. Связывается с «белым цветом», «эфиром»;

6. «Аджна» – в области межбровья, в лотосе находится белый треугольник, вершиной вниз (символ йони); в центре треугольника – белый лингам, называемый итара («другой»). Здесь обитель Парамашивы. Богиня-покровительница Хакини;

7. «Сахасрара» – макушка головы, в середине лотоса – полная луна, содержащая треугольник. Именно здесь окончательно воссоединяются Шива и Шакти, здесь же «кундалини» завершает свое путешествие по шести чакрам.

М. Элиаде отмечает, что «сахасрара» не принадлежит к телесному плану, она означает уже план трансцендентного, поэтому авторы обычно говорят о «шести чакрах». Наличие божества в центре сближает чакры и мандалы.

Для нас важны такие формы чакр как квадрат, месяц, треугольник, шестиконечная звезда, круг и полная луна (тот же круг). Такое же многообразие форм мы находим среди костяных медальонов.

Для нас немаловажно также описание каналов, по которым поднимается энергия «кундалини». Первое описание – Свами Пурнананда: «В пространстве вне позвоночника, справа и слева, есть два канала, лунный и солнечный. В середине – канал Сушумна, чья сущность – три гуны. Она имеет форму солнца, луны и огня. Её тело, как вереница расцветающих белых цветов дурмана, простирается от середины Канды до головы, и молния (кундалини) внутри нее идет от половых органов к голове».

По этому поводу, анализируя йогические упанишады, М. Элиаде цитирует один из основных текстов, описывающих мистическую сущность сушумны: «В пространстве за пределами Меру, слева и справа от нее, располагаются две схиры (т. е. нади – каналы): Шаши (луна, т. е. женское начало, или Шакти-рупа нади, ида, с левой стороны) и Михира (солнце, или мужское начало, пингала, с правой стороны). Нади сушумна, чья субстанция состоит из трех гунн..., находится в центре. Она имеет форму луны, солнца и огня» [М. Элиаде, 1999].

Таким образом, солнце – мужское начало и находится с правой стороны, но еще более важно, что «семя пребывает в районе луны, на полпути между аджня чакрой (т. е. лобное пространство.) и тысячелепестковым лотосом (сахасрара)», и это безусловная параллель с зороастрийской луной, «которая обладает семенем тельца». В йоге похожим образом элементы цикла пранаямы отождествляются с тремя важнейшими богами ведийского пантеона: «Брахма – это вдох, Вишну – задержка дыхания, Рудра (Шива) – выдох» [М. Элиаде, 1999].

В буддизме чакры воспринимались примерно аналогично. У М. Элиаде по этому поводу находим: «В буддийских тантрах говорится, как правило, о

четырёх чакрах, расположенных соответственно в пупочной, сердечной, ларингиальной и церебральной областях; последняя из этих чакр, самая важная, называется ушнишакамала («лотос головы») и соответствует сахасраре индуистов» [М. Элиаде, 1999]. Если не учитывать верхнюю чакру, то оставшиеся три, возможно, не случайно совпадают с тремя гуннами – луной, солнцем и огнем.

Разнообразие форм чакр соотносится с известными различиями в формах медальонов. Круг и диск могли соответствовать как солнцу, так и луне. Рогатые медальоны, вероятно, объединяли солнце и месяц. Можно предположить, что четырехугольные медальоны могли символизировать огонь (учитывая четырехугольную форму жертвенного очага). Медальоны с длинным ушком могли копировать металлические варианты с длинным ушком и вертикальной поперечиной. Эта форма, в свою очередь, близка якоревидным подвескам или лунницам. Вероятно, с самым верхним уровнем чакр связаны медальоны, изготовленные из черепной кости человека.

Медальоны распространены на огромной территории с разнообразными ландшафтными, природно-климатическими и культурно-историческими особенностями, что неизбежно предполагает различия в традиционной условной символике. К примеру, на востоке указанного региона всегда насущна проблема с водой (недостаточно водоемов и стабильного естественного увлажнения) и именно здесь постоянно встречаются медальоны, изготовленные из раковин. Вполне логичен вывод о прямой связи таких инсигний именно с категорией водной стихии. Символика чакр в деталях объясняет связь богов, солярно-лунарных образов и принципа плодородия. Те же мотивы звучат в древних гимнах Ригведы, отражающих вечные чаяния людей в приношении жертв и молитвах богам о долгой жизни, о многочисленном потомстве, об умножении стад. Эта мотивация абсолютно соответствует са크ральной сфере жизни скотоводов бронзового века евразийских степей.

По следам износа можно предположить, что большинство подвесок люди носили как медальоны на длинных или коротких шнурах. Подтвердить это сложно, так как большинство инсигний после смерти снимали с тел умерших и помещали рядом в могилах. Но следует также признать, что такой способ ношения подвесок никак не объясняет «проточку» малых отверстий.

Но, может быть, медальоны носили на жертвенных шнурах? Известны изображения ботхисаттв с амулетницами, подвешенными на таких шнурах, они надевались на левое плечо и в подмышку правой руки (рис. 11, 5). Подобные шнуры с амулетницами и другими подвесками, например, женскими украшениями «*gachhi-dolana*» доживают в индийском убранстве до XX века.

Не исключено, что в редких случаях некоторые подвески со шнурами могли остаться на умерших людях в момент захоронения⁶, например, в комплексах из Нижнего Поволжья и Предкавказья – в «Кривой Луке XI», к. 11, п. 9 (рис. 8, 4–6) и «Первой курганной группе левого берега Восточного Маныча», к. 32, п. 3 (рис. 8, 7–8). Здесь медальон с добавочными бусинами явно находился на вертикальном шнуре (рис. 8, 5), а подвеска, сделанная из черепной кости человека (рис. 8, 7) лежала на задней поверхности левого крыла таза. Все это указывает на размещение медальонов на шнуре, надетом на левое плечо под правую руку, поэтому они оказались с правой стороны от умершего человека. Вспомним, что именно справа находится канал солнца, «мужского начала». Вероятно, в ходе жертвенных обрядов молитвы возносили богам всех уровней, поднимая медальон-чакру по шнуру вверх от бога к богу. Поскольку медальонов с проточинами мало, то это, по-видимому, означает еще зачаточное состояние комплекса символики и системы чакр в бронзовом веке.

Прежде чем предположить, каким богам молились степные скотоводы в эпоху бронзы, обратимся вновь к изображениям бога Вишну и иранских царей (рис. 11, 4, 6), а именно к таким деталям, как ожерелье (или гривна), средний псевдопояс и пояс, которые явно могли соответствовать трем уровням.

В Ригведе, в гимнах, посвященных Варуне, читаем о трех петлях:

13. Ведь Шунахшепа воззвал, закованный,
К трем колодам привязанный, – к Адитье,
Чтоб освободил его царь Варуна.
Ведун, которого не обмануть, да отпустит он петли!
14. Мы смягчаем твой гнев, о Варуна,
Поклонениями, жертвами, возлияниями.
О власть имеющий Асура-провидец,
О царь, сними с нас содеянные грехи!
15. Вверх – верхнюю петлю с нас, о Варуна,
Вниз – нижнюю, посреди среднюю сними!
Тогда сможем мы, о Адитья, пребывать
В твоём завете безгрешные перед Несвязанностью!
[Ригведа, 1, 24].
20. Ты царишь надо всем,
О мудрый: над небом и землей.
Обрати слух к (моей) молитве!
21. Вверх – верхнюю отпусти нам,

⁶ Если они не находились в мешочках на поясе.

Посреди среднюю петлю расслабь,
Вниз – нижние, чтобы мы жили!

[Ригведа, 1, 25].

Здесь мы видим поразительно точное совпадение гимнов и трех элементов одеяния иранских шахов и бога Вишну. В пещерных храмах Эллы досаточно обычно изображения богов со средним псевдопоясом.

В сасанидском Иране происходит оживление архаичных верований, что, возможно, было связано с северными иранцами. В Индии, уже в государстве Гуптов, буддизм начинает отходить на второй план, возрождаются, а затем и расцветают старые религии, помимо Брахмы, на первое место выходят Вишну и Шива. Вероятно, с этим ренессансом и связано возвращение среднего псевдопояса как наиболее соответствующего прежней ритуалистике атрибута.

Три петли – символ прочной привязанности к богу, к моральным устоям. У иранских шахов это связано с хварно, символом божественности царской власти, и тремя принципами – «Благая Мысль, Благое Слово, Благое Дело». Ригведа гораздо древнее сасанидских изображений, и мы не можем быть уверены, что схему «ожерелье, средний псевдопояс и пояс» можно экстраполировать на известные материалы эпохи бронзы. Возможно, следует обратить более пристальное внимание на особенности изношенных частей некоторых медальонов. Не исключено, что со временем это поможет объяснить соединение верхнего и среднего уровня каким-либо типом медальонов или другими изделиями.

Наиболее раннее упоминание индоиранских богов Индры, Варуны, Митры и Насатьев встречено в договоре XIV века до н. э. митаннийцев-хурритов с хеттами. Со временем выяснилось, что имена божеств выступают здесь уже в заметно адаптированных языковых вариантах, а сам арийский язык к этому времени у митаннийцев был уже мертв. Проникновение носителей арийского языка должно было случиться гораздо раньше [Масон, 1999. С. 265–266].

Ж. Дюмезиль утверждал, что это индийские боги, так как они, кроме Митры, не характерны для зороастризма [Дюмезиль, 1986. С. 30]. Но ниже сам отмечает, что «Изгнанные функциональные боги Индра и Нанхайтья (Насатьи), с добавлением некоего Саурвы (Saurva), носящего то же имя, что и индийский бог Шарва (Рудра), в зороастризме Младшей Авесты включены именно в этом порядке в список шести архидемонов, смысл существования которых состоит в том, чтобы быть зеркальным противопоставлением шести “положительным” персонажам...» [Дюмезиль, 1986. С. 32]. Уже этот перечень позволяет считать, что до реформы Заратуштры у иранцев и индийцев был

схожий пантеон богов. Но закономерен вопрос – такими ли были боги степных индоиранцев? Позднее, например, у скифов эти боги не упоминаются.

Богу Варуне мы находим аналоги на соседних территориях со степью. Это Уран, очень архаичный греческий бог неба с гипертрофированными половыми функциями [Мифологический словарь., 1991. С. 563], а также славянское языческое божество Сварог – небесный кузнец, отец бога солнца Даждьбога, учредивший людям законный брак [Мифологический словарь., 1991. С. 490].

Корневая основа имени Сварог – это общеиндоевропейское «свар» (солнце). И поскольку в иранском языке индоевропейское (арийское) «s» трансформируется в «h» [Абаев, 1972. С. 28], то иранское «хвар» (бог солнца) по-видимому аналогично арийскому «свар». Это означает, что имя Сварог относится к раннему индоевропейскому времени. Если бы праславяне заимствовали это слово от иранцев, то имя звучало бы как Хварог. По меньшей мере, оно древнее скифской ономастики и может относиться к бронзовому веку.

Для нас же важны функции славянского небесного бога Сварога, аналогичные функциям арийского Варуны, что подчеркивает вероятную неразделенность многих индоевропейских начал у евразийского населения в эпоху бронзы. Представляется, что в идеологических комплексах срубной, андроновской и прочих индоевропейских культурно-исторических общностей фигурировали идентичные небесные и солнечные божества с функциями Варуны / Сварога. Можно предположить, что эти функции заключались примерно в следующем:

- небесный бог с функциями солярного божества;
- судья, хранитель религиозных и моральных устоев (функция связанности);
- ответственность за плодovitость (людей и животных).

* * *

В заключение отметим, что все археологически известные в евразийской степи медальоны связаны с солярной символикой и представлениями о различных божествах. На территории от Доно-Поволжья до Карпат, на позднем этапе бытования медальонов представлены изделия с выделенной втулкой (ступицей), что выражает их сходство с солнечным колесом. Это позволяет понимать наш предмет как моделированный в виде колеса символ чакры. Известное разнообразие форм медальонов и материалов, из которых они изготовлены (кость, рог и раковина), позволяет соотносить их с многочисленными устойчивыми инвариантами чакр, запечатленных в геометрических символах различных понятий, свойств и категорий природных стихий, растений, животных и самого человека. В целом это позволяет объединять все эти изделия под общим названием – медальон «Чакра».

Мы не знаем точно, как носили эти медальоны, постоянно и снимали только после смерти, или надевали только на время молитв и жертвоприношений. Известно, что в Иране зороастриец носил шнур как пояс, который обязан был сам развязывать и вновь завязывать каждый день всю свою жизнь во время молитвы [Бойс, 1987. С. 42]. Жертвенный шнур также, видимо, надевали только на время жертвоприношений. Вопрос в другом: где их хранили в остальное время?

Носить медальон могли на длинном шнуре, когда он фиксируется в погребении на уровне живота («Репный I», 1/7) [Рогудеев, 2004. С. 192], или на коротком, тогда медальон на уровне груди («Шаншар», 1/4) [Ткачев, Гуцалов, 2000. Рис. 7, 1, 3-5]. Это два редких комплекса в которых, как предполагается, медальоны оставались на умерших.

Исчезновение данных изделий может быть связано только с коренными изменениями в религиозной обрядности и соответствующей атрибутике.

Литература:

Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний восток и античный мир. М., 1972.

Алейников В.В. Отчет об исследовании курганного могильника «Ясеньный II» в Тарасовском районе Ростовской области в 2006 г. // Архив ГАУК РО «Донское наследие».

«Аташ Ньяиш» (молитва Огню) / М. Чистяков (комментарий) // «Митра», 2004. № 7(11).

Березуцкий В.Д., Гринева А.М. Россошанские курганы. Воронеж, 2008.

Беспалый Е.И. Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990–1991 гг. // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002.

Беспалый Е.И. Отчет о раскопках курганов в совхозе «Орошаемый» Багаевского района в 1979 г. Азов, 1980.

Бойс М. «Зороастрийцы. Верования и обычаи». М., 1987.

Братченко С.Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н. е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 2. Луганск, 2004.

Василенко А.И. Реконструкция крепления и назначения пряжек эпохи средней-поздней бронзы // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. Сборник научных статей. Луганск, 2005.

Василенко А.И. О щитковых псалях с шипами бабинской культуры // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Вишну-Пурана. СПб., 1995.

Власкин М.В. Исследование курганного могильника Мухин I в 1995, 1998 годах // Аксайские древности. Ростов-на-Дону, 2002.

Власкин М.В. Отчет об исследовании курганных могильников «Холодный Плес», «Калиновский II», «Лиховской II» в Красносулинском районе Ростовской области, в зоне строительства нефтепровода «Суходольская-Родионовская» в 2001 году. Ростов-на-Дону, 2002.

Все об Индии / сост. Г.И. Царева. М., 2003.

Всемирная история. У истоков цивилизации. Бронзовый век. М., 1999.

Гордин И.А. Отчет о спасательных археологических исследованиях курганного могильника «Родионовский II» в Родионово-Несветайском районе, курганного могильника «Русско-Прохоровский I» и поселения «Лихая II» в Красносулинском районе Ростовской области в 2001 году // Архив ГАУК РО «Донское Наследие». Ростов-на-Дону, 2002.

Гудименко И.В., Дмитриенко М.В. Спасательные археологические раскопки на поселении и могильнике Дюнное-V у станицы Старочеркасской Аксайского района Ростовской области в мае-июле 2007 года // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Азов, 2010. Вып. 24.

Гуляев В.И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. М., 2004.

Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1999. Вып. 2.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Евдокимов Г.А. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Шахров Г.И. Исследование курганной группы «Долгая Могила» у с. Терны в Приорелье // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

Кузьмин В.Н., Рогудеев В.В. Курганный могильник Другой I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Азов, 2004. Вып. 20.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Курганы у с. Рясное. Ростов-на-Дону, 1993.

Литвиненко Р.А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганск, 2004. № 2.

Литвиненко Р.О. Інгульська посткатакомбна спадщина Криму і Нижньої Наддніпрянщини // Археологический альманах. Донецк, 2011. № 25.

Магомедов Р.Г. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.

Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. STRATUM plus. Кишинев, 1999. № 2.

Мерперт Н.Я. Очерки археологии библейских стран. М., 2000.

Мифологический словарь / в 2-х томах. М., 1991.

Науменко С.А. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Красный IV» в Аксайском районе Ростовской области в 2007 году // Архив ГАУК РО «Донское Наследие». Ростов-на-Дону, 2008.

Науменко С.А. Отчет об исследовании курганов 1, 3, 4, 14 могильника «Западный II» в северо-восточной части г. Ростова-на-Дону в 2009 году // Архив ГАУК РО «Донское Наследие». Ростов-на-Дону, 2012.

Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков. СПб., 2001.

Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М., 1982.

Прокофьев Р.В. Раскопки двух курганов эпохи бронзы в Чертковском районе Ростовской области // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 2.

Рогудеев В.В. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Рогудеев В.В. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов-на-Дону, 2004.

Рогудеев В.В. Комплексы и отдельные находки XVIII–XIX веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 5.

Рогудеев В.В. Погребения эпохи поздней бронзы в верховьях р. Чир // Приложение 1 к кн.: *Шарафутдинова Э.С., Житников Г.В.* Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире. СПб., 2011.

Савва Е.Н. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1992.

Саггс Х. Вавилон и Ассирия. Быт, религия, культура. М., 2004.

Санжаров С.Н. К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материалы и следования по археологии Восточной Украины. Луганск, 2003. № 1.

Санжаров С.Н. О памятниках донецкой катакомбной культуры на территории Северо-восточного Приазовья // Бахмутський шлях. Луганськ, 1997. № 1–2.

Авалон А. Змеиная сила / Свами Пурнананда «Шат Чакра Нирупана» (приложение). Киев, 1994.

Сергеева О.В. Охранные исследования курганного могильника «Киреевка-4» в Октябрьском районе Ростовской области в 2008 году // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6.

Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю. Новые погребения энеолита-средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000.

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 6.

Щетенко А.Я. Колесницы и повозки Древней Индии // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974.

Федорова-Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныч // Древности Дона. М., 1983.

Яценко В.В. Отчет «О раскопках курганного могильника Новопалестинский II в Песчанокопском районе Ростовской области в 1999 г.» // Архив Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов-на-Дону, 2000.

Яценко В.В. Отчет «О раскопках 2-х курганов могильника Манычский I в Яшалтинском районе республика Калмыкия в 2004 г. // Архив Археологического научно-исследовательского бюро. Ростов-на-Дону, 2004.

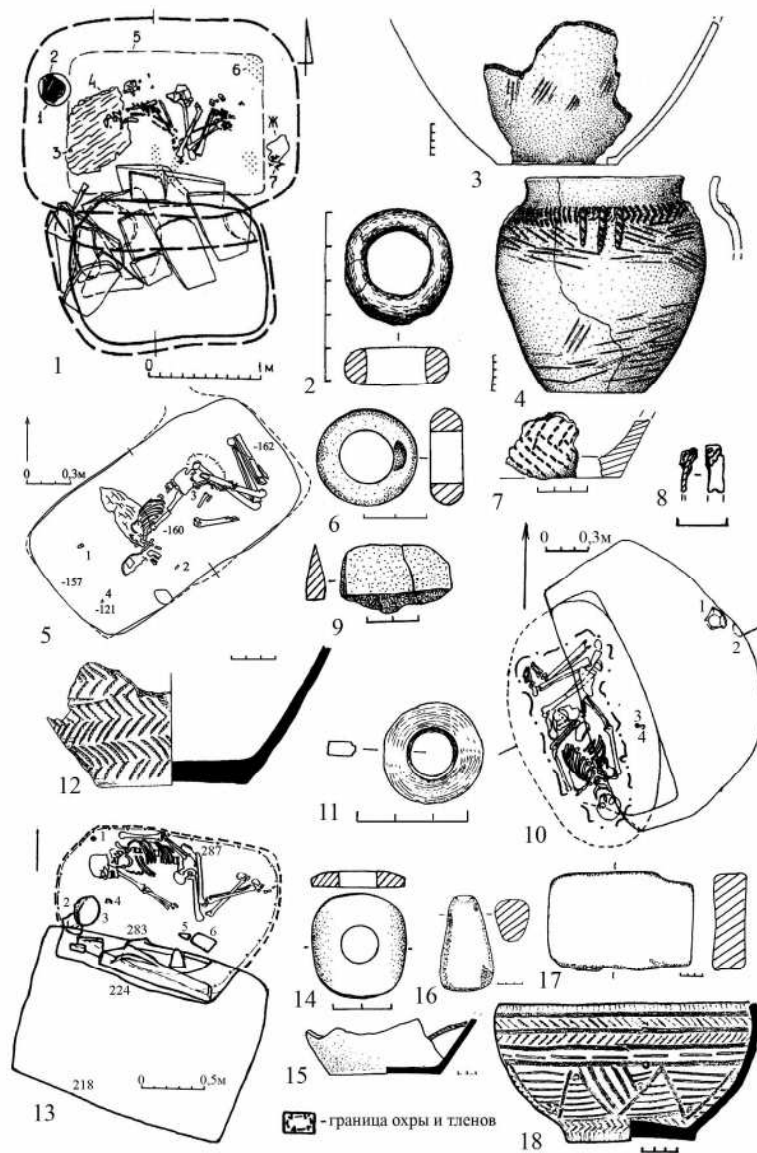

Рис. 1. 1-4 - Белояровка, к. 5, п. 11 (1 - сосуд, 2 - крышка из камня, 3 - медальон, 4 - подстилка, 5 - контур тлена, 6 - охра, 7 - угли, ж - жаровня); 5-9 - Большенаполовский, к. 1, п. 5 (1 - каменное орудие, 2 - скрепа, 3 - медальон, 4 - керамика); 10-12 - Берданосовка, к. 4, п. 17 (1 - жаровня, 2 - камень, 3 - медальон, 4 - астрагал); 13-18 - Другой I, к. 1, п. 11 (1 - медальон, 2 - жаровня, 3 - миска, 4 - комок охры, 5 - пест, 6 - терочник)

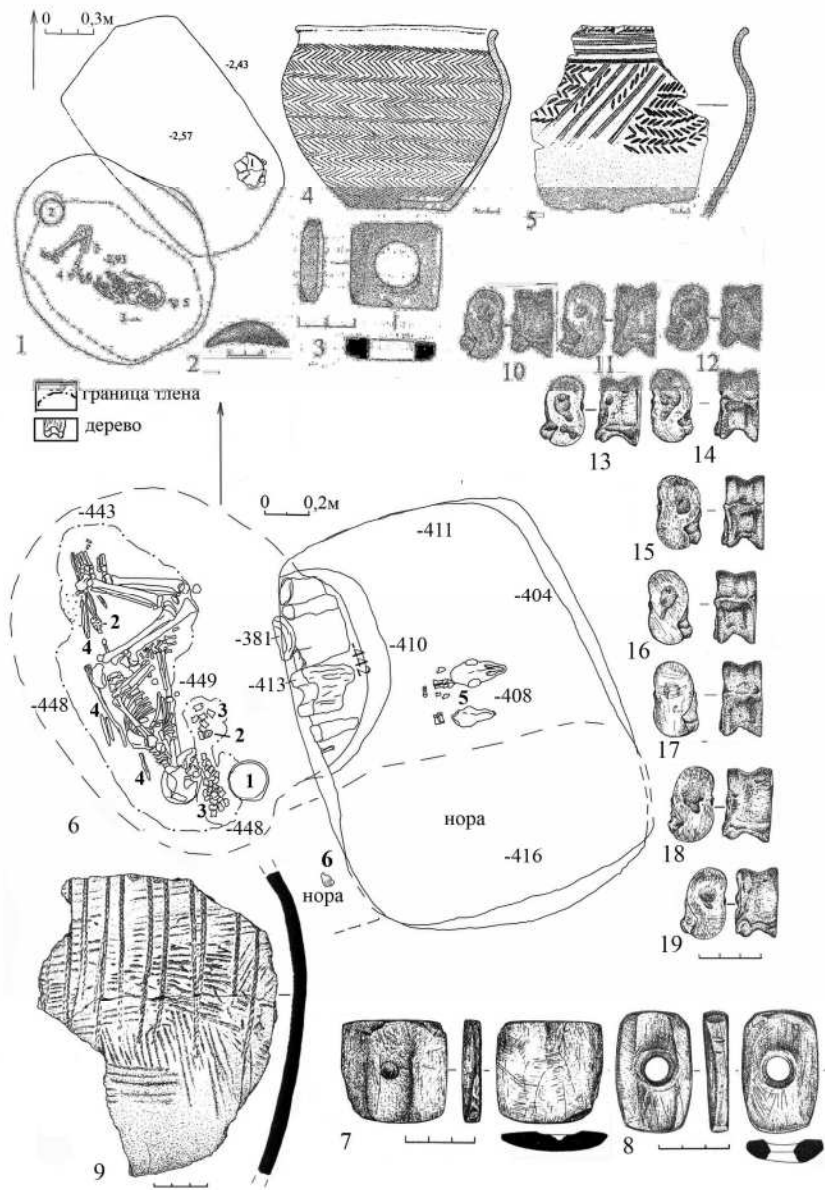

Рис. 2. 1-5 - Мокрый Волчик, к. 3 п. 2 (1 - жаровня, 2 - сосуд, 3 - клык, 4 - медальон, 5 - охра);
6-19 - Ясневый II, к. 1, п. 22 (1 - деревянная миска, 2 - комок охры, 3 - астрагалы,
4 - деревянные прутья, 5 - кости МРС, 6 - жаровня)

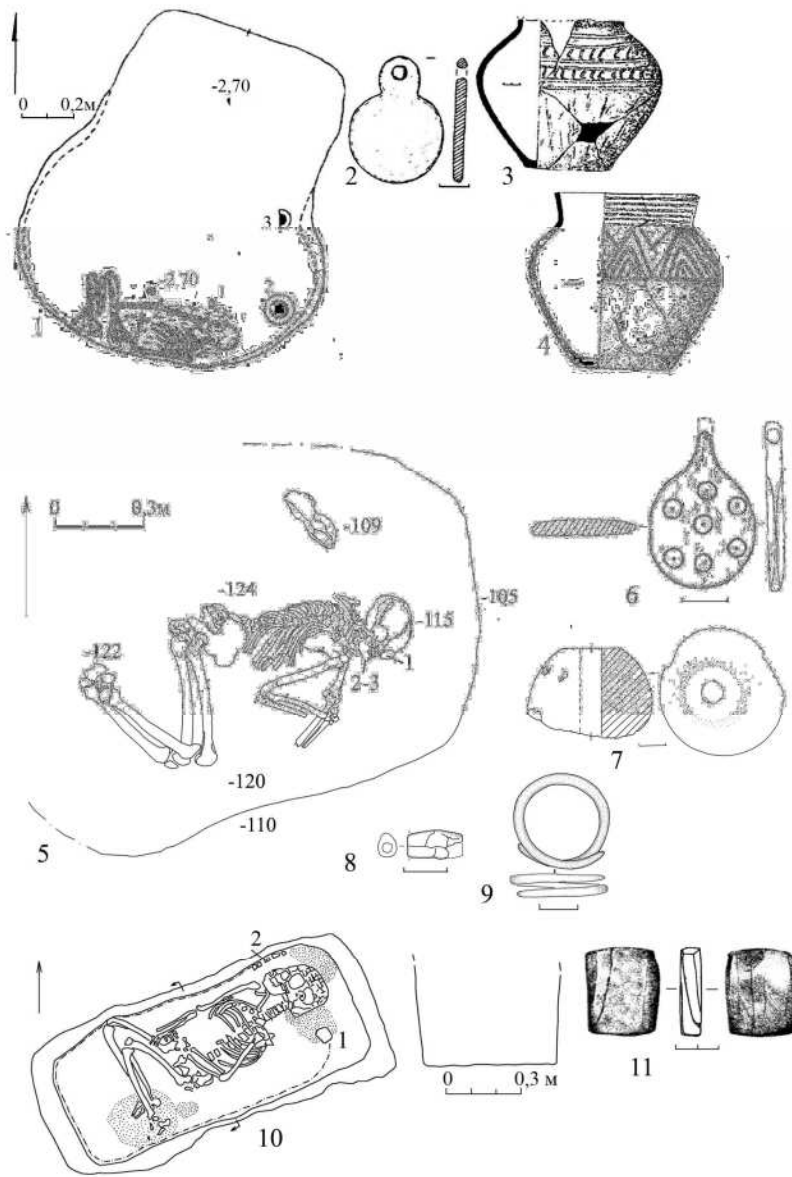

Рис. 3. 1-4 - Архиповка, к. 3, п. 4 (1 - медальон, 2 - сосуд, 3 - жаровня);
 5-9 - «I к. м. у Аксайского поворота», к. 1, п. 2 (1 - прясло, 2-3 - скопление вещей: медальон,
 бусина и подвеска); 10-11 - Киреевка 4, к. 1, п. 15 (1 - костяная пластина, 2 - кости животных)

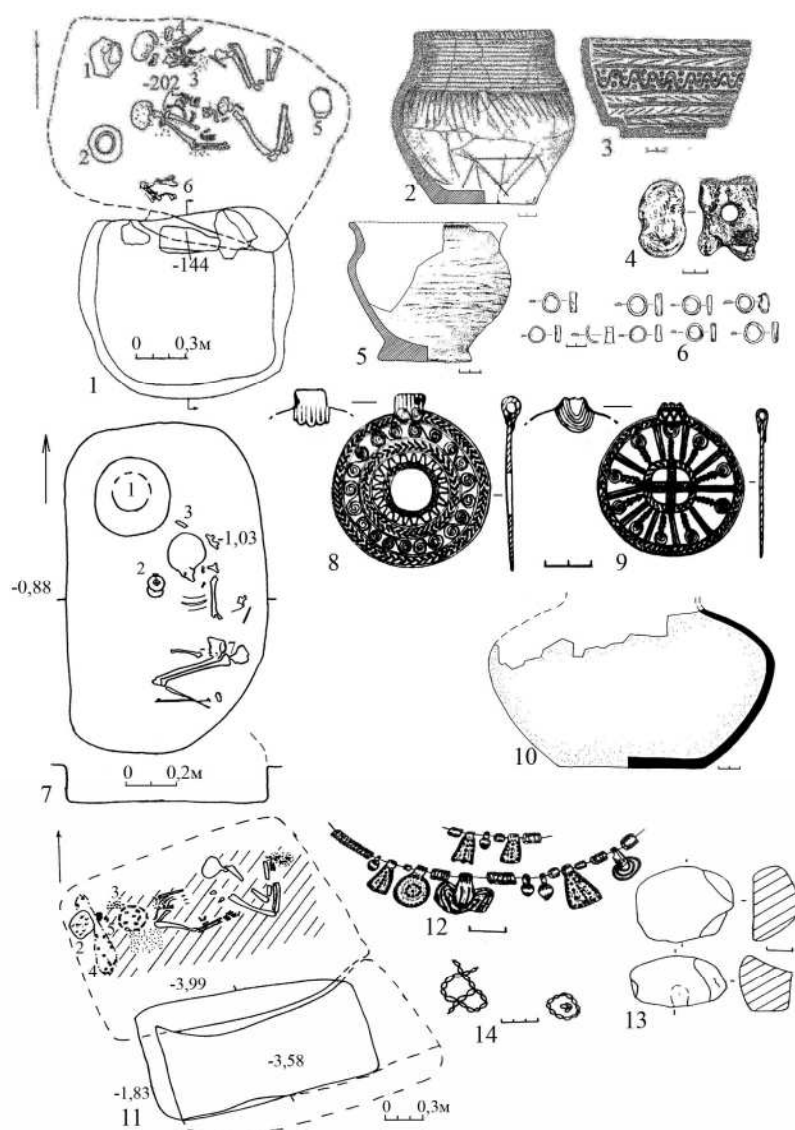

Рис. 4. 1-6 - Мухин I, к. 3, п. 3 (1-2 - сосуды, 3 - костяные кольца, 4 - астрагал, 5 - жаровня, 6 - кости животных); 7-10 - Тузлуки, к. 3, п. 6 (1 - реповидник, 2 - медальоны, 3 - кость животного); 11-14 - Рясный-I, к. 1, п. 5 (1 - роспись охрой, 2 - деревянная чаша, 3 - ожерелье, 4 - мешок с астрагалами, 5 - куски охры)

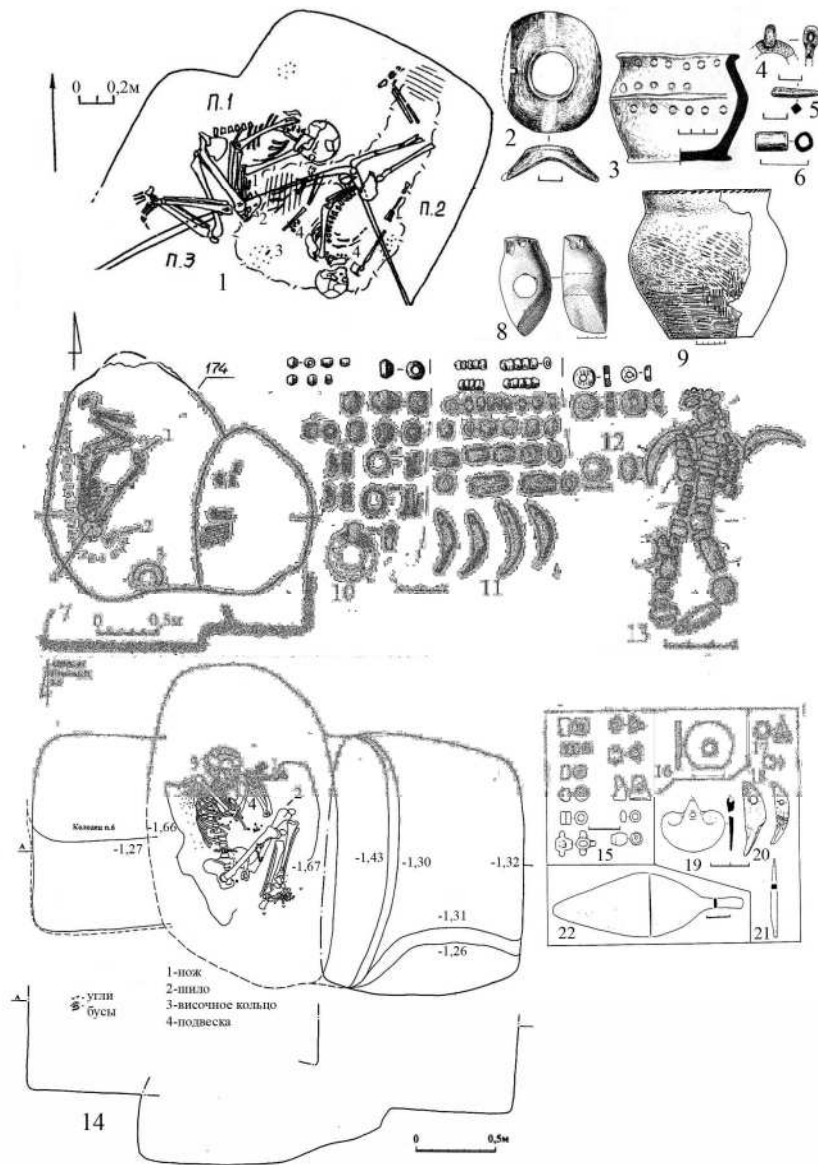

Рис. 5. 1-6 - Поповка V, к. 1, п. 1 (1 - медальон, 2 - сосуд), п. 2 (3 - шило, 4 - ожерелье) (2, 3 - п. 1; 4-6 - п. 2); 7-13 - Сватовка, к. 1, п. 2 (1 - топор, 2 - ожерелье, 3 - жаровня, 4 - подвеска); 14-22 - Новопалестинский II, к. 2, п. 5 (1 - нож, 2 - шило, 3 - височное кольцо, 4 - медальон)

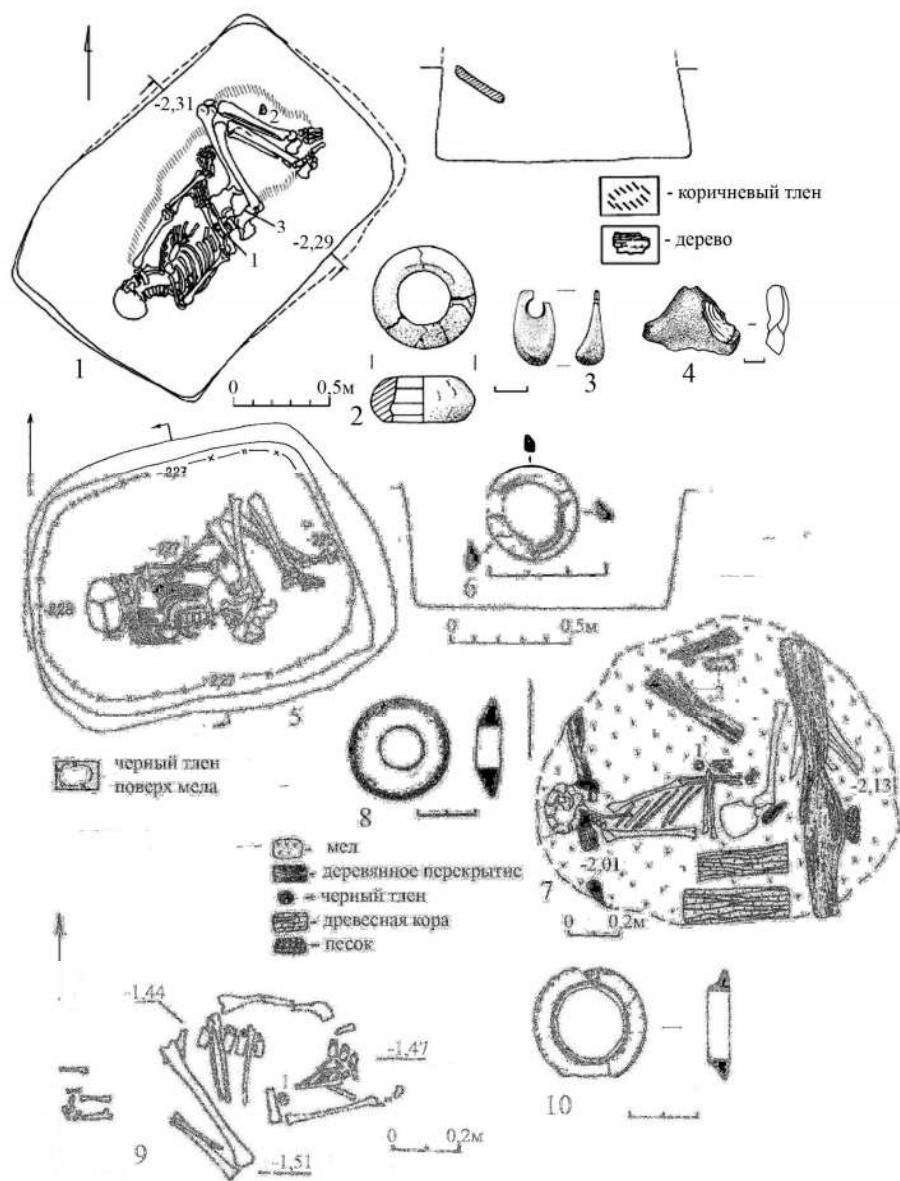

Рис. 6. 1-4 - Красный IV, к. 12, п. 7 (1 - медальон, 2 - кремь, 3 - подвеска); 5-6 - Калинов II, к. 1, п. 5 (1 - медальон); 7-8 - Родионовский II, к. 1, п. 5 (1 - медальон, 2 - медные детали предмета); 9-10 - Родионовский II, к. 1, п. 3 (1 - медальон)

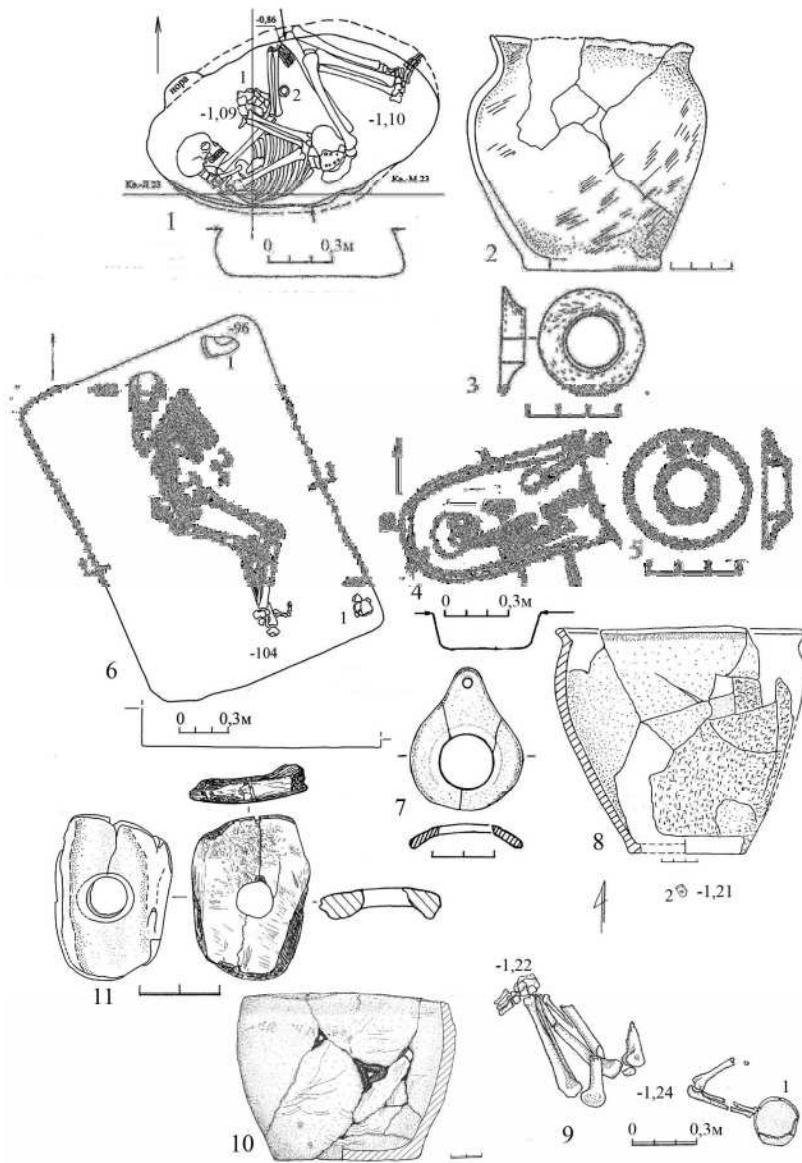

Рис. 7. 1-3 - Дюнное V, п. 15 (1 - сосуд, 2 - медальон); 4-5 - Дюнное V, п. 4 (1 - медальон);
 6-8 - Большенаполовский VIII, 1/7 (1 - сосуд, 2 - медальон);
 9-10 - Манычский I, к. 1, п. 10 (1 - сосуд, 2 - медальон)

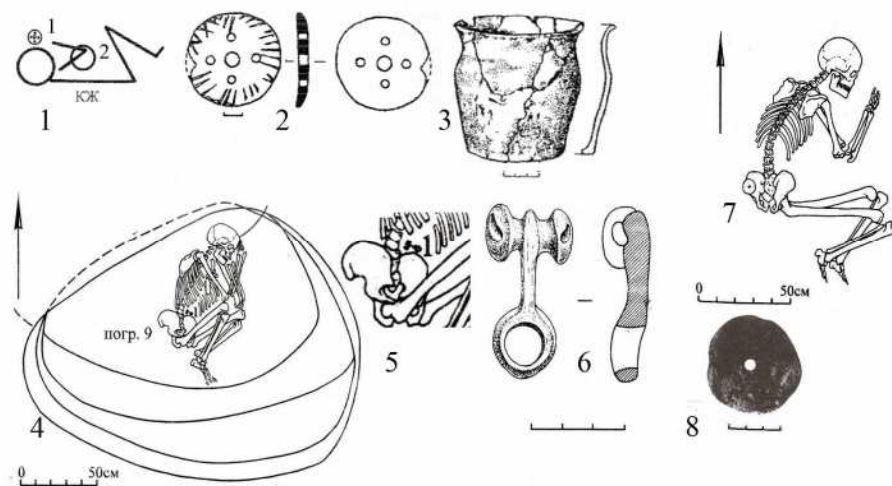

Рис. 8. 1-3 - Красное, к. 7, п. 3 (1 - медальон, 2 - сосуд);
 4-6 - Кривая Лука XI, к. 11, п. 9 (1 - медальон), 6 - деталь п. 9;
 7-8 - кург. группа I левого берега Восточного Маныча, п. 32/3 (1 - медальон)

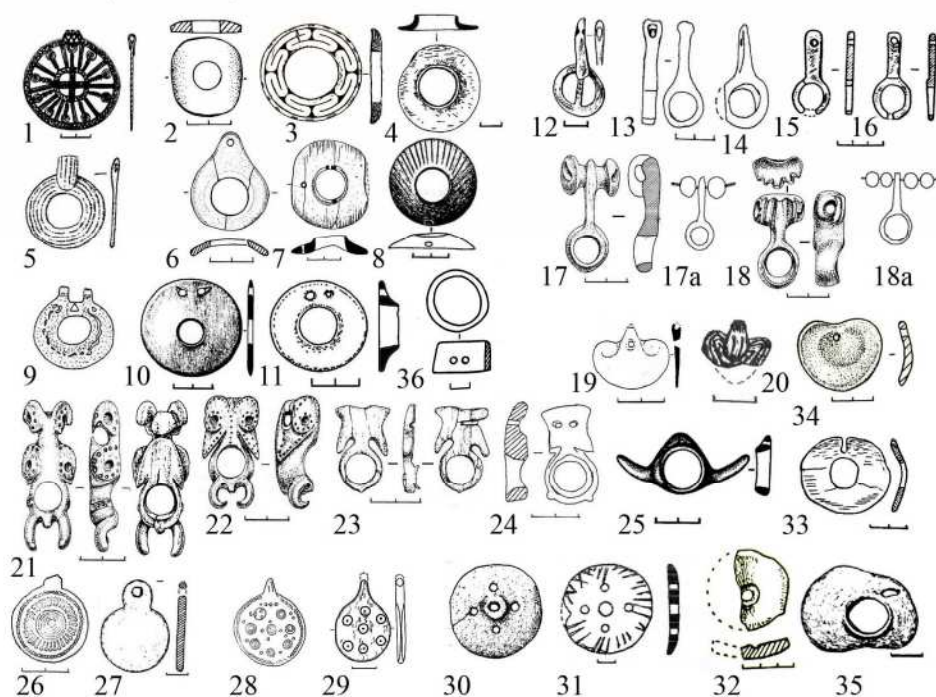

Рис. 9. 1 - Тузлуки, 2/6; 2 - Другой I, 1/11; 3 - пос. Ильичевка; 4 - Репный, 7/9;
 5 - Ковалевка, 3/1; 6 - Большенаполовский VIII, 1/7; 7 - Крутенький-I, к. 2/3, п. 11;
 8 - Петряевский, 6/1; 9 - тель Аджуль (Палестина); 10 - Покровск, 35/2; 11 - Дюнное-V, п. 4;
 12 - Гатын Кале, п. 1; 13 - Ливенцовская крепость, п. 6; 14 - Гинчи, склеп № 2;
 15-16 - Гатын Кале, п. 7; 17 - Кривая Лука XXI, 1/9, 17а - реконструкция прототипа;
 18 - Ильинский I, 1/6, 18а - реконструкция прототипа; 19 - Новопалестинский II, 2/5;
 20 - Рясный I, 1/5; 21 - Чограй VIII, 34/1; 22 - Кевюда-I, 3/5; 23 - Черноярская, 3/10;
 24 - Ирганайский, 1/1; 25 - Алексеевский-I, п. 66; 26 - Константиновское плато, 2/11;
 27 - Архиповка, 3/4; 28 - Андрюковская, к. 8; 29 - «I к. м. у Аксайского поворота», 1/2;
 30 - Тей (Румыния); 31 - Красное, 7/3; 32 - пос. Левенцовка I, слой 4; 33 - Новочеркасск,
 гр. Хохлач, 1/3; 34 - Петровское, 3/3; 35 - Царичанка, 1/4; 36 - Ясиновский, 1/6

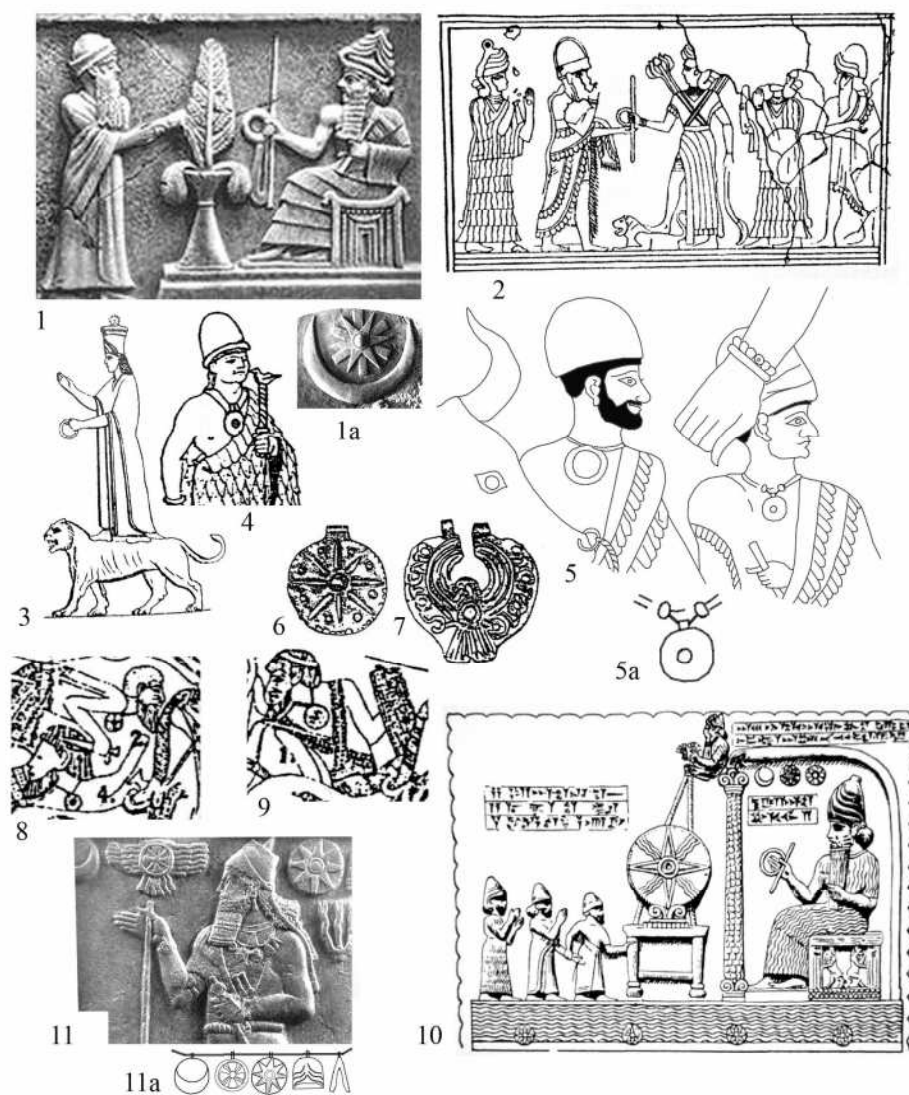

Рис. 10. 1 – стела правителя г. Ура. Ур Намму XXII в. до н. э.; 1a – деталь стелы Ур Намму; 2 – г. Мари, стенная роспись; 3 – изображение богини Иштар; 4 – г. Ур; 5 – г. Мари, стенная роспись, жертвоприношение; 6-7 – медальоны, телье Адзюль XVI в. до н. э.; 8-9 – фрагменты изображения на колеснице Тутмоса IV (XV в. до н. э.); 10 – бог Шамаш, рельеф из Абу Хабба (ок. VIII в. до н. э.); 11 – ассирийский рельеф, царь Салманасар III(?) IX в. до н. э.; 11a – прорисовка ожерелья

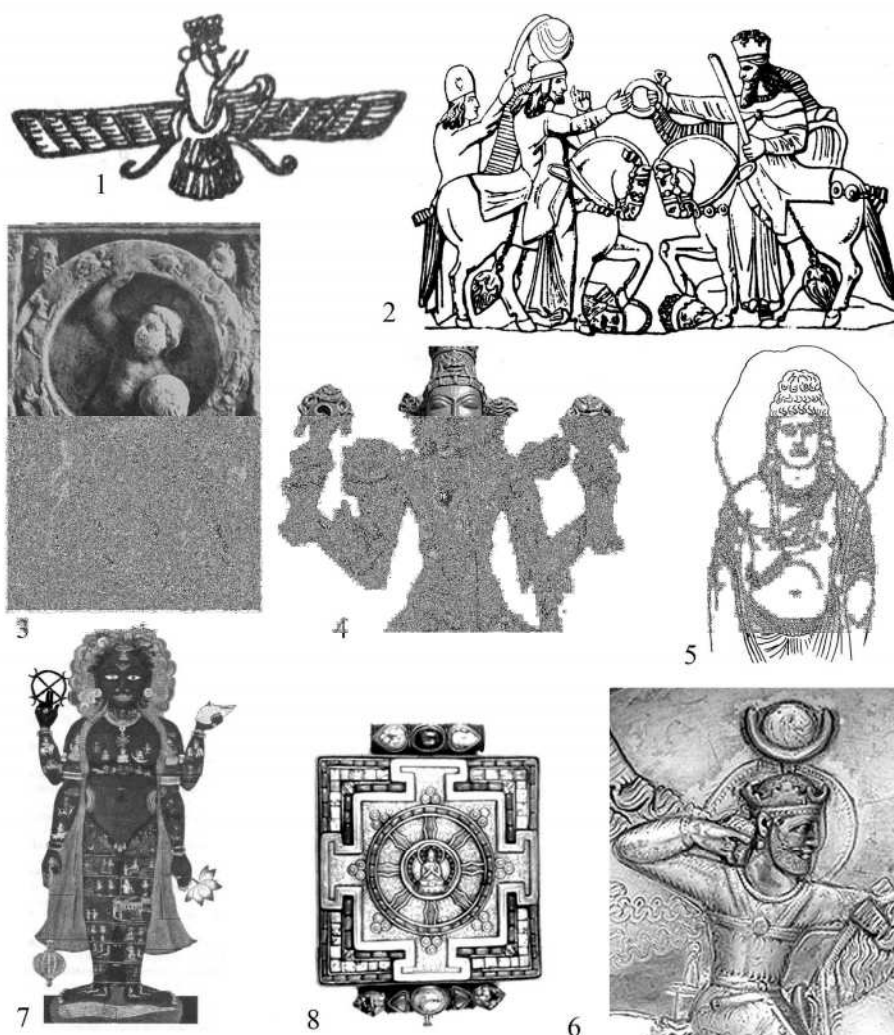

Рис. 11. 1 – изображение Ахурамазды на печати Дария I; 2 – династия Сасанидов, Ахурамазда и Арташир; 3 – бог Митра-ребенок, рельеф из храма в Трире (разрушен в 337 г.); 4 – бог Вишну, Бангладеш, ранний период; 5 – статуя богхисаттвы из Гандхары, I в.; 6 – династия Сасанидов, шах на охоте (деталь серебряного блюда); 7 – бог Вишну, Индия, XVIII в.; 8 – медальон Гау (дхармачakra)

Хреков А.А.

ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЁРЬЯ

Энеолитическая эпоха Волго-Донского лесостепного междуречья отличается от предшествующей неолитической усилением культурных контактов и связей, гораздо более пёстрой культурной картиной, которая нивелируется только на этапе перехода к ранней и средней бронзе. Для энеолитических культур Прихопёрья пока выделяется не более двух этапов – ранний [Хреков, 1996. С. 64–77] и поздний, вопрос о котором до конца не решен.

Трудность заключается в малочисленности исследованных памятников и отсутствием четких стратиграфических данных. Отличительной чертой как донских (среднедонских), так и прихоперских памятников является их многослойность, где наряду с энеолитическими материалами присутствуют в разном сочетании и количестве материалы других эпох – от неолита до славяно-русского времени.

Особое место в позднем энеолите региона занимает репинская культура и комплексы типа Алтаты-Алексеевки.

Среди наиболее репрезентативных и исследованных памятников лесостепного Прихоперья отметим поселения (стоянки) в районе села Подгорное на реке Карай Романовского района Саратовской области и села Шапкино на реке Вороне Мучкапского района Тамбовской области (рис. 1).

Многослойное поселение Разнобрычка открыто автором в 1993 г. Оно расположено в широкой пойме левого берега реки Карай, на дюне, примыкающей к западному берегу озера Разнобрычка, в 3 км к югу от села Подгорное Романовского района Саратовской области. Стационарные исследования проводились в 2004–2005, 2008 гг. [Хреков, 2004; 2005; 2008]. Двумя раскопами, в юго-западной части дюны вскрыто более 300 кв.м. Культурные напластования от 110 до 40–15 см сформировались в результате длительного обитания

древнего населения от неолита до раннего железного века, включая его поздний этап, и рассматриваются нами как серия сезонных стойбищ. Материалы репинской культуры в основном были обнаружены в раскопе I, на кратком описании которого мы остановимся.

Стратиграфически выделяются три (без учета дерна) литологических слоя: верхний – светло-серый навейный песок; средний – супесь темного цвета, нижний – сероватая слабогумусированная супесь и материк – желтоватый речной песок, нарушенный многочисленными норами грызунов. В целом, и это не раз указывалось, почвенные особенности (промываемый песок) прихоперских дюнных стоянок дают довольно однообразную литологическую картину, где стерильные прослойки трудно различимы, а строительные сооружения фиксируются в предматериковом слое или на материке.

Поздненеолитическая керамика репинской культуры большей частью зафиксирована на границе второго – третьего слоя темной и осветленной супеси, на глубине 70–100 см. Всего обнаружено 34 фрагмента (7 венчиков, 27 стенок и три неполных развала) как минимум от 15 сосудов. Вся керамика изготовлена из плотного теста с примесью толченой раковины. В отдельных случаях (рис. 2, 3) наблюдается примесь шамота и каких-то растительных добавок. Толщина стенок 0,7–1,2 см. Цвет черепков варьируется от светло-коричневого до серого с коричневатым или красноватым оттенком. Внешние и внутренние стороны покрыты крупными косовертикальными расчесами. Сосуды имели в разной степени профилированное тулово, отогнутый наружу высокий (рис. 3, 2, 7), или средней высоты (рис. 2; 3, 1; 5, 1) прямой, реже желобчатый венчик. Верхний срез венчиков мог быть плоским, округлым и приостренным. Практически все сосуды под горлом украшены пояском из ямок, один (рис. 2, 1) – «жемчужинами». Диаметр сосудов по верху от 20 до 28 см. Днища не обнаружены, хотя придонные фрагменты предполагают округлое дно.

Орнаментировались сосуды только до половины или верхней трети. В орнаментации господствуют резные и прочерченные линии, отступающие вдавления, S-видные, треугольные наколы, «личинки», оттиски тростинки (рис. 2; 3, 2–4, 7–8; 4; 5, 1–3), в меньшей степени гребенки и шнура (рис. 3, 1, 5, 8; 5, 1, 4). Большинство перечисленных элементов находились во взаимосочетании. Композиционные построения состоят из прочерченных зигзагов, треугольников, наклонных линий, заполненных или обрамленных наколами (рис. 2, 1–3; 3, 2–4, 8; 4, 1–7) и другими элементами. Один сосуд (рис. 3, 1) в верхней части украшен поясками треугольного накола, гребенчатым зигзагом, а тулово – горизонтальными рядами отступающей овальной лопаточки. Весьма выразительна средняя часть (стенка) другого сосуда, орнамент которой состоял из многорядовых коротких отрезков, обрамленных наколами

(рис. 3, 6). Не имеют аналогов репинские сосуды, поверхность которых покрыта прочерченными линиями с чередующимися зерновидными оттисками и наколами (рис. 3, 2-4; 4; 5, 2).

В целом, анализ рассматриваемой керамики, с учетом планиграфии и стратиграфии, позволяет отнести её к периоду формирования репинской культуры. Многие признаки (толстостенность, обработка поверхности расчесами, примесь раковины, наколы, личинки, зигзаг, прочерки, воротничок, высокий венчик) характерны для керамических комплексов мариупольского (нижнедонского) и среднестоговского круга памятников [Синюк, 1981. С. 8-20].

Говоря о более узкой базе формирования репинской культуры необходимо отметить участие в этом процессе традиций местной неолитической культуры или культур, проявивших себя такими признаками в орнаментации, как ряды ямок по венчику, накольчатый элемент, отступающий штамп. Такого рода доказательством является сосуд, обнаруженный в раскопе 1 на поселении Разнобрычка, около неолитического погребения [Хреков, 2014. С. 3-11]. Он имел яйцевидное тулово, средней высоты раструбный венчик (рис. 5, 5) и округлое дно. Верхний срез венчика гофрирован. Толщина стенок 0,6 см, глиняное тесто с примесью органики. Внешние и внутренние стороны обработаны расчесами. Верхняя треть сосуда украшена горизонтальными поясками отступающих наколов, выполненных лопаточкой. Под венчиком, на горле, накол чередуется с ямками, которые имеют конический профиль и негативы с внутренней стороны стенки сосуда. Все перечисленные элементы, за исключением толщины стенок, примеси раковины, характерны для посуды репинской культуры.

Особо следует отметить, что керамика репинской культуры на отдельных участках с относительно непотревоженной стратиграфией сопровождалась посудой с накольчатой и ямочно-гребенчатой орнаментацией развитого этапа, а иногда последняя перекрывала репинскую. Абсолютная хронология ямочно-гребенчатой керамики Прихоперья может быть установлена только на основе сопоставления с льяловской посудой Волго-Окского междуречья, архаичный этап которой датируется временем от рубежа V-IV тыс. до н. э. до первой четверти IV тыс. до н. э. [Энговатова, 1997. С. 120-170; она же, 1998]. Подобная датировка хорошо согласуется с сосудами второй группы ямочно-гребенчатой керамики Прихоперья [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 51-64].

В качестве «импортной», на границе 2-3 слоя, обнаружена керамика (7 венчиков, 16 стенок), по ряду признаков аналогичная Алтате (рис. 6), возможно являющаяся хронологическим репером для репинской посуды Разнобрычки. Предварительно, по верхним показателям, керамику можно разделить на два типа.

Первый представлен крупными округлобкими сосудами с резко отогнутым и хорошо выделенным желобчатым венчиком (рис. 6, 1-2). Верхний срез одного сосуда гофрирован (рис. 6, 1). Орнамент, покрывающий не только венчик, но и часть тулова, выполнен длинными, чуть наклонными оттисками зубчатого штампа, разделённого «гусеничкой» и ямчатыми вдавлениями. Другие фрагменты украшены комбинацией гребенчатого штампа, зерновидных оттисков, а также прочерков (рис. 6, 5-6). Тулово ниже наибольшего расширения не орнаментировалось (рис. 6, 4, 7). Толщина стенок 0,6-1 см. Поверхность коричневатого и серовато-коричневатого цвета со следами расчесов на внутренней и внешней стороне. Тесто рыхлое с органическими добавками и слабой примесью толченой раковины. Данный тип керамики вполне может быть сопоставлен с первой группой гребенчатых сосудов поселения типа Алтаты [Малов, 2008. С. 115, рис. 8, 13, 16-18, 20, 23-24; С. 131, рис. 24, 2-3] и Пшеничное [Юдин, 2012. С. 194, рис. 76, 1-4; С. 196, рис. 78, 1-3].

К второму типу относятся более короткие, отогнутые наружу венчики, чуть утолщенные у верхнего среза. Один из них желобчатый, другой прямой (рис. 6, 8-9). Тесто плотное, с едва уловимой примесью органики, серовато-коричневатого цвета. Орнамент состоит из прочерченных линий, мелких и более крупных наколов. Близкие по форме и орнаменту венчики менее известны из сборов у села Алмазово (рис. 10, 7, 9) и в алтатинских комплексах [Юдин, 2012. С. 189, рис. 71, 3; С. 194, рис. 76, 2].

Дополняют коллекцию крупный фрагмент стенки и венчик (рис. 6, 10-11). Оба фрагмента, вероятно, относятся к второй группе сосудов Алтаты с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем [Юдин, 2012. С. 58]. Композиционные построения и элементы орнамента, выполненные на стенке сосуда (рис. 6, 10), практически совпадают с керамикой Петропавловской стоянки [Черкасова, 1992. С. 18-22], украшенной вертикальными рядами зубчатого штампа с зоноразделителями, в нашем случае, - перевитого шнура. Венчик имеет гофрированный верх (рис. 6, 11). Орнамент выполнен наклонными рядами оттисков гребенчатого штампа, ограниченного поясками удлиненных вдавлений, или крупных разреженных наколов. Подобная керамика, хотя и отнесена к алтатинской культуре [Юдин, 2012. С. 207, рис. 89, 2], но имеет больше общего с позднеолитическими комплексами Среднего Дона.

Каменный инвентарь поселения Разнобрычка, предположительно сопутствующий репинской керамике, представлен исключительно отщеповой индустрией, в которой преобладают отщепы и сколы. Подавляющее большинство орудий изготовлено из светло-серого кварцита. Немногочисленные пластины средней величины не имеют правильной огранки (рис. 2, 4; 7, 1-3, 5, 8). На двух высоких реберчатых пластинах изготовлены перфоратор или наконечник стрелы (рис. 7, 4) и концебоковой скребок (рис. 7, 14). Самая

представительная категория орудий – резак и ножи (рис. 7, 6, 10–11, 18) на отщепках крупной и средней величины, подработанных односторонней приостряющей ретушью. Иногда у таких орудий использовался острый режущий край (рис. 7, 16, 19) со следами сработанности. Скребки представлены на отщепках с кососрезанным, овальным и округлым рабочим краем (рис. 7, 12–13, 15, 17). Резчики – угловые на отщепках (рис. 7, 9), пластине (рис. 7, 2) с боковой скобелевидной выемкой. Встречаются долота, рабочие края которых оформлены крупными двусторонними сколами, с забитым обушком (рис. 7, 20).

Сравнительный анализ кварцитового инвентаря поселения Разнобрычка находит много общего с орудиями Репинской стоянки и Алтаты, где в качестве основных заготовок использовались кварцитовые отщепы и сколы. Определенную специфику алтатинскому набору каменных орудий придают крупные ножи, ножи-скребки, резак, скребла, концевые скребки для обработки кож [Малов, 2008. С. 63–64, 68], также присутствующие на поселении Разнобрычка.

Возможно, с репинской или алтатинской керамикой связана находка плоского пряслица из стенки сосуда, покрытого косовертикальными расчесами (рис. 6, 12).

Позднеэнеолитическая керамика трех культурных групп, в том числе и репинской, обнаружена на многослойном поселении Подгорное 1, расположенном в пойме левого берега р. Карай, в 0,5 км к северу от села Подгорное Романовского района Саратовской области (Хреков, 1992 г.). Памятник занимает песчаную дюну, вытянутую с севера на юг более чем на 800 м, шириной 730 м. Со всех сторон дюна окружена многочисленными старицами, озерами и болотами. Практически вся территория памятника занята взрослыми сосновыми посадками. Вскрытая площадь составляет 72 кв. м. Мощность культурного слоя 90–110 см. Он состоит из дерна, светло-серого навейного песка, темной супеси, осветленной супеси и материка – желтого речного песка. Все находки концентрировались в слоях темной и осветленной супеси.

К основанию темного слоя и слоя осветленной супеси приурочена неолитическая керамика. Более верхнее стратиграфическое положение занимали комплексы средней, поздней бронзы, раннего железного века, позднеархаического времени и средневековья.

Первая группа – посуда репинской культуры, как минимум восемь сосудов, представлена – тремя неполными развалами (рис. 8, 1–2; 9, 1), крупным фрагментом днища (рис. 9, 2), тремя венчиками (рис. 10, 1–2, 8) и стенками. Реконструированные сосуды разделены на два типа. Первый – крупные округлобокие сосуды с резко отогнутым и хорошо выделенным желобчатым венчиком, отделенным от тулова пояском ямок (рис. 8, 1–2; 10, 1) или жемчу-

жин (рис. 10, 2). В глиняном тесте отмечены примеси органики и шамота. Внешняя поверхность имеет серый и коричневатый цвет и зачастую покрыта глубокими расчесами. Толщина стенок 1,1 см. Орнамент выполнен короткими оттисками гребенчатого штампа, треугольными и спаренными наколами, ямчатыми вдавлениями, прочерченными линиями, в одном случае перевитой верёвочкой. Композиционные построения состоят из заполненных наколами треугольников, многорядовых горизонтальных и наклонных оттисков. Судя по двум сосудам и днищу (рис. 8, 1-2; 9, 2), орнамент мог опускаться ниже наибольшего расширения тулова, а также украшать верхний срез и внутреннюю часть венчиков.

Ко второму типу относится единственный сосуд яйцевидной формы со стянутым внутрь невыделенным верхом (рис. 9, 1). Глиняное тесто содержало обильную примесь раковины. Поверхность заглажена расчесами. Верхняя половина тулова и венчик украшены насечками, пояском ямок, чуть ниже – глубокими резными линиями в виде паркета. Яйцевидная форма сосуда указывает на принадлежность сосуда к второму (ямно-репинскому) периоду репинской культуры. В целом, посуда поселений Разнобрычки и Подгорного по большинству показателей (неолитоидные элементы орнамента, форма сосудов, композиционные построения, поясок ямок, редко жемчужин) характеризуют ранний этап репинской культуры. Примесь шамота и органики в глиняном тесте керамики Подгорного, видимо, является местной спецификой, или более поздним хронологическим показателем.

Вычленение каменных орудий энеолитического времени усложняется их перемешанностью с изделиями других культур, но в целом характеризуется кремневой и кварцевой отщеповой индустрией.

Кроме керамики репинской культуры в нижней части культурного слоя обнаружены позднеэнеолитические материалы иного культурного облика. Условно они выделены во вторую и третью группы.

Вторая группа керамики своеобразна, но по ряду признаков близка алтатинскому типу. Это венчики и стенки примерно от десяти сосудов. Вся керамика коричневого и серого цвета, содержит примесь толченой раковины в тесте глины, поверхность некоторых фрагментов заглажена расчесами. Пока можно реконструировать только верхнюю треть форм некоторых сосудов от среза венчика до плечиков. По верхним показателям керамика представлена округлобокими и прямостенными сосудами. Округлобокие сосуды имеют желобчатый, отогнутый наружу венчик средней высоты, иногда с воротничковым утолщением (рис. 10, 3-5). Венчики прямостенных сосудов, помимо воротничка, могут быть грибовидно утолщенными или приостренными (рис. 10, 6, 8; 11, 1-2, 11-12). Орнамент выполнен гребенчатым штампом, перевитой верёвочкой, скобковидными наколами, личинками, ямчатыми и дру-

гими вдавлениями (рис. 10, 3–6; 11, 1–13). Общим признаком для керамики является сочетание элементов орнамента, как степного (наколы) характера, так и более северного (гребенка) лесостепного. Черты позднего лесостепного неолита фиксируются в появлении таких орнаментальных композиций как наклонные ряды гребенчатого штампа, разделенные различного рода вдавлениями; косая сетка, личинки (рис. 11, 3–10, 13). Близкая картина, при всей самобытности, наблюдается при сравнении с алтатинскими орнаментальными композициями [Юдин, 2008, С. 189, рис. 71, 2, 5, 8, 10–13; С. 192, рис. 74, 9–12]. То же самое относится к форме венчиков. Вряд ли перечисленные признаки можно отнести к чисто стадиальным проявлениям, поэтому в качестве рабочей гипотезы границы алтатинского круга памятников можно расширить до лесостепного Прихоперья. Пока алтатинская культура характеризуется преимущественно стоянками левобережных степных районов Заволжья и Волго-Уральского междуречья, хотя отдельные фрагменты и комплексы известны в Саратовском Правобережье [Малов, 2008. С. 64], в том числе и на поселениях, которые И.Б. Васильев определил как «Алексеевский тип» [Васильев, 1981. С. 44–50].

Керамика и набор орудий, близкий, но не тождественный алтатинским древностям, известны на территории Верхнего Посурья. То есть, при ряде совпадающих признаков, налицо и местное своеобразие сурских памятников алтатинского облика. На исследованных поселениях Старая Яксарка [Зимина, 1980. С. 58–61], Русское Труево [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 138–154] керамический комплекс немногочисленен и невыразителен. В нем нет характерных алтатинских форм и орнаментов, а в тесте глины вместо примеси толченой раковины отмечена растительная примесь. Заметна разница при сравнении каменных орудий [Юдин, 2012. С. 81–82]. Такие памятники, где число интегрирующих признаков не столь велико, и охватывают они сравнительно узкие хронологические интервалы, М.Б. Шукин называл неустоявшимися или несостоявшимися археологическими культурами [Шукин, 1986. С. 26]. В какой-то степени это относится и к алтатинской культуре в целом.

Керамика третьей группы имеет характерный облик, позволяющий отнести ее к особому типу памятников, по ряду параметров близкому Алексеевскому.

В основном это мелкие фрагменты (64 экземпляра), не дающие полного представления о форме сосудов (рис. 12). Несколько венчиков (рис. 12, 1–2, 10) и днище (рис. 12, 7) указывают, что это были слабопрофилированные, или прямостенные сосуды с округлым дном. Срезы венчиков приострены, скошены, иногда с наплывом. Керамика изготовлена из глины, перенасыщенной ракушечной примесью. Обжиг слабый, тесто рыхлое, слоится, внешняя и внутренняя поверхность покрыта расчесами. Цвет черепков коричневый.

Толщина стенок 0,4–0,6 см. Разреженный орнамент, видимо, покрывал лишь часть тулова. Ведущим элементом являются оттиски различных гребенчатых штампов: среднего, мелкозубчатого, пунктирного, короткого (рис. 12, 1, 5, 8–12), в отдельных случаях разделенного неглубокими ямками и скобкой. Заметную роль играют поверхностные и подпрямоугольные вдавления (рис. 12, 2–4, 6–7). Композиционные построения довольно просты – горизонтальные и наклонные ряды оттисков различных штампов, иногда сгруппированных в елочку или покрывающие поверхность без всякой системы.

Еще одна группа интересующих нас памятников нео-энеолитического времени расположена в пойме левого берега реки Вороны, в окрестностях села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (рис. 1) – Шапкино I (дюна 4), Шапкино IV, Шапкино VI.

Поселение Шапкино I (дюна 4) исследовалось автором в 1981–1984 гг. Вскрытая площадь составляет около 1000 кв. м. Культурный слой до 60 см содержал комплексы от неолита до раннего железного века. Нео-энеолитическая керамика, в том числе и репинская, концентрировалась в основании культурного слоя, на глубине 40–60 см.

Посуда репинской культуры (4 венчика, около 10 стенок) отражает первый и второй этапы в ее развитии. Первый этап представлен высоким желобчатым венчиком (рис. 15, 4), украшенным оттисками мелкого гребенчатого штампа, сгруппированного в горизонтальную елочку, а переход к тулову ограничен многорядовыми прочерченными линиями. В глиняном тесте обильная примесь раковины. Поверхность заглажена расчесами. Ямки в основании венчика отсутствуют. Эти признаки соответствуют среднестоговской посуде, или проторепинской, на что неоднократно указывал А.Т. Синюк [Синюк, 1981. С. 16, рис. 6].

К второму этапу, ямно-репинскому, относятся профилированные сосуды (рис. 15, 1–3) с невысокими, в той или иной степени отогнутыми венчиками, на шейках которых нанесены ряды ямок. Орнамент в виде изогнутых насечек, мелкого гребенчатого штампа, «личинок» украшает только верхнюю часть тулова. Тесто довольно плотное с примесью органических добавок.

Особый интерес представляет керамика, отнесенная к позднему энеолиту. Раннее она была выделена в отдельный тип и опубликована [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 131–138], поэтому рассмотрим её в самых общих чертах. Культуроопределяющими признаками этой посуды, обнаруженной на поселениях Подгорное (рис. 12, 1–12), Рассказань III (рис. 13, 1–4; 14, 1–6), Инясево (рис. 14, 7–15), Шапкино I (дюна 4) (рис. 16; 17, 1–5, 8, 10), Шапкино IV, Шапкино VI (рис. 20; 21; 22), являются тонкостенность, преобладание органических примесей, реже раковины, в глиняном тесте, сосуды прямостенной и

слабопрофилированной формы, венчики с Т-образными и Г-образными утолщениями в верхней части, расчески на внешней и внутренней поверхности, композиционные построения, несложный орнамент, состоящий из разнообразных оттисков зубчатого и гребенчатого штампа, при незначительной доле накольчатых и ямчатых вдавлений, еще реже перевитой веревочки. Достоверные материалы, позволяющие синхронизировать выделенный комплекс с поздней накольчатой [Крижевская, 1983. С. 85, рис. 2, 11, 13. С. 88], ямочно-гребенчатой керамикой [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 53, рис. 22, 1], получен на поселении Шапкино I (дона 4). Условия залегания (развалы перечисленных сосудов находились в радиусе 1,5–2 м на одном уровне) исключают возможность механического смешивания и свидетельствуют о сосуществовании как минимум трех культурных групп. Здесь же был обнаружен фрагмент воротничкового венчика (рис. 17, 6), а в соседних квадратах еще один фрагмент мариупольского облика (рис. 17, 7).

Вышеописанная керамика весьма своеобразна. Полных аналогий ее признакам среди опубликованных материалов подобрать не удалось, хотя по набору таких элементов, как наличие венчиков с грибовидным утолщением, штриховой зачистки поверхностей, по ряду общих композиций орнамента, выполненного гребенчатым штампом, керамика типа Шапкино сближается с посудой Алексеевской стоянки. Но между ними имеется ряд существенных различий. Для Алексеевской керамики характерны желобчатые, загнутые внутрь венчики, широкое использование веревочки, примесь раковины [Васильев, 1981, табл. 25; 28]. Отдельные признаки желобчатых венчиков эпизодически встречаются и на шапкинской керамике (рис. 14, 9; 21, 6), но они не имеют массового характера.

На поселении Шапкино VI основное количество керамики подобного облика залегало выше мариупольской, что показывает ее наиболее поздний возраст, а по отношению к ямочно-гребенчатой практически на одном уровне [Хреков, Юдин, 2003. С. 30, табл. 1]. Если рассматривать только орнамент, без остальных признаков, круг аналогий значительно расширяется за счет материалов Примокшанья [Выборнов, Королёв, Ставицкий, 2006. С. 116–117, рис. 5–8] среднего Поволжья [Халиков, 1969. С. 91, рис. 23], степного Заволжья [Юдин, 2012. С. 189, рис. 71, 8, 10–13]. Наряду с другими элементами – короткий и пунктирный штамп, ямочные вдавления, скобка – известны в неолите Подоонья [Синюк, Клоков, 2000. С. 22, рис. 12; С. 39, рис. 24] и Прихоперья [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 28, рис. 11, 2, 13; С. 35, рис. 16]. Есть они на керамике среднестоговского, проторепинского и репинского типа [Синюк, Клоков, 2000. С. 72–74, рис. 51–54]. Общие черты наблюдаются с посудой волосовских древностей [Королёв, Ставицкий, 2006. С. 36–60], хотя и здесь нет полного совпадения. На керамике типа Шапкино нет рамчатого штампа, компози-

ционные построения более просты, доминирует примесь органики, посуда более тонкостенная по сравнению с волосовской. Ранее предполагалось, что шапкинская керамика относится ко времени формирования среднестоговских древностей, а именно к тому периоду их развития, когда еще не была выработана типично стоговская форма сосудов с сильно отогнутым наружу венчиком [Ставицкий, Хреков, 2003. С. 138].

Действительно, форма сосудов, яйцевидная, прямостенная, слабопрофилированная, с округлым или приостренным дном, разнообразным оформлением верха (рис. 13, 1–3; 14, 8–9; 16, 1–3, 5, 7), предполагает более широкую базу формирования шапкинского комплекса, не исключая поздненеолитические группы населения и параллельного сосуществования с ними. Основная территория локализации выделяемого типа – лесостепное Прихоперье вплоть до Саратовского Правобережья, где алексеевская керамика, вероятно, свидетельствует о продолжении шапкинских традиций. До конца не ясно пока и хронологическое соотношение двух керамических групп: предположительно их одновременное существование, в результате которого появились гибридные формы. Широкие культурные контакты прослеживаются с населением алтатинской культуры (желобчатые и Т-образные венчики, штриховая зачистка поверхности, гребенчатый штамп, личинки), отдельные элементы которой фиксируются в Прихоперье. Это дает основание рассматривать европейскую лесостепь как зону активных интеграционных процессов энеолитических племен, особенно на последнем этапе энеолита. На данном этапе исследования решение культурогенеза и хронологии памятников типа Шапкино зависит от появления чистых комплексов с соответствующим набором каменного инвентаря, радиоуглеродных дат или четко стратифицированных объектов.

Кроме того, на поселении Шапкино VI встречена керамика, ранее отнесенная к ямно-репинскому типу (рис. 18, 1–4; 19, 1–4). Количество ее невелико, но заслуживает отдельного упоминания. Венчики сосудов почти прямые или немного отогнуты наружу, довольно массивные, от тулова отделены пояском крупных ямок. Тесто глины рыхлое, включает примесь растительности, редких зерен шамота и охры. Цвет черепков коричневый и светло-коричневый. Стенки сосудов покрыты поясками ямчатых вдавлений, оттисков в виде подковки, скобки и ложного перевитого шнура. Орнамент наносился и с внутренней стороны венчика (рис. 18, 3; 19, 2–3). Отсутствие жемчужин, неолитоидные элементы орнамента, в целом, позволяют отнести эти сосуды к концу первого или началу второго этапа репинской культуры.

Довольно ранний, проторепинской, облик имеет развал сосуда, обнаруженный на поселении Шапкино IV [Хреков, 1986]. Сосуд имел профилированное тулово, средней высоты венчик, чуть утолщенный в верхней части (рис. 19, 6). Стенки украшены поясками ямчатых вдавлений, ограниченных

снизу зигзагом. Глиняное тесто содержало обильную примесь органики. Обжиг слабый, отчего черепок рыхлый и слоится. Удалось проследить, что развал сосуда и сопутствующие ему воротничковые венчики мариупольского облика [Хреков, 1996. С. 74, рис. 5, 4–6] сопровождалась орудиями из кварцита и более мягких пород камня. Так, рядом с сосудом находились кварцитовый наконечник дротика и наконечник стрелы с небольшой выемкой в основании (рис. 19, 5, 7), которым можно найти широкий круг аналогий среди памятников позднего энеолита.

Проблемой, усложняющей разработку типологии керамики раннего этапа репинской культуры, как и любой другой, является её структурная неоднородность. Известно, что в период формирования и на ранних этапах развития культура представлена множеством слабо дифференцированных типов, которые составлены из небольшого числа артефактов. На последующих стадиях положение меняется, и культура образует структуру с немногочисленными, но репрезентативными, признаками. Для определения хронологического соотношения такого рода сочетаний весьма интересными оказались материалы стоянки Университетская 3, где репинские сосуды сопоставляются по уровню залегания. Статистико-стратиграфические данные стоянки позволили выделить два хронологических этапа репинской культуры [Синюк, 1999. С. 33]. Для первого этапа характерны круглодонные сосуды с ракушечной примесью в тесте, с резко выделенным желобчатым венчиком, с господством в орнаментации оттисков мелкой гребёнки, составленных в горизонтальные пояски, с рядами ямок по венчику, с присутствием прочерченного элемента, отступающего штампа и мотива горизонтального зигзага. По сумме основных признаков такая посуда выделена на поселении Разнобрычка, Шапкино IV. К концу первого этапа, видимо, относится репинская керамика поселения Подгорного, возможно, Шапкино VI. Второй хронологический этап характеризуется признаками деградации, появлением у сосудов невысокого, иногда слабопрофилированного венчика, баночных форм, снижением роли ракушечной примеси, преобладанием в украшении шнуrowого элемента и жемчужин. Пока к этому этапу можно отнести посуду ямно-репинского типа поселения Шапкино I (дона 4).

Формирование репинской культуры, как считают исследователи, протекало в пределах конца первого (дошнурового) периода стреднестоговской культуры на территории Среднего Дона, к тому же в известной изоляции [Васильев, Синюк, 1985. С. 51–52], но не исключалось, что этот процесс мог развиваться и более широко, с подключением сопредельных территорий [Синюк, 1981. С. 14], а по нашему мнению и в Прихоперье. Затем репинская культура, первоначально локализованная в лесостепной и прилегающей к ней степной части бассейна Среднего Дона, послужила основным компонентом в

сложении ямной культуры. Иными словами, первоначальный этап ямной культуры есть не что иное, как распространение репинской культуры в степные районы. Этот процесс носил характер колонизации с основанием многочисленных поселений и стоянок на Нижнем Дону, Нижнем Днепре, Среднем и Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии [Трифонов, 1996. С. 3–5].

Исследования последних десятилетий, увеличение источниковедческой базы, ее анализ и осмысление в историческом аспекте, на наш взгляд, не решились, а напротив, еще более обнажили существующие противоречия. Актуальной остается датировка репинской культуры, как и ее статус в системе культур энеолита-бронзы лесостепи и степи Волго-Донского междуречья [Барынкин, 2000. С. 38–41; Иванова, 2006. С. 203–208]. Первоначально ее ранний этап был отнесен к среднему и позднему энеолиту [Синюк, 1981. С. 8–19; Барынкин, 1986. С. 80–94]. С накоплением новых материалов на сопредельных территориях репинскую культуру исключают из разряда энеолитических [Моргунова, 2011. С. 134], что оправдано именно для периферийных памятников, где керамические комплексы больше отвечают второму этапу развития репинской культуры [Барынкин, 1986. С. 84–93, рис. 4–12; Гей, 1983. С. 18–19], или вообще далеки от нее [Моргунова, 2011. С. 155–156, рис. 99–100]. Видимо, не случайно самые ранние даты репинской керамики зафиксированы на поселении Репин Хутор – ВС 3710–3520; 3960–3770 [Моргунова, 2011. С. 157]. Интересные данные по керамике и почве с поселений Кызыл-Хак I–II ямно-репинского облика получены в Северном Прикаспии. Диапазон вероятности 68,2% определяется в пределах 3750–3000 гг. до н. э. [Кузнецов, Ковалюх, 2008. С. 194–199]. К финальному периоду В II – началу С I трипольской культуры В.А. Трифонов относит появление ранних репинских памятников на Среднем Дону в рамках 3700–3500 гг. до н. э. [Трифонов, 2001. С. 79]. В какой-то степени, это согласуется с развёрнутыми построениями А.Т. Синюка и автора данной статьи о том, что раннее ядро репинской культуры формировалось на территории Среднего Дона, включая памятники лесостепного Прихопёрья, и, учитывая современные калиброванные даты и разработки, их следует отнести к позднему энеолиту, а не к ранней бронзе. В Правобережье Волги репинские памятники и отдельные находки керамики исчисляются пока единицами [Миронов, 2000. С. 16–17; Малов, 2008. С. 59].

Таким образом, в результате изучения энеолитических памятников лесостепного Прихопёрья наметилось выделение специфического культурного микрорайона, который обладает выраженным своеобразием и собственными закономерностями развития. Это делает перспективным дальнейшее изучение региона в плане синхронизации и уточнения относительной хронологии нео-энеолитических культур на границе степи и лесостепи.

Литература:

Барынкин П.П. Кызыл-Хак – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.

Барынкин П.П. К проблеме определения значения комплекса Репин Хутор // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицина. Саратов, 2000.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Гей А.Н. Самсоновское поселение // Древности Дона. М., 1983.

Зимина Н.П. Стоянка Старая Яксарка // КСИА. М., 1980. Вып. 161.

Иванова С.В. О концепции восточного происхождения ямной культурно-исторической общности // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4.

Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.

Крижевская Л.Я. Курочкино 3 – новый памятник каменного века в восточноевропейском лесостепье // КСИА. М., 1983. Вып. 173.

Кузнецов П.Ф., Ковалюх Н.Н. Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Миронов В.Г. Редкий тип жилища бронзы в Саратовском Правобережье Волги // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.

Синюк А.Т. Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1990.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкого озера. Липецк, 2000.

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья. Саратов, 2003.

Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей Восточно-

европейского бронзового века: Материалы международной научной конференции. Волгоград, 1996.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология, периодизация. Самара, 2001.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1986 год по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и с. Ключи Балашовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. 1986.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея у села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и села Подгорное Романовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. 1992.

Хреков А.А. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 3.

Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2004 год по раскопкам многослойной стоянки Разнобрычка у с. Подгорное Романовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. 2004.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2005 год по раскопкам многослойной стоянки Разнобрычка у с. Подгорное Романовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. 2005.

Хреков А.А. Неолитическое погребение на стоянке Разнобрычка в лесостепном Прихоперье // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2014. Вып. 12.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 2008 год по раскопкам многослойной стоянки Разнобрычка у с. Подгорное Романовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. 2014.

Черкасова Е.В. Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп; причины и история образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Энговатова А.В. Керамические комплексы льяловской культуры
// Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья
// Тверский археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3.

Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, 2012.

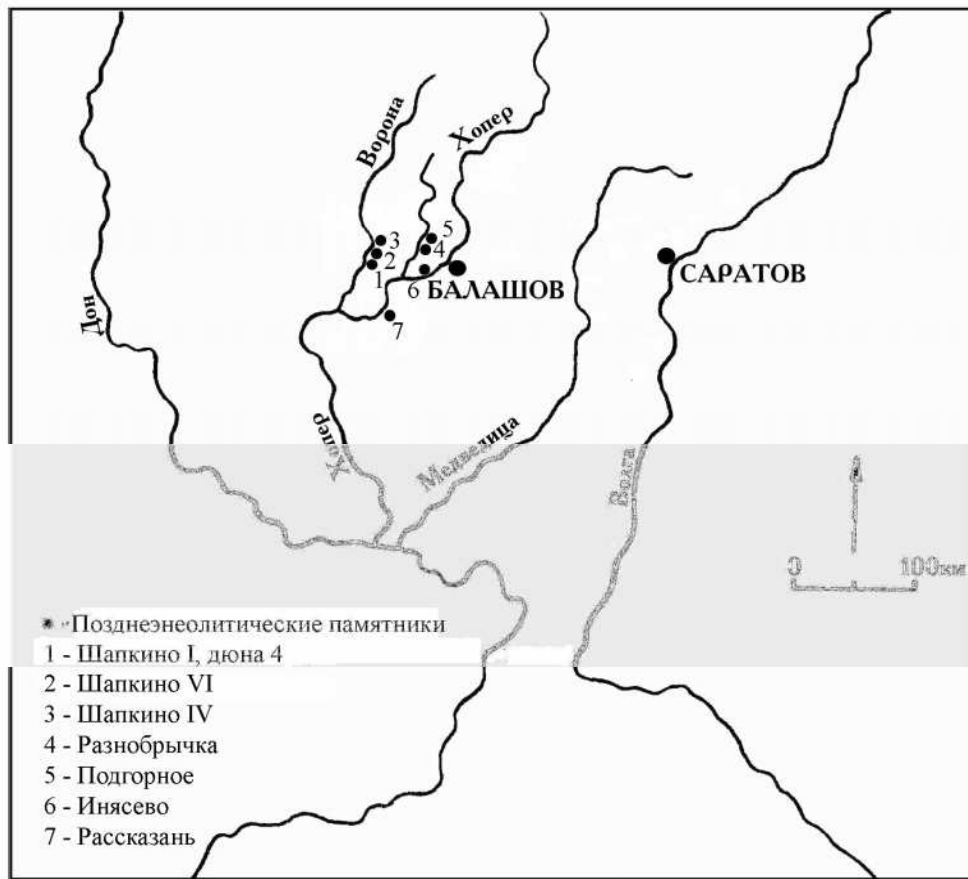

Рис. 1. Поздненеолитические памятники лесостепного Прихопёрья

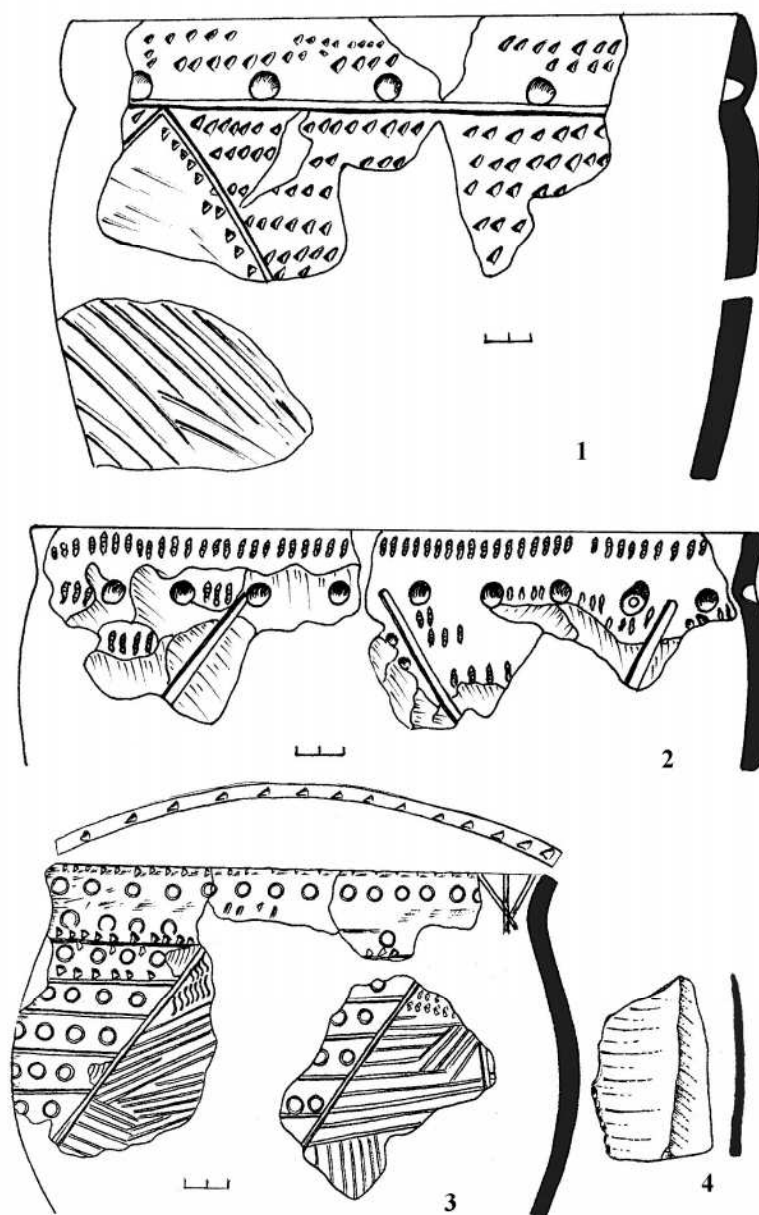

Рис. 2. Разнобрычка. Керамика репинской культуры 1-3; кварцитовая пластина - 4

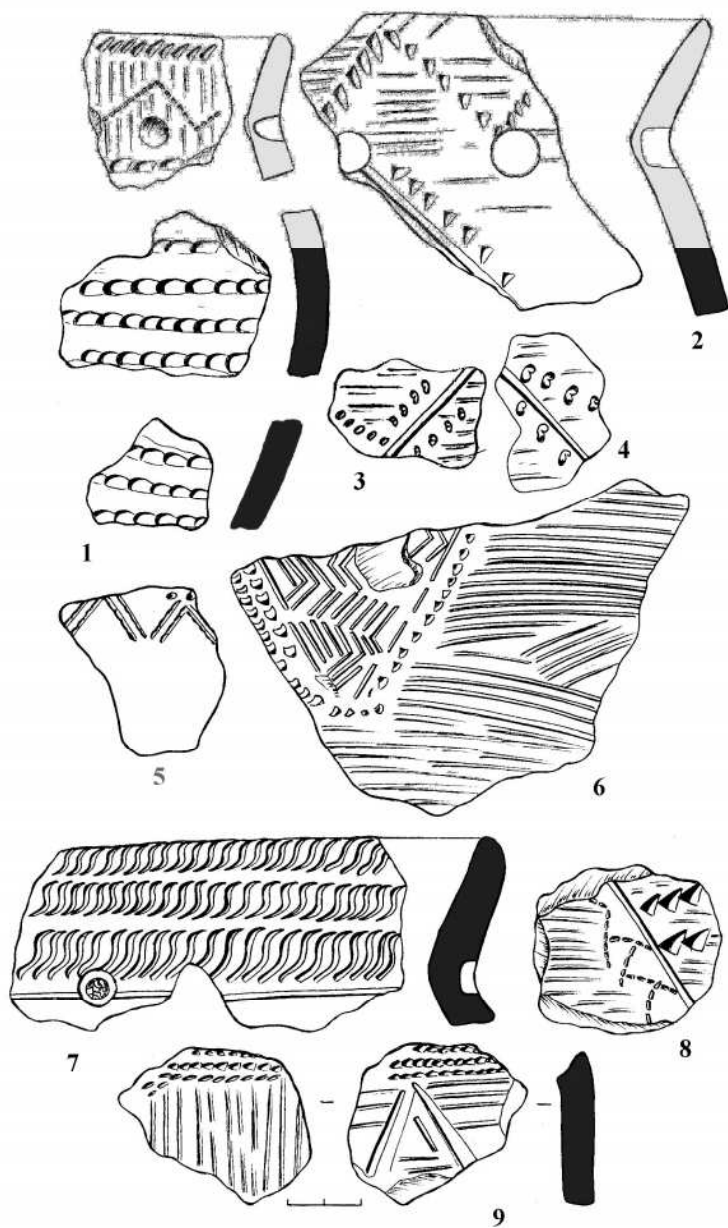

Рис. 3. Разнобрычка. Керамика репинской культуры - 1-9

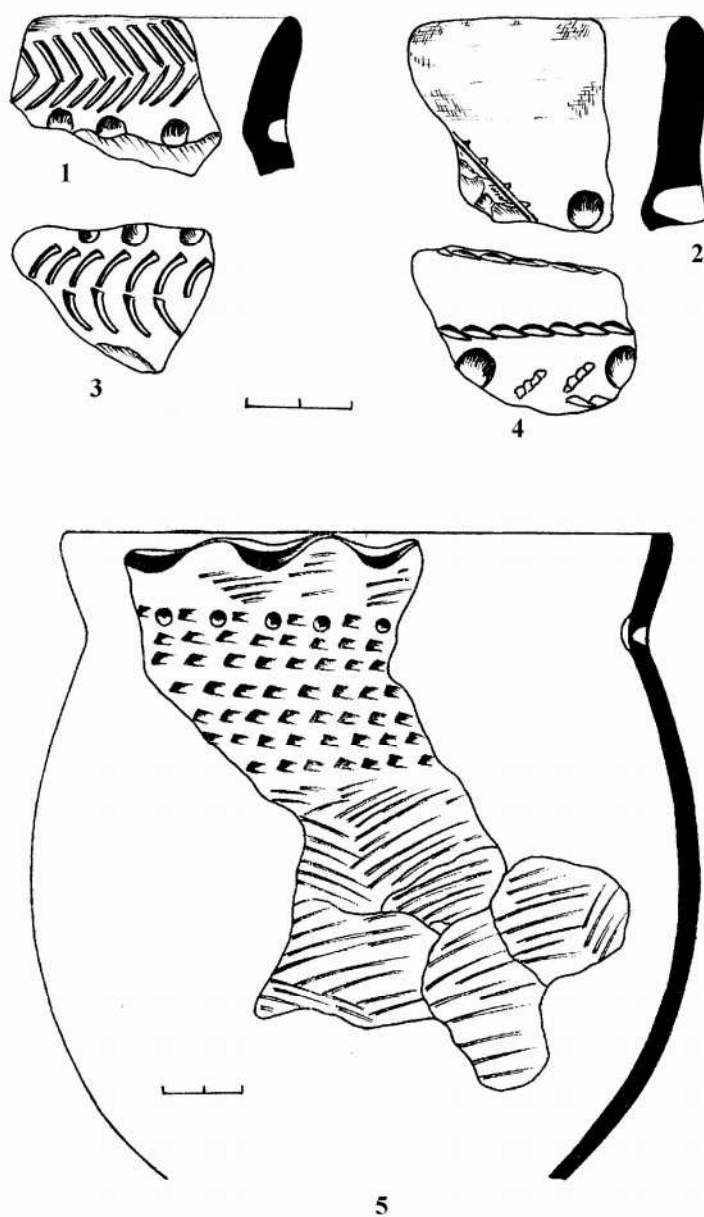

Рис. 4. Разнобрычка. Керамика репинской культуры - 1-4; неолитический сосуд - 5

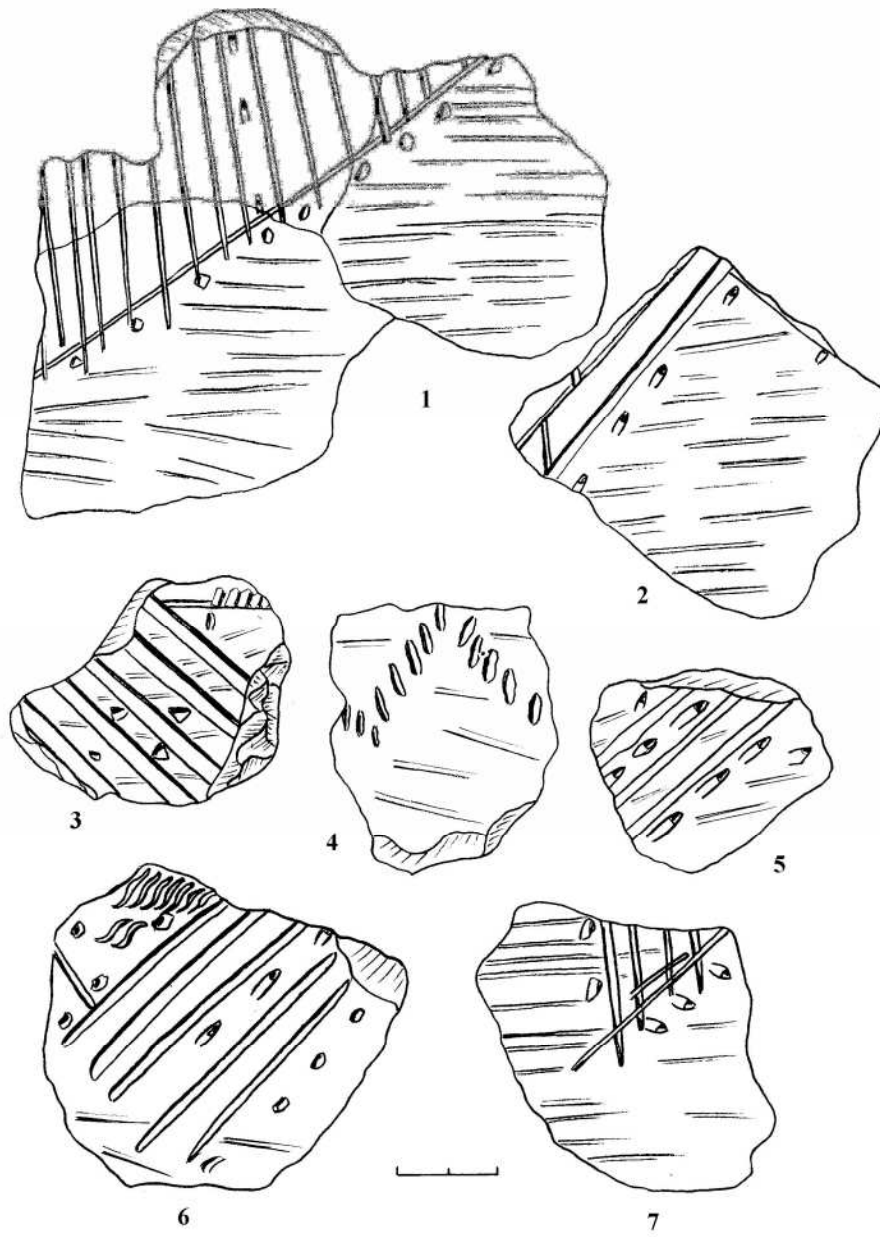

Рис. 5. Разнобрычка Керамика репинской культуры - 1-7

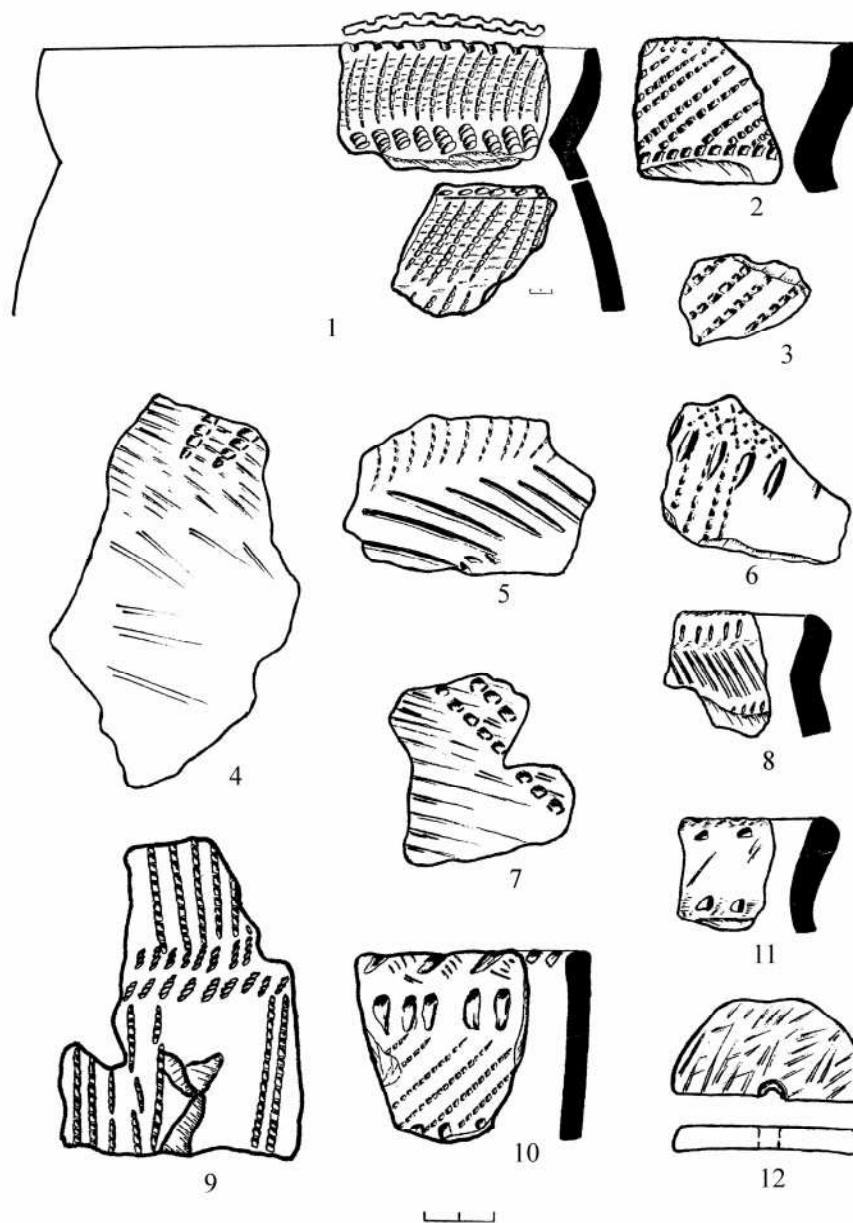

Рис. 6. Разнобрычка. Позднеэнеолитическая керамика 1-11; фрагмент пряслица - 12

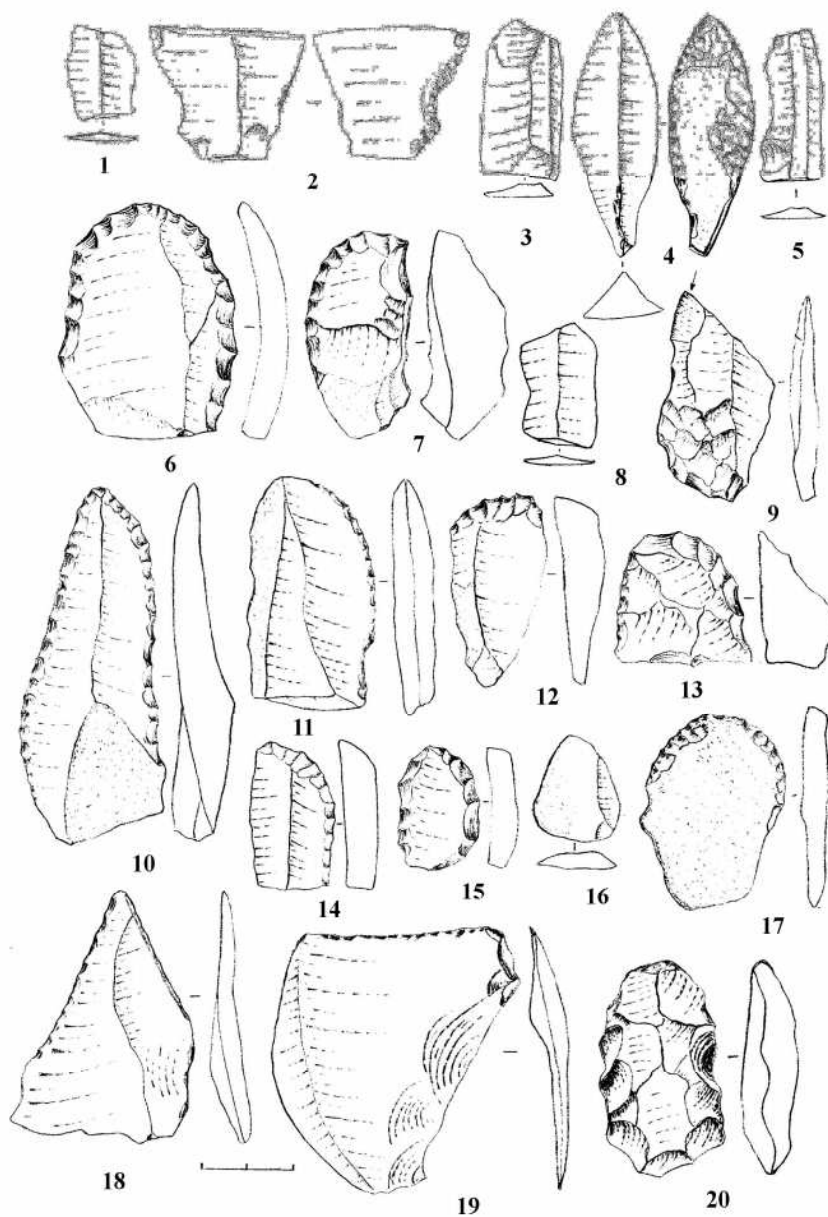

Рис. 7. Разнобрычка. Изделия из кварцита 1-20

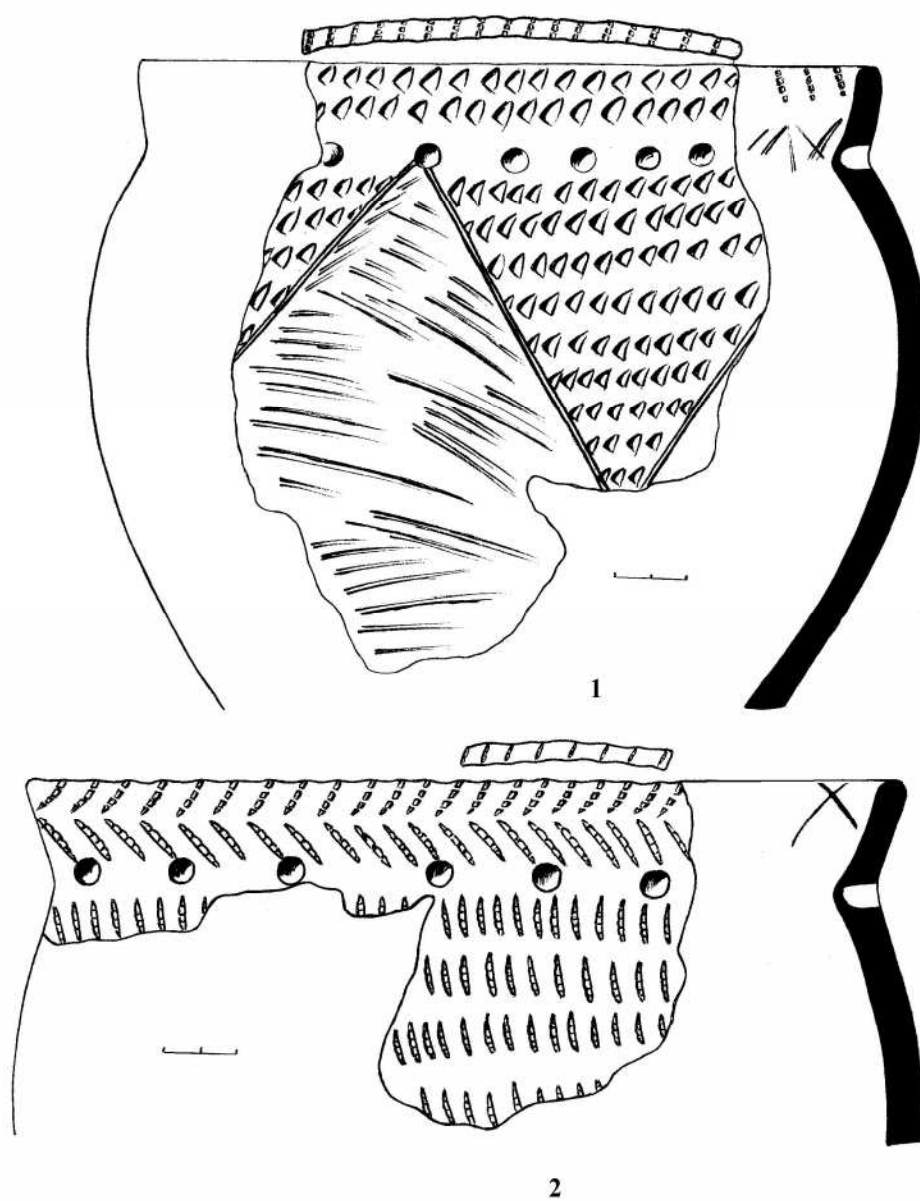

Рис. 8. Подгорное. Керамика репинской культуры 1-2

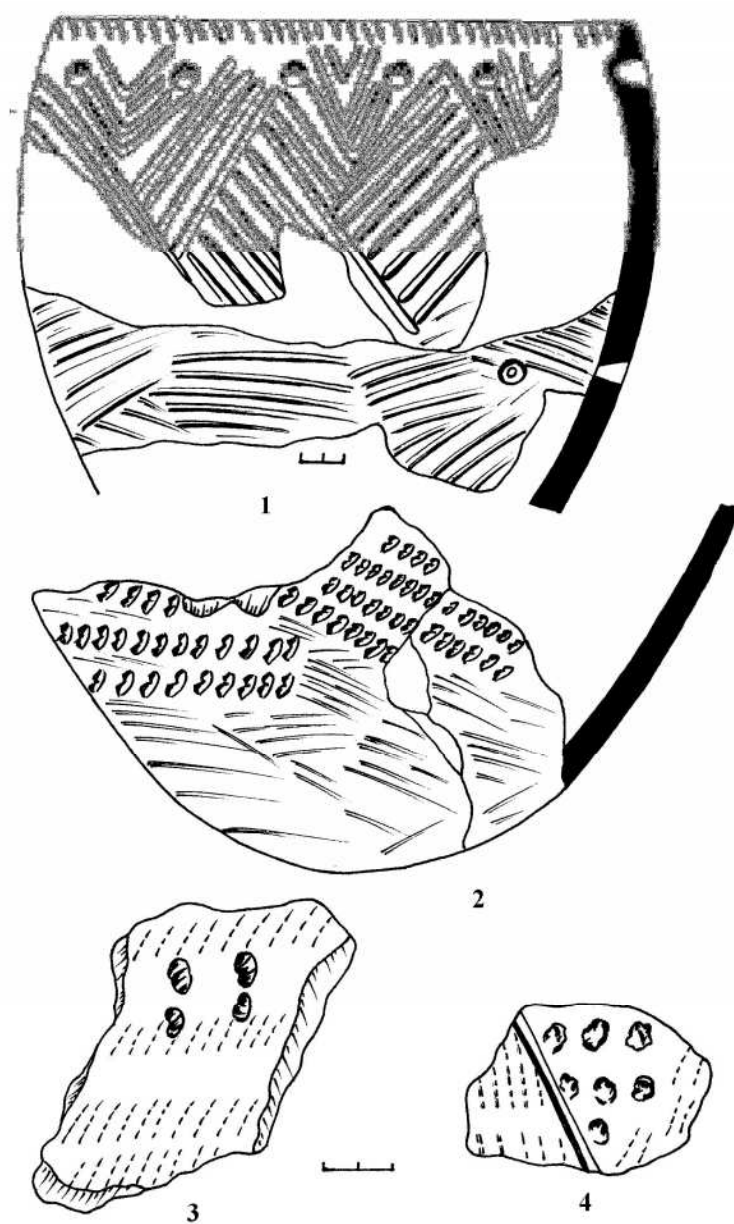

Рис. 9. Подгорное. Керамика репинской культуры 1-4

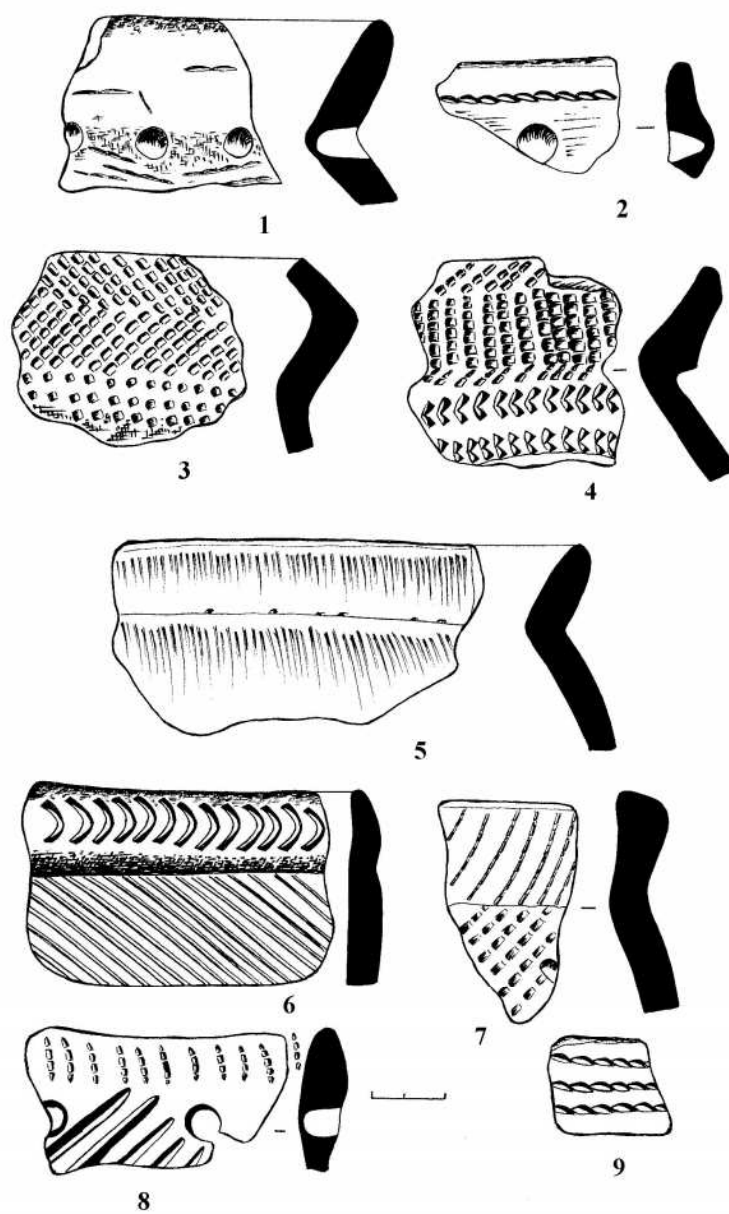

Рис. 10. Подгорное. Керамика репинской культуры - 1-2, 8;
позднеэнеолитическая керамика - 3-7, 9

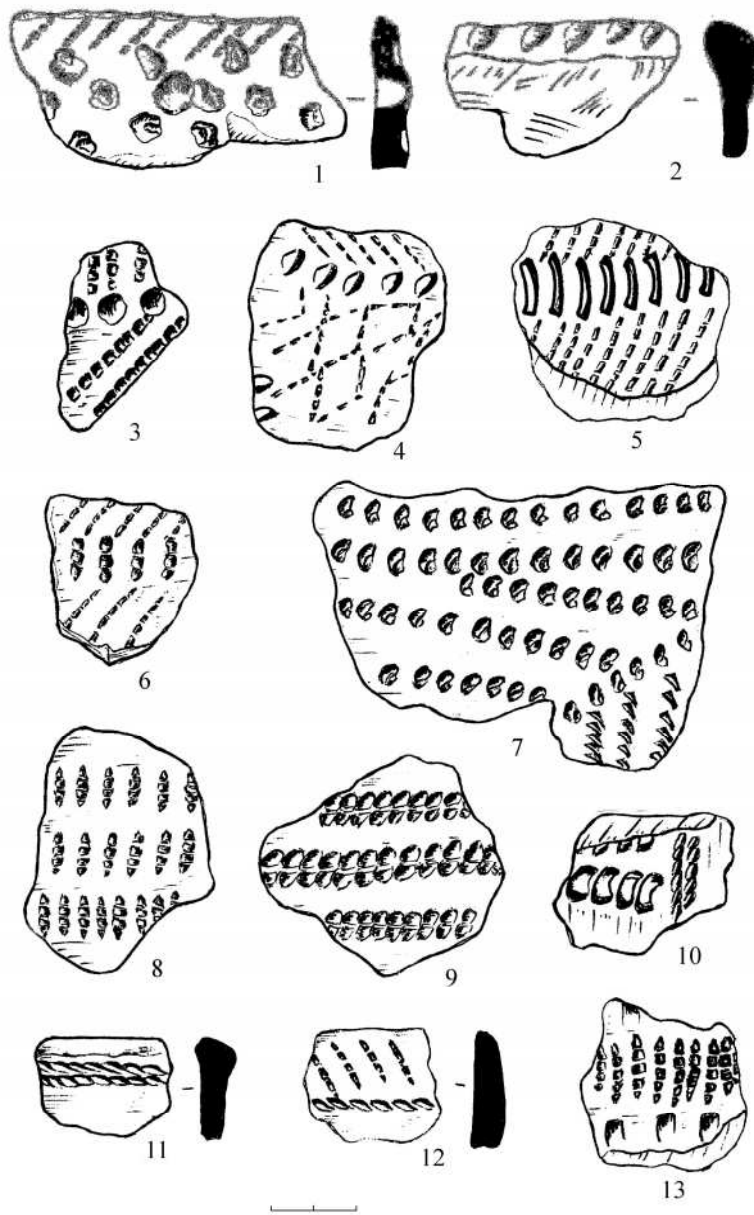

Рис. 11. Подгорное. Позднеэнеолитическая керамика 1-13

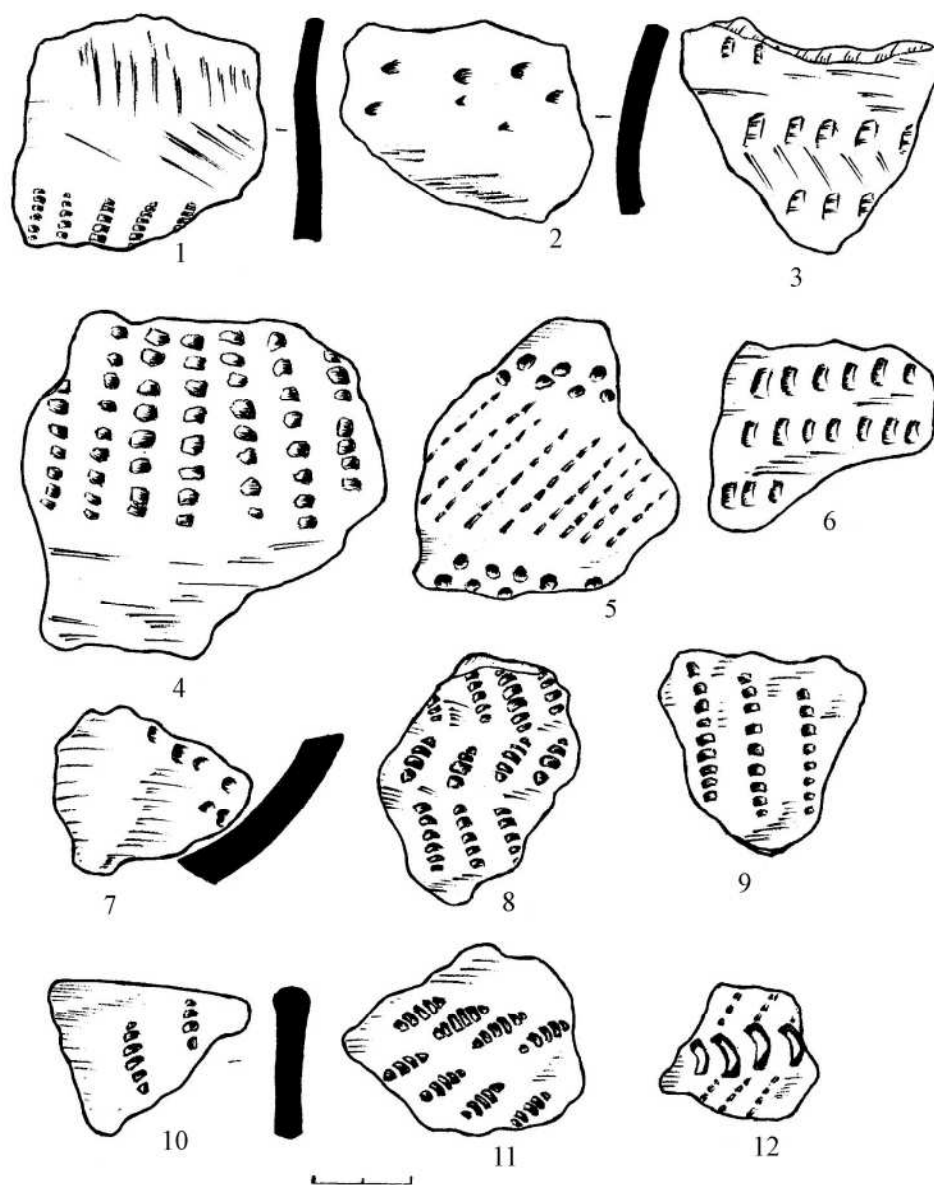

Рис. 12. Подгорное. Позднеэнеолитическая керамика 1-12

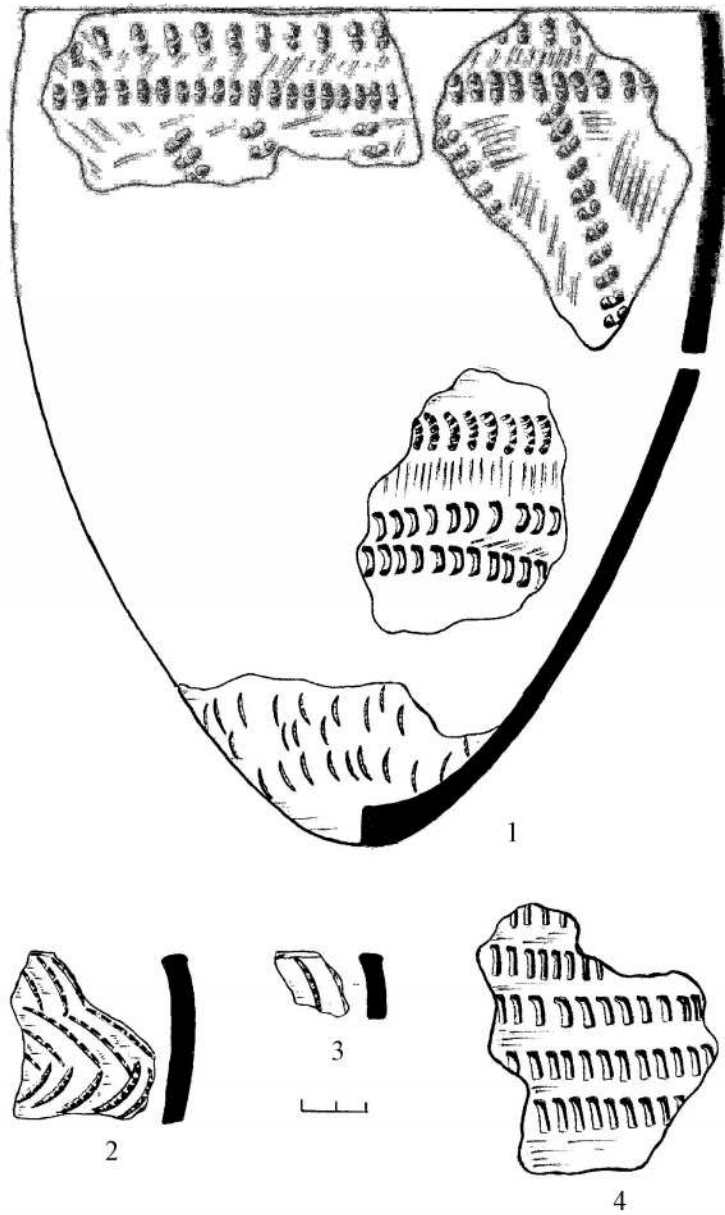

Рис. 13. Рассказань III. Позднеэнеолитическая керамика 1-4

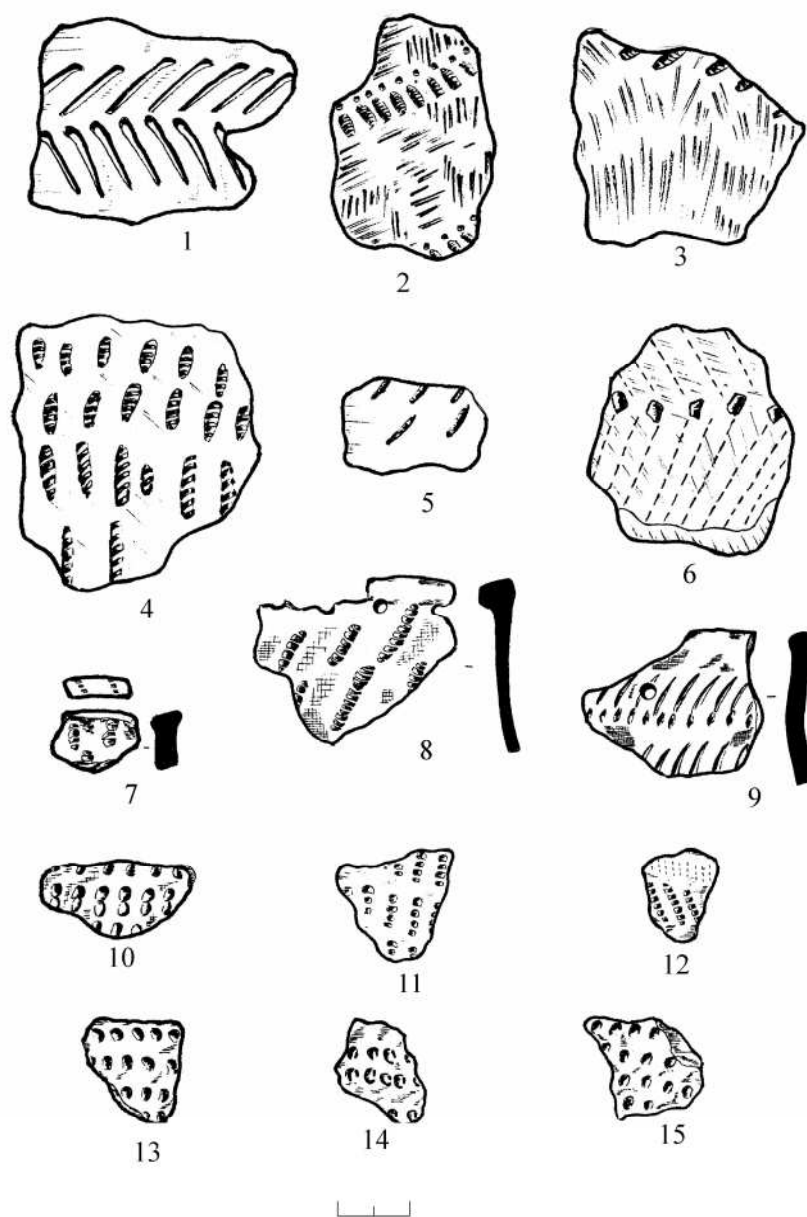

Рис. 14. Позднеэнеолитическая керамика. 1-6 - Рассказань III; 7-15 - Инясево

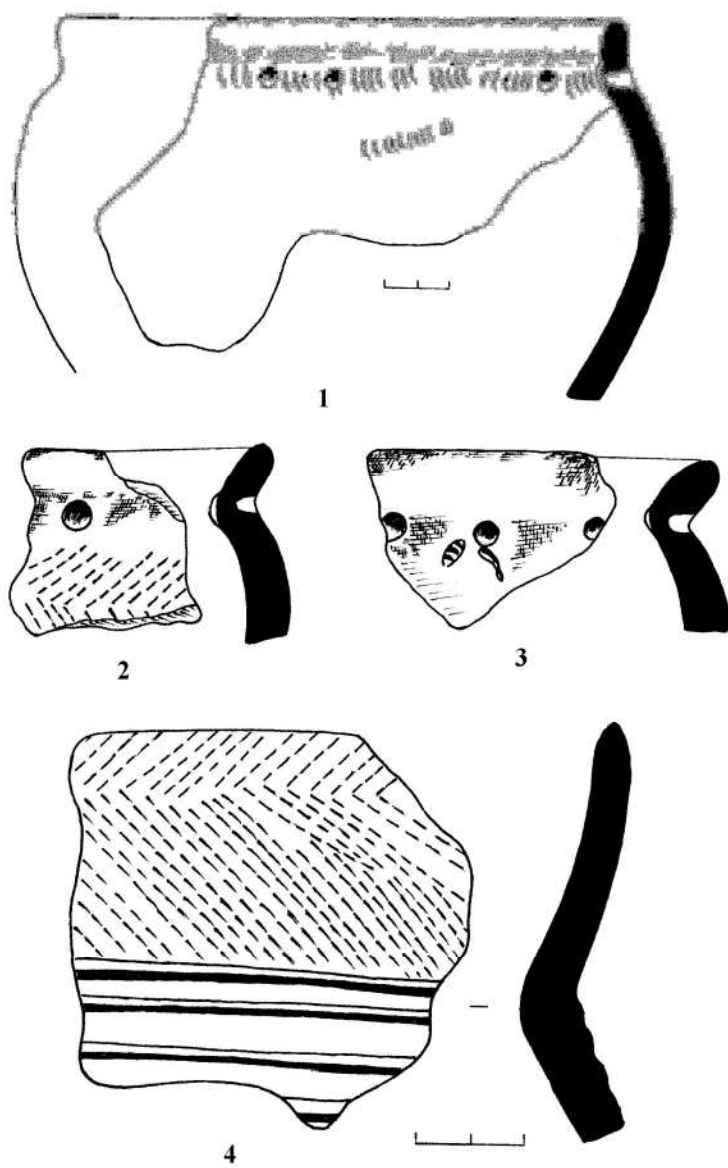

Рис. 15. Шапкино I, дюна 4. Керамика репинской культуры 1-4

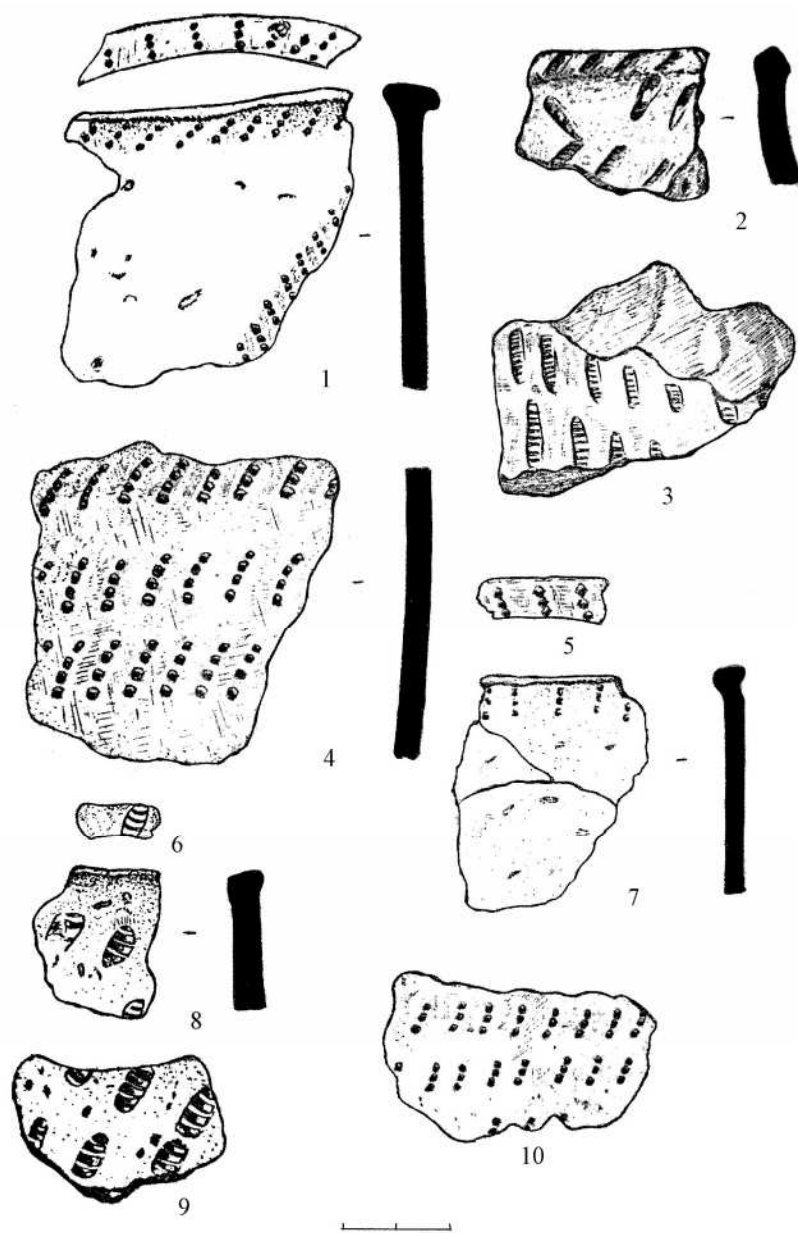

Рис. 16. Шапкино I, дюна 4. Позднеэнеолитическая керамика 1-8

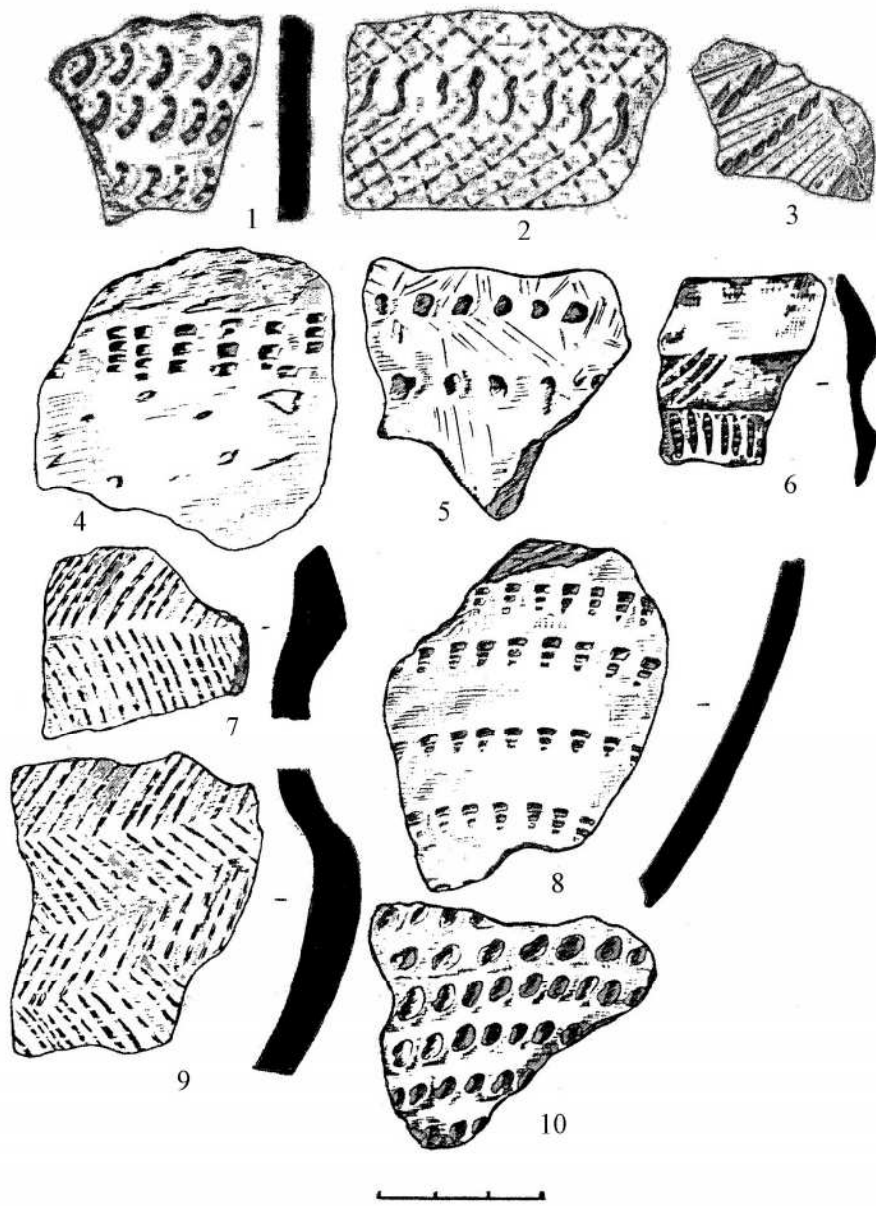

Рис. 17. Шапкино I, дюна 4. Позднеэнеолитическая керамика 1-5, 8, 10;
воротничковая керамика 6, 7, 9

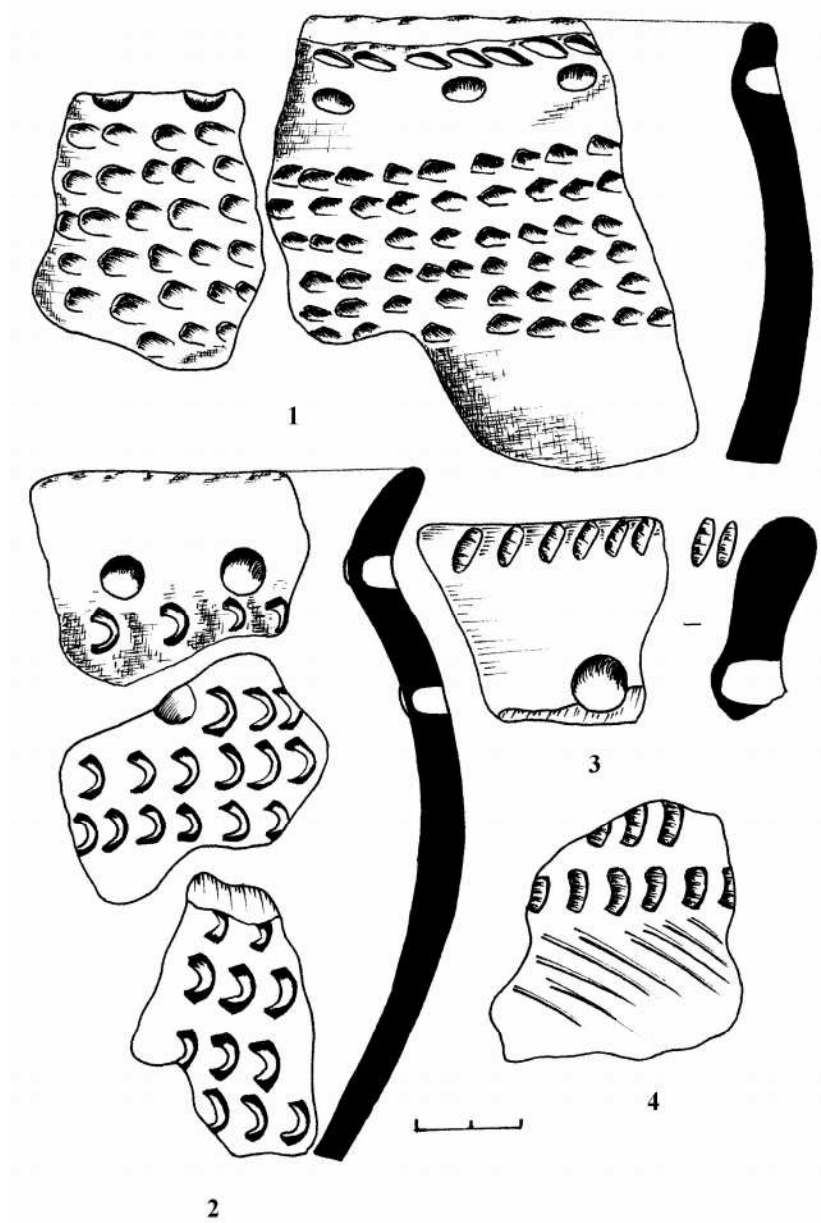

Рис. 18. Шапкино VI. Керамика репинской культуры 1-4

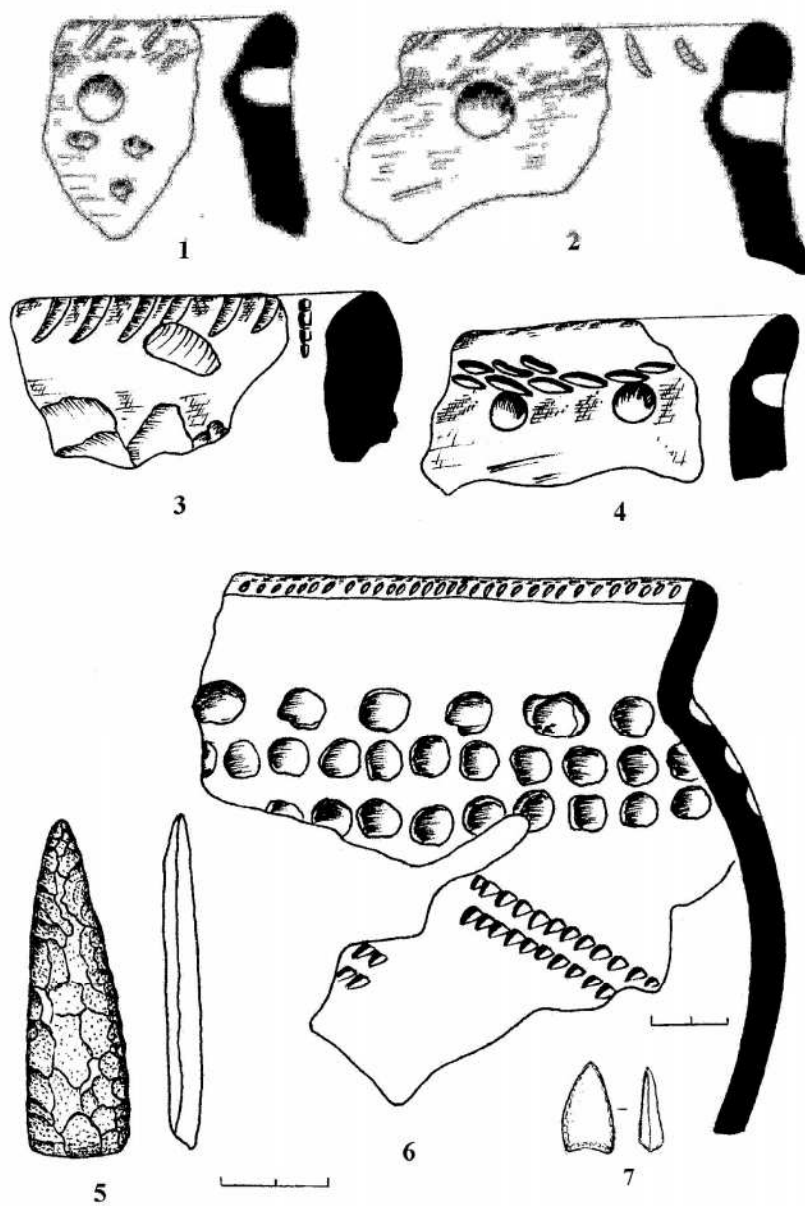

Рис. 19. Керамика репинской культуры 1-4, 6; кварцевые изделия - 5, 7;
1-4 Шапкино VI; 5-7 - Шапкино IV

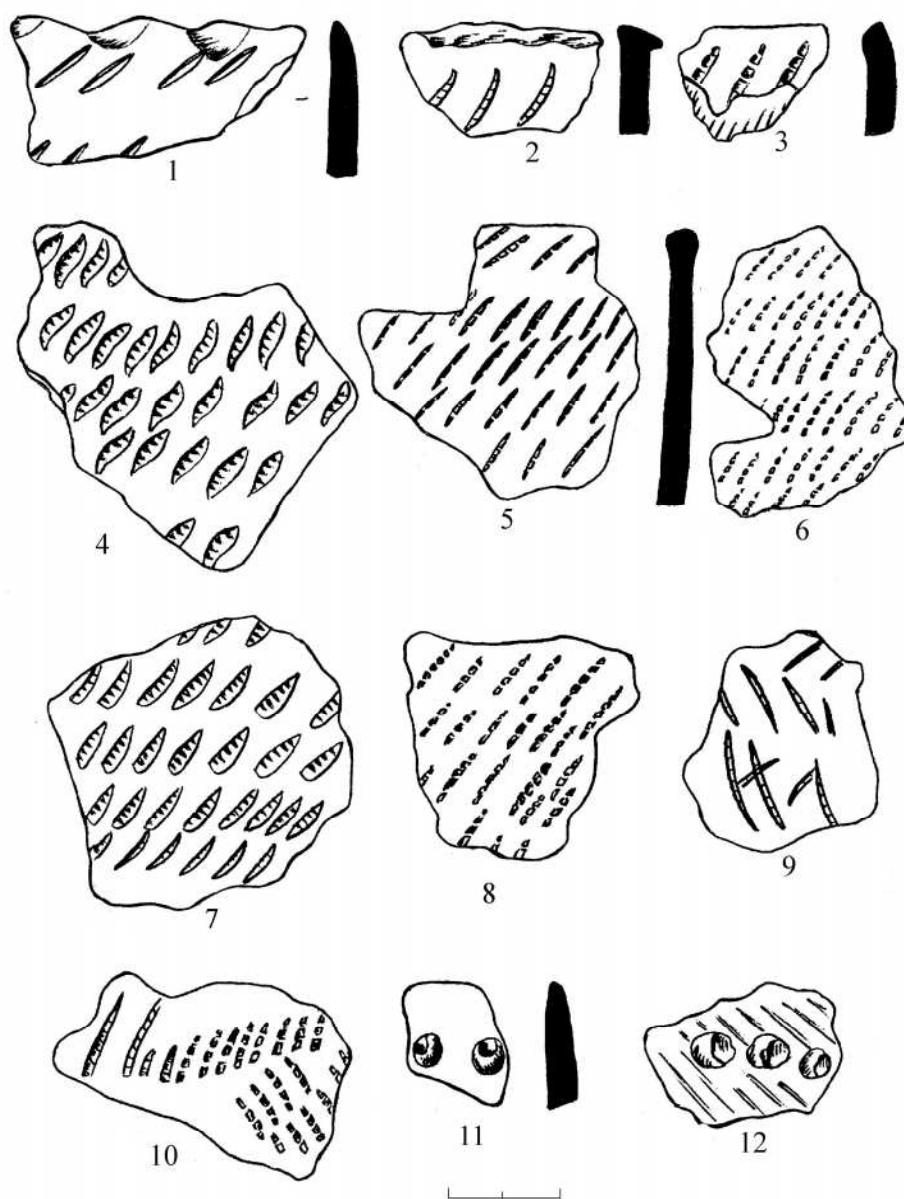

Рис. 20. Шапкино IV. Позднеэнеолитическая керамика 1-12

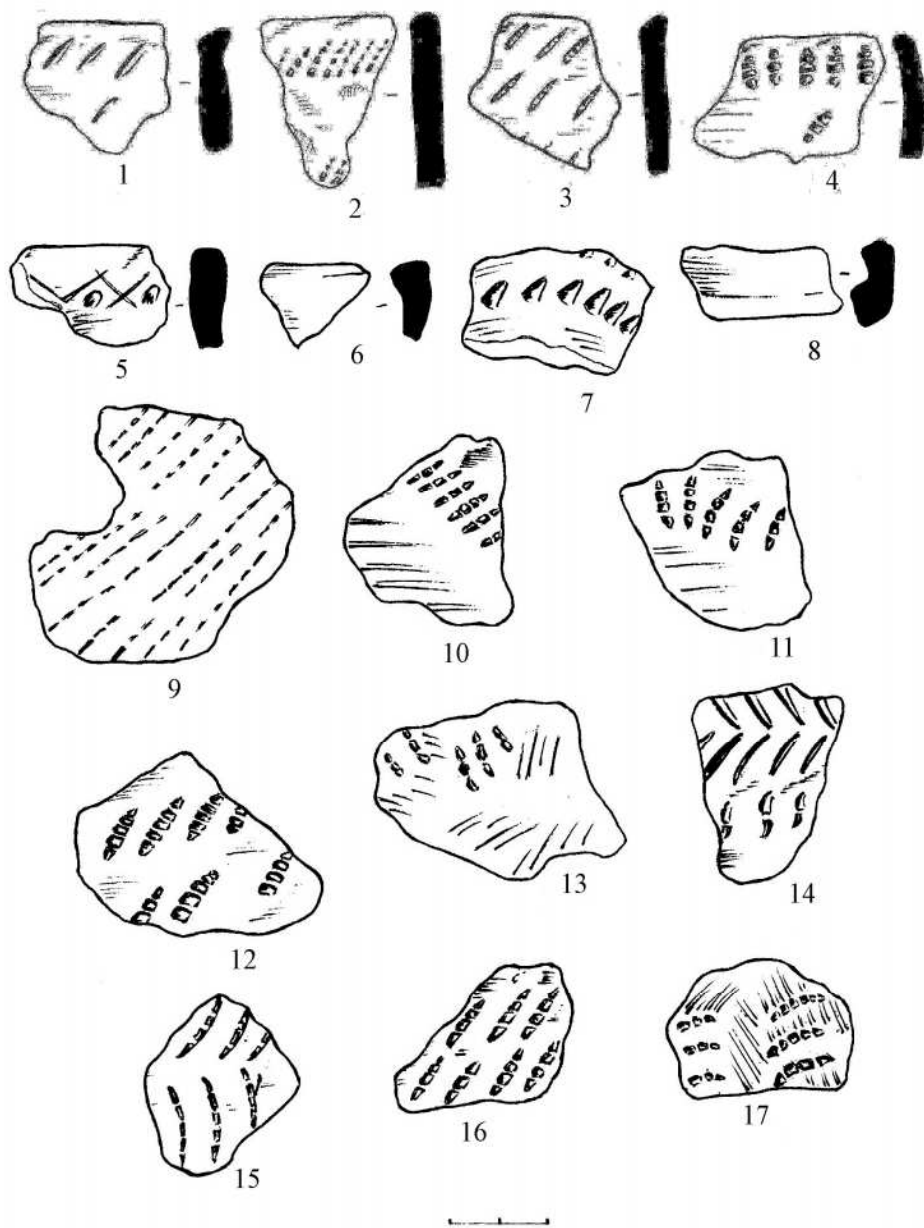

Рис. 21. Шапкино IV. Позднеэнеолитическая керамика 1-17

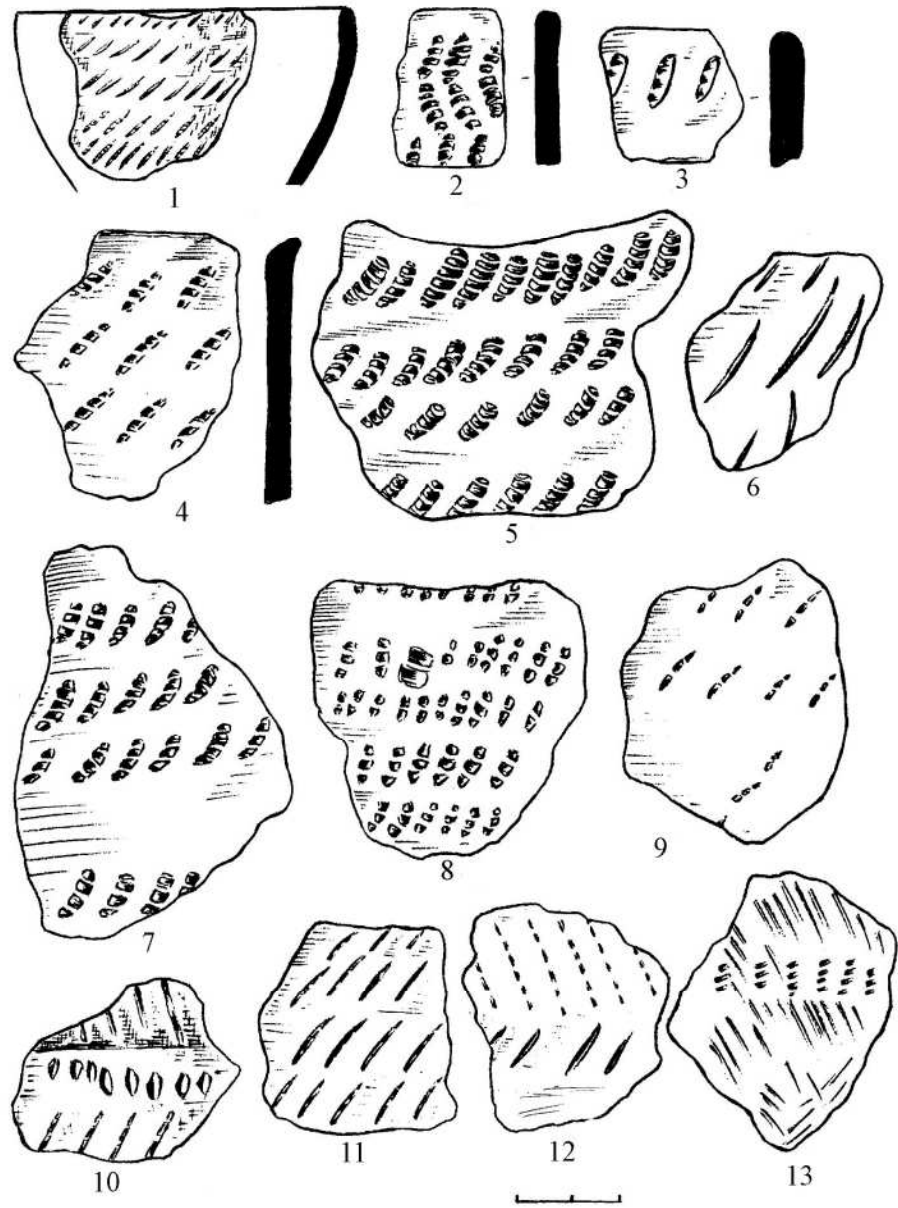

Рис. 22. Шапкино IV. Позднеэнеолитическая керамика 1-13

ПУБЛИКАЦИИ

Баринов Д.Г.

ПОСЕЛЕНИЕ И МОГИЛЬНИК XIII–XIV ВЕКА У СЕЛА БЕЛОГОРСКОЕ

В 2012 г. археологическим отрядом АННИО «Центр краеведения» проведены разведочные работы в окрестностях с. Белогорское Красноармейского района Саратовской области, целью которых была проверка сведений о находящихся здесь средневековом селище и грунтовых могильниках.

В 1964 г. селище эпох бронзы и средневековья, расположенное на правом берегу оврага, выходящего к реке Волге восточнее села, обнаружили саратовские археологи И.В. Сеницын, Ю.В. Деревягин и краевед Д.С. Худяков, и тогда на распаханной поверхности памятника были собраны обломки разновременной глиняной посуды [Деревягин, 1976. С. 130]. В 1967 г. в Саратовский областной краеведческий музей от Ю.В. Деревягина поступила коллекция керамики с селища, находящегося восточнее с. Белогорское, около пристани¹. По каким-то причинам оно не вошло в научные отчеты И.В. Сеницына и Ю.В. Деревягина. В 1992 г. С.И. Четвериков и В.В. Филипченко при составлении археологической карты Красноармейского района под №№ 43 и 44 отметили одно и то же «селище эпохи бронзы и средневековья», но с разными привязками, топосъемка памятника в отчете отсутствует.

В результате разведок 2012 г. восточнее села был обследован объект археологического наследия, получивший название «поселение Белогорское» (рис. 1А). С севера оно ограничено глубоким (более 10 м) оврагом, с востока обрывистым берегом р. Волги, юго-западная часть памятника отсекается отрогом горы. Площадка поселения «Белогорское» имеет уклон в сторону Волги, протяженность памятника с запада-северо-запада на восток-юго-восток –

¹ Материалы хранятся в СОМК, инв. № 2716.

0,81 км, а максимальная ширина 0,19 км. Эта терраса теперь задернована, но ранее распаивалась, здесь был заложен колхозный сад, от которого сохранились старые плодовые деревья и кустарник. На поверхности заметны признаки кладоискательства и несанкционированных раскопок.

В ходе обследования собран небольшой подъемный материал – пять фрагментов золотоордынской неполивной керамики (с линейной и арочной орнаментацией, есть также фрагменты днища и ручки) и четыре обломка лепных древнемордовских сосудов с прорисованными линиями.

Для выяснения мощности культурного слоя были заложены разведочные шурфы, которые подтвердили наличие средневекового культурного слоя мощностью около 0,4 м. Материалы эпохи бронзы не обнаружены. По находкам монет средневековый слой поселения «Белогорское» датируется 70-ми годами XIII – 30-ми годами XIV вв. (671–731 г. х.).

На южной окраине поселения «Белогорское», в том месте, где в глубокой колее грунтовой дороги дождями размывается культурный слой, обнаружены признаки грунтового могильника. На участке дороги длиной 39 м по линии восток-запад, найдено большое количество человеческих костей, в перемытом слое встречаются фрагменты деревянных гробовищ (или перекрытий).

Еще в 1994 году от учителей Белогорской школы поступили сведения о находках древнемордовских вещей (фрагменты сюльгам и пряслице) из разрушенных около деревни погребений. Летом 2012 года на месте обнаружения этих предметов были заложены два контрольных шурфа, в одном из которых (№ 2) удалось зафиксировать наличие грунтового могильника.

Шурф № 2 квадратной формы, размерами 2 x 2 м, был ориентирован по сторонам света. Первые три условных пласта толщиной по 20 см находок не содержали, но в следующем (60–80 см), ближе к юго-восточному углу раскопа, был найден глиняный лепной сосуд баночной формы (рис. 5, 22). Высота сосуда от 13 до 13,9 см, диаметр дна 10,3 см, диаметр устья 12 x 12,5 см, поверхность и внутренняя часть сосуда серая с черными пятнами, черепок в изломе трехслойный, его внешняя и внутренняя поверхности темно-серые, средний слой светло-серый, с обильным включением дресвы. Вероятно, сосуд происходит из тризны или погребения с несохранившимся детским скелетом. Косвенно, в подтверждение последней версии, свидетельствует общий план раскопа (рис. 1, Б), где сосуд расположен между погребениями 1 и 4.

При зачистке пласта 60–80 см возле северо-западного края шурфа были выявлены следы стенок деревянного гробовища, поэтому принято решение расширить шурф до размеров 4 x 4 м. В юго-западной части прирезки обнаружена тризна (кости животного и два фрагмента венчика лепного сосуда).

Зачисткой материка на общей площади раскопа выявлены четыре могильных пятна, расположенные рядами по линии «северо-восток – юго-

запад». Поскольку могильные пятна погребений 1 и 2 уходили за пределы раскопа, были заложены еще две прирезки в южной и западной стенках (рис. 1, Б).

Погребение 1 (рис. 1, Б; 2, 1-18) располагалось в южной части раскопа, с ним связана тризна, обнаруженная на отметке - 114. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентирована длинными сторонами по линии «юго-восток - северо-запад». Длина могилы - 2,25 м, ширина - 0,91 м, глубина в материке - 0,2 м. На дне, черепом к юго-востоку, лежал скелет молодой женщины, скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях кисти перед лицом. На черепе погребенной отмечен несросшийся метопический шов. Ноги согнуты в коленях, около берцовый кости левой ноги - пятно древесного тлена размером 25 x 15 см.

Инвентарь:

Возле обеих сторон черепа зафиксированы два бронзовых проволочных (сечением 0,15 и 0,2 см) височных кольца с несомкнутыми концами, диаметром - 1,5 и 1,4 см. Около шейных позвонков и левой ключицы расчищены 11 целых стеклянных бусин, три фрагмента стеклянных бус и глиняная бусина. Из них: овалоидальная деформированная бусина голубого цвета, размеры: длина - 1,55 см, ширина - 1,45 см, толщина - 0,65 см; две овалоидальные сегментированные бусины голубого и зеленоватого стекла, размеры: диаметр - 0,7 и 0,6 см, ширина - 0,25 см; пять целых биконических бус голубого, бирюзового, темно-зеленого цвета диаметром от 0,6 до 0,85 см, толщиной от 0,35 до 0,55 см; три обломка биконических бус синего и бирюзового цвета; шаровидная бусина темного стекла, диаметр - 0,8 см, толщина - 0,45 см; две бусины ребристые, выпуклогранные (5 и 8 граней), размеры: диаметр - 1 см, толщина - 0,8 см, диаметр - 0,6 см, толщина - 0,45 см, глиняная цилиндрическая бусина коричневого цвета, диаметр - 0,8 см, длина - 1,5 см. Возле ключицы обнаружены три шелковые нити золотистого цвета, длиной - 4, 8 и 10 см, их связь с бусами не установлена. На верхней части грудины лежали две бронзовые лопастные скульгамы: 1) с овальной дужкой, диаметром 1,8 x 1,3 см (0,2 см в сечении), длина лопастей - 2,9 и 2,6, ширина - 0,9 см (по нижней кромке), язычок имеет раскованный в ромбическую площадочку конец (длина - 1,9 см, толщина - 0,15 см); 2) с овальной дужкой, диаметром 1,5 x 1,25 см (0,2 см в сечении), длина лопастей - 2,5 и 2,55, ширина - 1 см (по нижней кромке), с такой же расковкой язычка (длина - 1,7 см, толщина - 0,15 см). В ногах погребенной лежали железные ножницы очень плохой сохранности, длина - 23 см, ширина в шарнире - 3,8 см, ширина сомкнутых лезвий - 1,9 см, длина лезвий - 11 см, сохранилась только одна скобка ручки образующая овальное кольцо округлое в сечении (толщиной около 1 см). Рядом с ножницами лежала правая лопатка коровы (*Bos taurus domesticus* возрастом старше 24 месяцев).

Погребение 2 (рис. 1, Б; 3, 2–8), обнаружено в западной части раскопа. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентирована продольной осью с юго-востока на северо-запад, дно могилы покатое, перепад составляет 7 см. Длина ямы – 1,87 м, ширина – 0,62 м (у дна расширяется до 0,67 м), глубина в материке – 0,19 (в центре ямы). В могилу помещено деревянное подпрямоугольное гробовище с закругленными короткими стенками. Его длина – 1,67 м, ширина в головах – 0,42 м, в ногах – 0,56 м, максимальная высота уцелевших стенок – 0,17 м. Толщина стенок от 5 до 8 см. По конструкции гробовище похоже на колоду, но с очень тонкими крышкой и дном, которые практически не сохранились.

Здесь, черепом к юго-востоку, лежал плохо сохранившийся скелет молодой женщины, скорченно на правом боку с завалом на грудь, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги согнуты в коленях, голени скрещены, стопы сложены вместе.

Инвентарь:

На левой стороне черепа лежало бронзовое проволочное (сечением 0,15 см) височное кольцо диаметром 1,6 x 1,7 см с несомкнутыми концами.

В верхней части грудины зафиксирован фрагмент изделия из древесной коры (размером – 4,7 x 2,8 см) с отпечатками грубой ткани, на котором лежали фрагментированные лопастные сюльгамы, конструкции которых и размеры аналогичны тем, что были зафиксированы в первом погребении.

У правого тазобедренного сустава лежал фрагмент фоссилизированной створки древнего моллюска, под которым зафиксировано глиняное биконическое пряслице, подлощенное, с красным ангобом, диаметром 3,8 см, толщиной 2 см.

В ногах погребенной стоял лепной округлобокий сосуд: высота – 20 см, максимальная ширина – 27 см, диаметр устья – 20,7 см, днища – 15,2 см. Фактура светло-коричневая, с обильной примесью дресвы и шамота, вся поверхность покрыта красным ангобом. Можно утверждать, что сосуд и пряслице были изготовлены одним мастером.

Погребение 3 (рис. 1, Б; 4, 1–3) расчищено в северо-западной части раскопа. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами и ровным дном ориентирована длинными сторонами с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Длина ямы – 2,17 м, ширина – 0,65 м, глубина в материке – 0,32 м. Здесь также зафиксированы признаки деревянного гробовища подпрямоугольной формы, от которого, в виде древесного тлена, сохранились только фрагменты длинных и поперечных стенок, точные размеры не установлены.

В гробовище зафиксированы остатки скелета плохой сохранности, принадлежавшего взрослому мужчине, похороненному вытянуто на спине, голо-

вой к юго-юго-востоку. Руки умершего были подогнуты в локтях, кисти лежали на тазовых костях.

Инвентарь:

Возле правой лучевой кости обнаружен осколок черного кремня без признаков использования, у левой стопы найден каменный подпрямоугольной формы оселок серого цвета с заостренным краем, длиной – 16,3 см, шириной – 4 см, толщиной от 1 до 1,7 см. Рядом лежала железная втульчатая мотыжка (или тесло), высота сохранившейся части – 11,3 см, ширина рабочего края – 7,7 см.

Погребение 4 (рис. 1, Б; 5, 1–21) обнаружено в северо-восточной части раскопа. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами ориентирована продольной осью с юго-востока на северо-запад. Длина могильной ямы – 2,15 м, ширина – 1,06 м (в головах), 0,98 м (в ногах), глубина в материке – 0,14 м.

В могиле лежал скелет мужчины, погребенного вытянуто на спине, головой к юго-востоку, руки согнуты в локтях, правая рука на животе, левая около таза. Между локтем левой руки и грудиной зафиксировано округлое пятно древесного тлена бурого цвета. За головой, на отметке – 214, лежал обломок таза коровы (*Bos taurus domesticus* возрастом старше 24 месяцев).

Инвентарь:

Возле правой лучевой кости обнаружены фрагменты железной пластины с отпечатками грубой ткани, остатки кожаного ремня, и бронзовая игла длиной 2,4 см, диаметром 0,1 см, под левым предплечьем лежал железный нож плохой сохранности. Общая длина ножа – 18,9 см, длина лезвия до черешка – 13 см, ширина лезвия 2,5 см. Под правым крылом таза в тонком слое бурой органики найдены: бронзовая лопастная сюльгама с округлой дужкой; 13 целых и 9 обломков фаянсового бисера диаметром 0,3–0,4 см, нанизанного на тонкий, скрученный из трех нитей шнурок, 6 молочных зубов ребенка и две косточки мелкого животного.

* * *

Погребальный обряд, где мужские скелеты лежат вытянуто на спине, а женские скорченны на правом или левом боку, характерен для мордовских средневековых погребений. О принадлежности нашего могильника мордвемокше свидетельствует также юго-восточная ориентировка покойных, которая отмечена на известных памятниках этого типа [Алихова, 1954. С. 271].

Наиболее типичными находками в мордовских захоронениях являются застежки – сюльгамы, которые представлены в Белогорском могильнике только лопастными экземплярами. Проволочные височные кольца (серьги) характерны для средневековых погребений XIII–XIV веков на всей территории Зо-

лотой Орды. Достаточно неожиданной является находка шарнирных ножиц в погребении № 1, поскольку традиция сопровождения женских захоронений ножами характерна для кочевнических погребений Восточной Европы, и аналогичный инвентарь в мордовских некрополях нам не известен.

Анализ погребального обряда и инвентаря грунтового могильника «Белогорское II» позволяет с большой долей уверенности утверждать, что могильник принадлежит мордве-мокше XIII–XIV веков и, видимо, связан с поселением «Белогорское».

Мордовская лепная керамика в большом количестве встречается на всех поселениях золотоордынского периода Саратовского Правобережья, а также на Терновских поселениях Волгоградской области (в 50 км южнее села Белогорское) [Ильина, 2010. С. 21–23]. До недавнего времени языческих мордовских могильников на территории Саратовской области было известно только два, это Комаровский некрополь в Екатериновском районе [Моржерин, 2000. С. 60–63] и Аткарский, открытый еще в 1916 году [Арзютов, 1929. С. 1–28]. В архивных документах Саратовской ученой архивной комиссии упоминаются еще два могильника – Черемшанский и Куликовский, расположенные в Вольском и Хвалынском районах Саратовской области, но данные о них незначительны, а точные местонахождения до настоящего времени не установлены. Грунтовый могильник средневековой мордвы-мокши около села Белогорское является третьим, достоверно идентифицированным мордовским языческим погребальным комплексом на территории Саратовской области, самым южным из известных памятников этого типа в Поволжье.

Литература:

Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1954. Вып. 42.

Арзютов Н.К. Финский могильник XIII–XIV вв. близ Аткарска // Труды Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1929. Вып. 1.

Деревягин Ю.В. Юному туристу-археологу // Изучай родной край и оберегай его богатства. Саратов, 1976.

Ильина О.А. Терновское селище – бытовой памятник золотоордынского времени // Инновационные технологии в обучении и производстве: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Камышин, 2010.

Моржерин К.Ю. Обряд обезвреживания погребенных в Комаровском грунтовом могильнике мордвы XIII–XIV вв // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000.

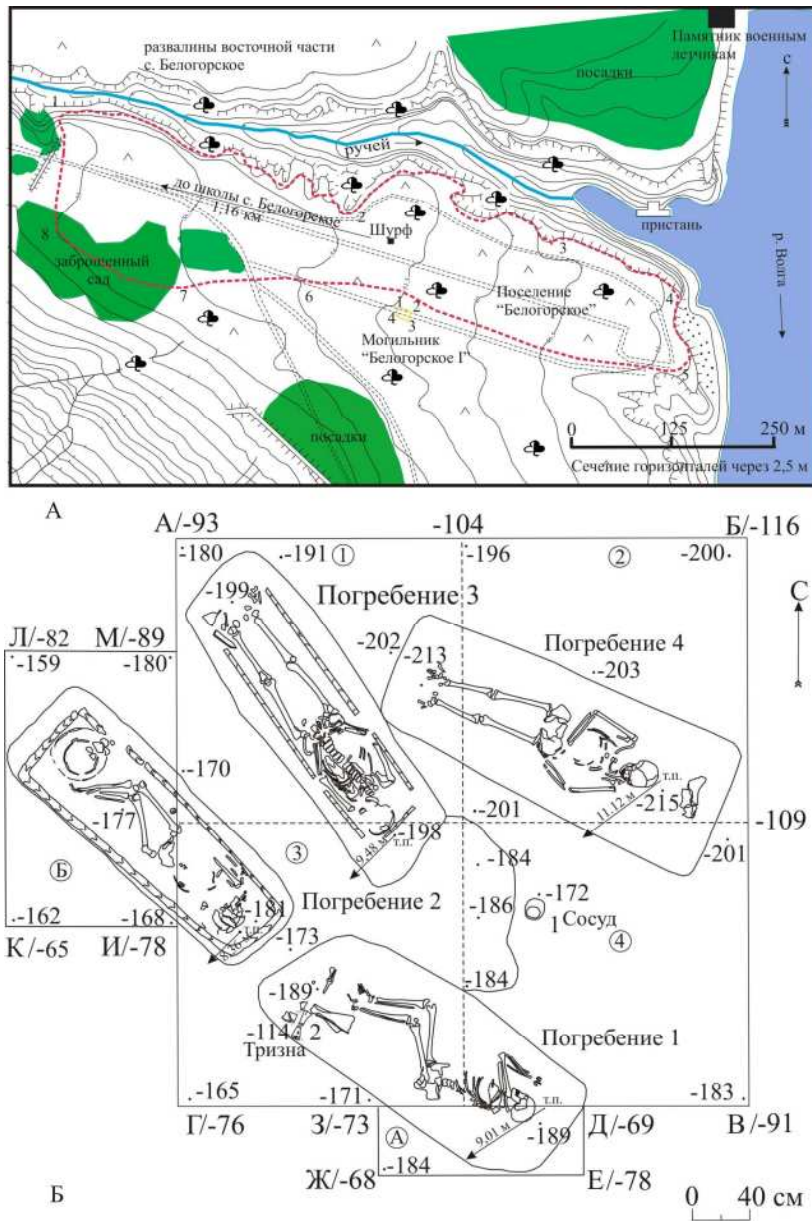

Рис. 1. А - План поселения «Белогорское» в Красноармейском районе Саратовской области; Б - Могильник около с. Белогорское. План

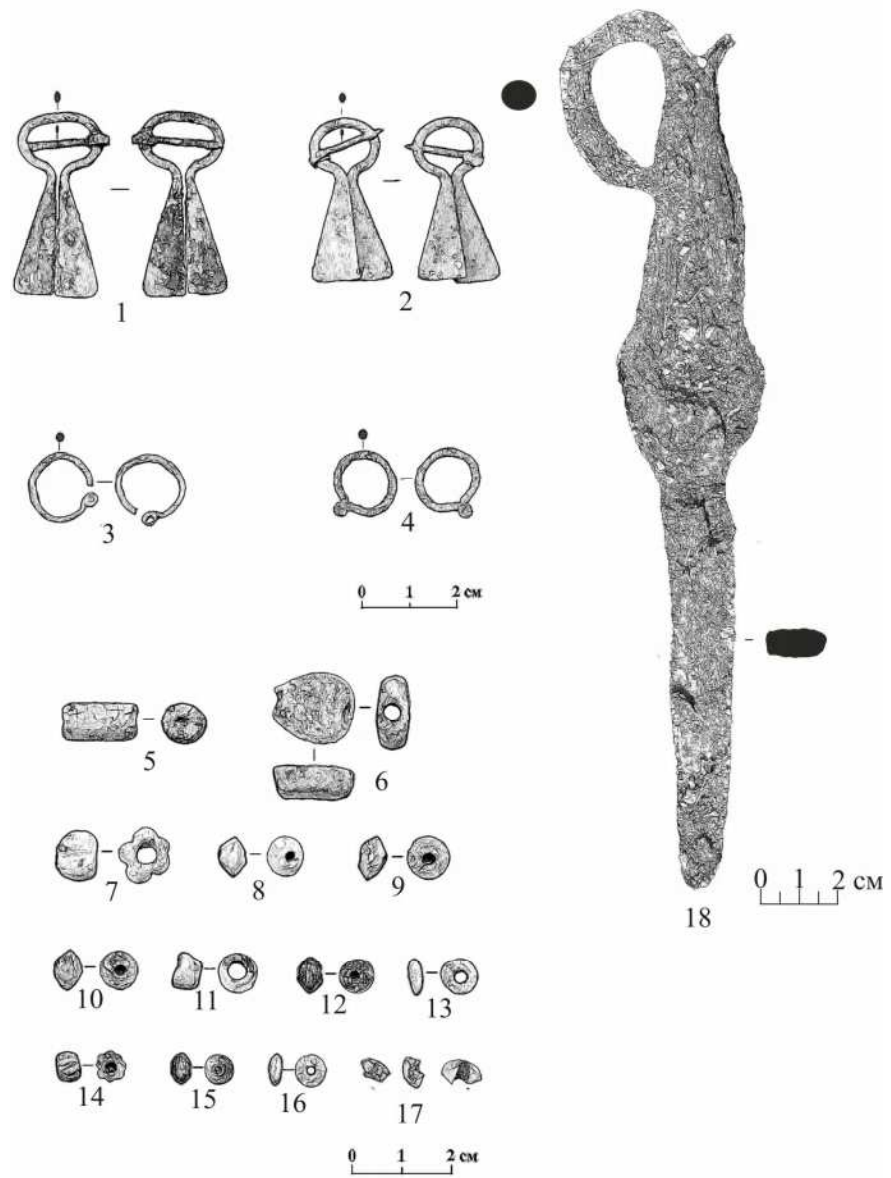

Рис. 2. Могильник около с. Белогорское. Погребение 1.
1-2 бронзовые сюльгамы, 3-4 бронзовые серьги, 5-17 бусы и бисер
(5 керамика, остальное стекло и паста), 18 - ножницы

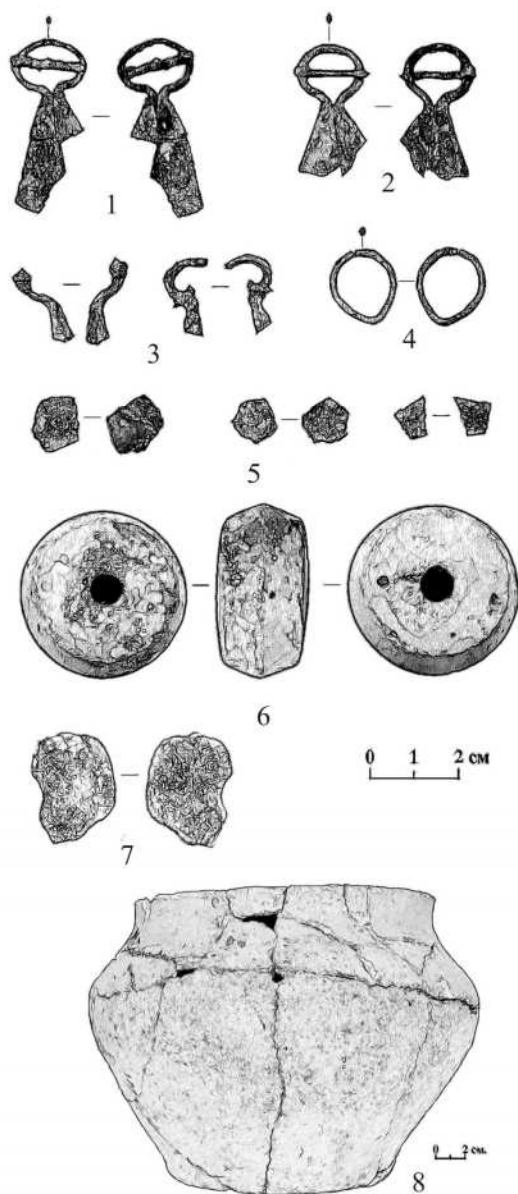

Рис. 3. Могильник около с. Белогорское.
 Погребение 2. 1-3, 5 бронзовые сюльгамы и их обломки, 4 - бронзовое(?) височное кольцо,
 6 - керамическое пряслице, 7 - створка раковины, 8 - лепной сосуд

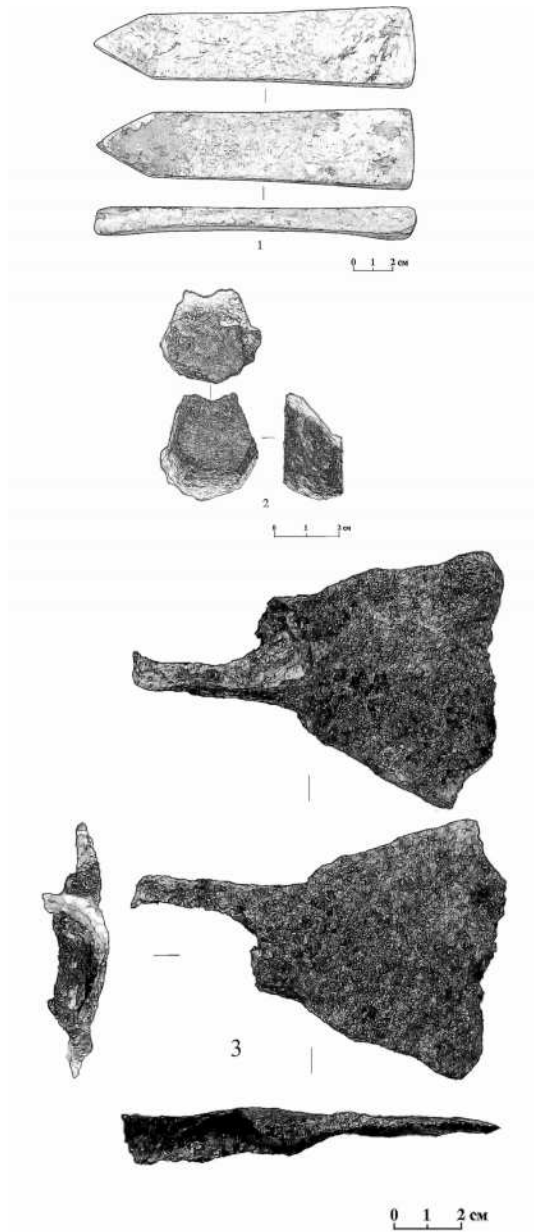

Рис. 4. Могильник около с. Белогорское. Погребение 3.
1 – каменный оселок, 2 – кремь, 3 – железная тятка (тесло?)

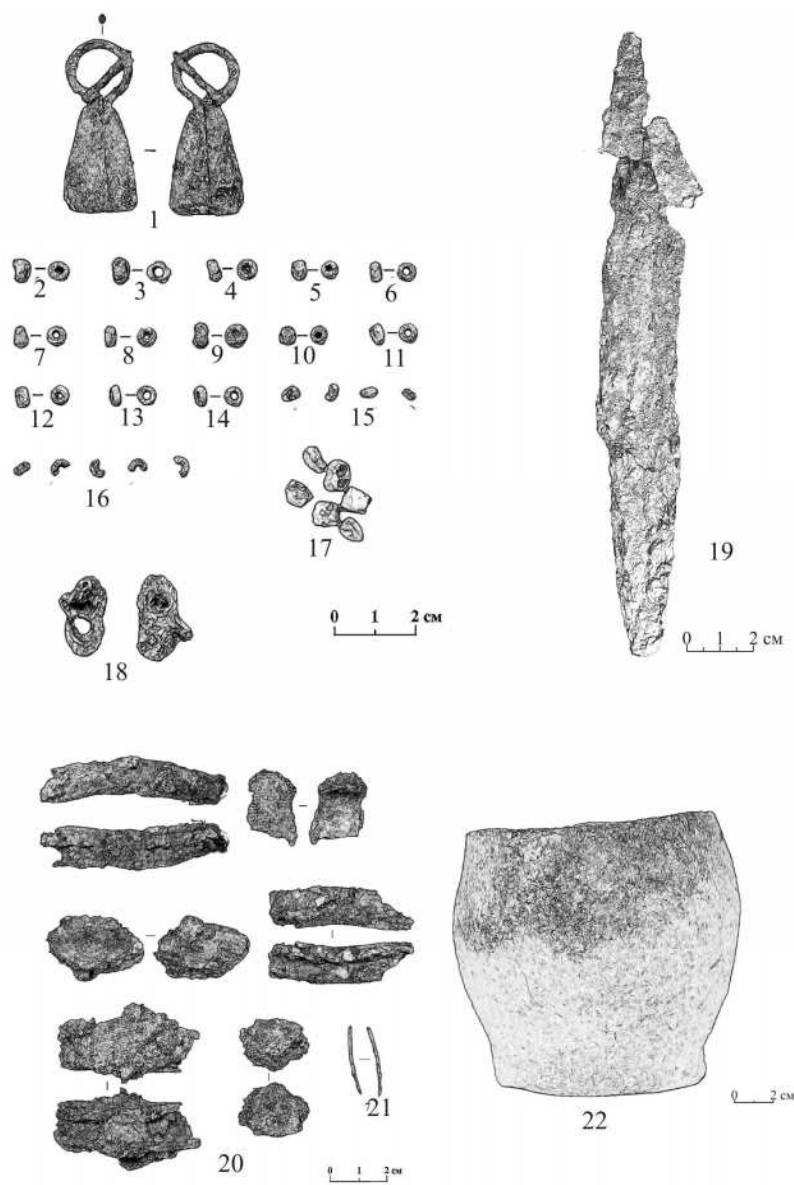

Рис. 5. Могильник около с. Белогорское. Погребение 4. 1 – бронзовая сьюльгама, 2-16 – бисер и его фрагменты, 17 – молочные зубы ребенка, 18 – кости животного(?), 19 – железный нож, 20 – фрагменты железных предметов с отпечатками ткани, 21 – бронзовая игла; Квадрат 4, 22 – лепной сосуд

Кузнецова Е.В., Лопатин В.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА АХМАТЕ

Ахматское городище находится на берегу Волгоградского водохранилища, в восточной части Красноармейского района Саратовской области, в 4 км к северо-западу от с. Ахмат. Памятник расположен на открытом мысовом плато, которое образовано двумя глубокими оврагами, сливающимися восточнее городища в балку Елховую. Высота террасы относительно их подножий достигает 8 м. Вся овражная система занята густым байрачным лесом, по дну, с запада на восток протекают ручьи, впадающие в Волгу (рис. 1; 2). На ровной поверхности плато произрастает типично сухостепная травянистая растительность, представленная смешанными популяциями мятлика, овсюга, полыни, ковыля мелкого, а в незначительных понижениях рельефа развиты кустарничковые виды – кемереки и камфоросмы.

Данный ландшафт сложился в пределах Приволжской возвышенности, которая делает нижеволжское правобережье столь заметным и притягательным в открытой степи. Местность характерна весьма выраженной поверхностной денудацией, береговые склоны и прилегающие к ним участки резко расчленены оврагами и балками, покрыты байрачными лесами, которые на водоразделах перемежаются открытыми степными участками. В обрывах берега Волги у Ахмата выходят на поверхность мезозойские породы туронского и коньякского этапов мелового периода, встречаются фоссилии двустворчатых моллюсков, морских ежей и брахиоподов.

В настоящее время поверхность плато не используется в местных хозяйственных системах, но здесь заметны признаки старой распашки, а в западной части мысового образования сохранились заброшенные сады, занимающие внушительные площади.

С напольной стороны территория городища защищена системой фортификации, состоящей из двух земляных валов и двух рвов, из которых со-

вершались заборы грунта при их сооружении (рис. 1). Протяженность городища от края внешнего рва до мысового окончания плато 200 м. Максимальная ширина с севера на юг в центральной части памятника 95 м. Длина внешнего рва 80 м, максимальная ширина в средней части 12 м. Длина внешнего вала 90 м, ширина 15 м, высота над дневной поверхностью 2,7 м. Длина внутреннего рва 83 м, ширина в средней части 8 м. Длина внутреннего вала 87 м, ширина в средней части 18 м, высота над дневной поверхностью 2,3 м. Расстояние между валами 30 м. Примечательно, что в средней части каждого вала заметны неглубокие понижения, которые могут быть заплывшими магистральными проходами широтного направления в системе оборонительных сооружений. Не исключено также, что длительная распашка могла привести к частичной деформации фортификационной системы.

В ходе осмотра городища выявлены признаки первых археологических исследований, проводившихся на Ахмате в начале XX столетия. В его северо-восточной части еще заметны заплывшие очертания раскопа, размеры которого могли составлять 20 x 12 м (рис. 2). Это незначительное понижение подпрямоугольной формы на мысовом участке плато, заросшее мелким густым кустарником. Такое же понижение меньших размеров подпрямоугольной формы (6 x 4 м) выявлено в центральной части памятника (рис. 1).

Ахматское городище обнаружено в 1904 г. во время разведочной поездки члена Саратовской ученой архивной комиссии С.А. Щеглова по Камышинскому уезду Саратовской губернии [Щеглов, 1910. С. 98–100]. В 1911 г. он провел здесь повторное обследование, составил глазомерный план городища и указал его размеры – длину около 120 м, ширину от 85 м в самой узкой части (вероятно, восточный мыс) до 89,6 м в самой широкой. Примечательно, что проведенные тогда обмеры фортификаций заметно отличаются от их современного состояния. С.А. Щеглов опубликовал подробный план городища с указанием его размеров и отметками мест «шурфовок». Однако автор неверно сориентировал положение памятника относительно сторон света, северное направление на плане дано с заметным смещением к северо-западу. Теперь, оперируя современной топографией и космической фотосъемкой, определено можно утверждать, что продольная ось Ахматского городища имеет широтную направленность.

Во время второй поездки были заложены несколько разведочных шурфов, которые сам С.А. Щеглов называет «пробными ямками». Один из них располагался в южном окончании высокого внутреннего вала. Было установлено, что вал сложен из обожженной глины, или, что скорее всего, после насыпки был подвергнут поверхностному прокаливанию. Второй шурф, заложённый в центре городища, показал наличие культурных отложений, где были обнаружены небольшое «количество дробленых костей домашних жи-

вотных, расколотых преимущественно вдоль», «зола и угли с черепками грубой глиняной посуды» [Щеглов, 1912. С. 92]. В его статье приводятся рисунки керамических находок, позволяющие установить их культурную принадлежность: несколько фрагментов относятся к городецкой культуре, один обломок венчика с зашипами по краю устья, вероятно, скифоидного типа, а часть стенки с короткими оттисками, расположенными в «елочной» комбинации, является фрагментом катакомбного сосуда [там же. С. 91].

В 1912 г. на Ахматском городище побывал А.А. Спицын, которого сопровождали С.А. Щеглов, В.И. Онезорге, П.Н. Шишкин, Б.В. Зайковский и другие члены СУАК [Лопатин, 2003. С. 10]. Вероятно, тогда был заложен раскоп на мысовой части памятника, который в настоящее время покрыт кустарником. Именно тогда от местных жителей экскурсанты узнали о существовании большого многослойного поселения в урочище «Мартышкино», куда была предпринята поездка из Ахмата на лодках по Волге. Находки из раскопок на Ахматском городище и поселении в Мартышкино (разнокультурная керамика, изделия из камня, кости и металлов) были переданы А.А. Спицыну в Петербург «для определения древности», очень малую часть вывезенных предметов он опубликовал в специальной статье [Спицын, 1923], но дальнейшая судьба этой коллекции в настоящее время не известна.

С 1919 по 1929 гг. городище неоднократно посещалось саратовскими краеведами Б.В. Зайковским, А.А. Кротковым, В.Ф. Ореховым, П.Н. Шишкиным [Миронов, 1989. С. 107], поэтому коллекции Ахмата и Мартышкино постоянно пополнялись материалами новых сборов. Некоторые комплексы, хранящиеся в фондах Саратовского областного музея краеведения, маркированы шифрами обоих памятников. Впрочем, эта путаница могла возникнуть и позже, в результате последующих многократных перемещений единиц хранения СОМК.

В 1930-х гг. городище обследовалось профессором СГУ П.С. Рыковым [Рыков, 1931; Максимов, 1989. С. 8], а также И.В. Синецким и П.Д. Степановым. Тогда было высказано предположение о том, что это многослойный памятник, верхний культурный пласт которого содержит черепки золотоордынской эпохи, средний слой, по характеру находок, оставлен представителями городецкой культуры, а в нижнем слое, относящемся к эпохе бронзы, находили угли, характерную лепную керамику и кости животных.

В 1965 г. Ахматское городище было обследовано Ю.В. Деревягиным, о чем он неоднократно докладывал в отчетной документации и популярных изданиях [Деревягин, 1965а; он же, 1965б; он же, 1968; он же, 1976. С. 130], и в течение того же сезона на памятнике побывали Д.С. Худяков, П.Д. Степанов и В. Сулова [Миронов, 1989. С. 107]. Тогда на городище были найдены фрагмент каменного топора, в настоящее время хранящийся в Саратовском обла-

стном музее краеведения*, бронзовый листовидный нож, который по предположению С.Н. Корневского относится к эпохе средней бронзы [Корневский, 1978. С. 43, рис. 8, 26], а также большое количество разновременной керамики, глиняные пряслица, грузило, каменный абразив.

* * *

Новые исследования на Ахматском городище начаты в августе 2012 г. отрядом Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета. Была проведена инструментальная съемка всей площади памятника и составлен его подробный план (рис. 1), а также заложены два разведочных шурфа в непосредственной близости от северо-восточного и юго-восточного мысовых окончаний террасы (рис. 2).

Основная цель исследований заключалась в проверке современного состояния этого известного памятника, уточнении степени сохранности внешней поверхности, участков периметра, которые подвергаются естественным абразионным процессам. Предполагалось также выяснить характер культурных отложений, поскольку результаты раскопок, проводившихся еще в начале XX столетия, не получили должного освещения в археологической литературе, а материалы сборов того и последующего периодов слишком малочисленны и не могут дать полного представления об этом уникальном объекте.

Раскопы, заложенные на восточной окраине Ахматского городища, были ориентированы по сторонам света. Выемка грунта осуществлялась вручную, условными пластами по 0,2 м, с последующей зачисткой и фотофиксацией каждого уровня.

Шурф №1 размерами 2 x 4 м и глубиной 0,82 м разбит в северо-восточной части памятника, в 4 м к юго-западу от старого заросшего раскопа А.А. Спицына. Продольной осью шурф ориентирован по линии «север-юг». По данным нивелировки дневная поверхность имеет значительный уклон (0,37 м) в направлении с юга на север. Верхний отдел стратиграфической колонки занимает тонкий (до 0,15 м) пласт современного гумуса – рыхлого темно-серого грунта, плотно армированного корневищами травянистой растительности. Ниже залегает относительно однородный культурный слой – светлый серо-коричневый суглинок, толщиной 55–75 см. Ниже зачищен материк, представляющий собой пласт светло-коричневой глины. По направлению с юга на север наблюдается плавное понижение материкового уровня.

Шурф № 2 размерами 2 x 2 м заложен в 30 м южнее шурфа № 1, в юго-восточной части мысового окончания террасы (рис. 2). В пределах вскрытой площади внешняя поверхность плавно повышается с востока на запад в пре-

* Фонды СОМК. Инв. № 2657.

делах 10 см. Глубина шурфа колеблется от 0,39 до 0,47 м. Стратиграфическая ситуация отличается от предыдущей. Толщина слабогумусированного верхнего слоя достигает 10 см. Мощность культурного слоя сравнительно невелика и составляет от 25 до 40 см. Это очень рыхлый серый грунт с включениями золистых фракций, абсолютно однородный, без каких-либо прослоев. Отличается также материковая подошва; здесь это разрыхленный пласт мелкой опоки, смешанной со светло-коричневым суглинком.

В августе 2014 г. шурф № 2 был вновь расчищен и расширен в восточном направлении до небольшого раскопа размерами 4 x 8 м, и таким образом вскрытая на данном участке площадь составила 32 кв. м (рис. 2). Стратиграфические данные аналогичны тем, что наблюдались здесь двумя годами ранее.

Раскопки этих двух лет подтвердили присутствие в отложениях памятника разнокультурных материалов эпох средней и поздней бронзы, раннего железного века, средневековья. Кроме того, на южном участке были выявлены признаки пока еще не ясной погребальной практики в виде разрозненных человеческих костей, которые были сконцентрированы в юго-западной части раскопа. Не исключено, что в будущем здесь будет зафиксирован грунтовый могильник, что нередко встречается на нижеволжских городищах. В совокупности с уже известными сведениями по раскопкам начала XX столетия, а также материалов, хранящихся в фондах СОМК, небольшая коллекция, полученная исследованиями 2012–2014 гг., подтверждает высокое значение этого малоизученного памятника для реконструкции и моделирования древних культурно-исторических процессов на территории Нижнего Поволжья.

Весьма интересна подборка наиболее ранней керамики, в которой можно выделить материалы, относящиеся к средней бронзе, поздней бронзе и финалу бронзового века (рис. 3; 4). Блок сосудов, представляющих эпоху средней бронзы, отражает известную многокомпонентность культуругенетических процессов этого времени (рис. 3).

Несколько фрагментов условно отнесены к катакомбному типу керамики (рис. 3, 1, 2, 11, 15, 18). Их отличает шнуровая и гребенчатая орнаментация и «ёлочное» построение элементов декора. Не исключено, что в профилировке венчика, украшенного оттисками крученого шнура (рис. 3, 1), отразилась архаичная традиция местного пережиточного энеолита. Подобные двучастные профили венчиков с загибом края устья внутрь типичны для сосудов алексеевского типа, которые известны исключительно на памятниках нижеволжского правобережья. Наиболее массовая коллекция таких сосудов была получена на Алексеевской стоянке близ Хвалынска [Васильев, Непочатых, 1977], а единичные находки происходят с многих городищ и поселений, преимущественно разрушающихся активными абразионными процессами, в

том числе и с Мартышкино [Лопатин, 2012а. С. 72, рис. 6, 1; Васильев, Габяшев, 1982].

Довольно представительна серия керамики вольского типа, четко диагностируемая по массивным венчикам и типичной узкозональной орнаментации, выполненной короткими гребенчатыми и гладкими штампами (рис. 3, 3, 6, 9, 10, 12). Один из указанных сосудов (рис. 3, 3) можно отнести также к вольско-катакомбной культурной группе, которая выделяется на компактной территории Нижнего Поволжья, как на поселениях, так и в погребальных комплексах. В частности, керамика, в которой наблюдается сплав вольских и катакомбных элементов (узкозональная организация орнамента при наличии «ёлочных» композиций), известна на ближайшем, к Ахмату поселении в урочище Мартышкино, на правобережных нижеволжских городищах Алексеевском, Андриановском и Утесе Степана Разина, а также в погребальных комплексах Белогорского грунтового могильника, в курганах Советского и Барановки [Лопатин, 2012б. С. 74, рис. 4; Мальшев, 2008; Малов, Сергеева, 2010; Дремов, 1996; Баринов, 1996; Сергацков, 1992].

В этом же блоке следует поместить фрагменты керамики, которые предположительно отнесены к воронежской культуре (рис. 3, 4, 5, 7, 8, 13, 14, 16). Этот керамический материал отличается, прежде всего, по фактуре (примесь мелкого кварцевого песка), по характерной скошенности края устья наружу (рис. 3, 14, 16), по пальцевым отпечаткам и тонким, удлиненным линиям, врезным или гребенчатым (рис. 3, 4, 5, 7, 13), а также по горизонтальным рядам отпечатков, нанесенных краем плоского штампа (рис. 3, 16).

Основная локализация памятников воронежской археологической культуры – это среднее течение Дона с притоками (Пряхин, Беседин, 1988). Но работами последних лет установлена рассеянная диффузия воронежских памятников и элементов данной культуры в синкретичных комплексах на широкой территории восточнее Дона, что, вероятно, является признаком дальних и неоднократных миграций среднедонских групп населения. В частности, выявлено присутствие воронежских поселений на Хопре [Хреков, 2012; Лопатин, Русина, 2013; Быков, 2013], а воздействие воронежского культурного импульса ощутимо в Доно-Волжском междуречье, в Заволжье и даже на северо-восточном Устье [Дворниченко и др., 2006; Лопатин, 2012а; Самашев и др., 2009].

Раскопки на Ахмате 2012 и 2014 гг. показали общекультурную включенность этого памятника в сложные процессы активизации культуригенеза в конце эпохи средней бронзы и в начале позднего бронзового века. В этот период многочисленные культурные группы посткатакомбного и постшнурового типов осваивали широкие вмещающие пространства между Доном и Волгой, а также в Волго-Уральском междуречье. Их присутствие на поволж-

ских памятниках не было продолжительным, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо явно выраженных монокультурных слоев. Все материалы эпохи бронзы залегают здесь в микшированном состоянии.

Это касается также комплекса поздней бронзы и ее финала (рис. 4). Визуально их можно дифференцировать на две группы, и основным критерием такой систематизации является наличие у некоторых фрагментов признаков рельефной орнаментации – налепных валиков и воротничков (рис. 4, 4, 7, 10, 13, 14).

Несколько фрагментов можно уверенно отнести к срубной культуре эпохи поздней бронзы, причем к ее раннему этапу, о чем опосредованно свидетельствуют такие признаки, как поверхностные расчесы, орнаментация, выполненная крученым шнуром (рис. 4, 2), а также покровские реминисценции в оформлении венчиков – внутренняя реберчатость и желобок (рис. 4, 1, 3). Типично срубным материалом является также слабопрофилированная керамика (рис. 4, 5, 6) и фрагменты с оттисками гребенчатого штампа (рис. 4, 8, 9). Срубные материалы, происходящие с Ахматского городища, еще никогда не фигурировали в литературе, хотя их наличие на правобережных высокорасположенных поселениях – это вполне типичное явление для поздней бронзы Нижнего Поволжья. Отмечено также, что здесь комплексы срубной культуры на финале бронзы, как правило, сменяются памятниками хвалынского типа (Малов, 1987). В ближайшей округе это отмечено на Алексеевском и Танавском городищах, в Мартышкино, Сухой Мечетке, Ерзовке I (Изотова, Малов, 1992; Лопатин, 2003; Мальшев, 2008; Мыськов, 1992; Дьяченко, 1992). То же самое явление мы видим на Ахмате.

Валиковые сосуды здесь однотипны, они характерны наличием налепного элемента, одинаково рассеченного косыми нарезками или оттисками короткого гребенчатого штампа. Разница наблюдается лишь в расположении самого валика относительно общей высоты сосуда: на плечике (рис. 4, 4, 7), под устьем (рис. 4, 10), или на линии шейки (рис. 4, 14), а также в оформлении устья (закраины), уплощенного (рис. 4, 10), или овального (рис. 4, 14). Встречаются также приостренные профили венчиков, как на одном фрагменте с воротничком (рис. 4, 13). Как правило, элементы рельефной орнаментации покрыты несложным декором (косые линии, решетки). Предварительно отметим, что зафиксированные в Ахмате материалы финала бронзы в большей степени соответствуют раннехвалынскому (ивановскому) типу.

К бронзовому веку можно также отнести половинку каменного полированного предмета кольцевидной формы (рис. 6, 5), массивный скребок на кварцитовом отщепе (рис. 6, 6) и острие сломанной костяной проколки (рис. 6, 8). Кольцевидный полированный камень (рис. 6, 5) похож на грузик рыболовной сети или ткацкого стана (более реально второе предположение). Но при этом совершенно непонятна целесообразность сплошной полировки

предмета и его довольно малые размеры. Диаметр диска 4,3 см, отверстие, смещенное от центра, имеет диаметр 1,3 см. Ширина узкой (верхней) части кольца 1,1 см, широкой (нижней) части 2 см. Не исключено также, что данное изделие могло быть украшением (нагрудной подвеской), но прямые аналоги этой вещи нам не известны, поэтому окончательное определение ее функциональности остается открытым.

Скребки из кварцита или кремня на основе отщепной индустрии имеют весьма широкие пространственные и временные ориентиры, типичны для многих культур степной и лесостепной Евразии в эпохи энеолита – бронзы. Не исключено, что наш экземпляр (рис. 6, 6) округлой формы, с высоким рабочим краем и крутой ретушью на двух третях всего периметра следует синхронизировать с блоком керамики эпохи средней бронзы, но в большей степени с фрагментом, имеющим черты пережиточного энеолита «алексеевского» типа (рис. 3, 1).

Костяная проколка, представленная фрагментом (рис. 6, 8), также имеет массу аналогий в памятниках энеолита – бронзы нижеволжского региона. Длина сохранившейся части орудия составляет 2,8 см, ее сечение имеет форму неправильного овала с максимальным диаметром 0,7 см. Чаще всего такие проколки (шилья) изготавливались на базе лучевой косточки мелкого рогатого скота.

Наиболее многочисленная группа керамического материала, полученного работами 2012 и 2014 гг., относится к раннему железному веку (рис. 5; 6, 1–4). Это керамика, имеющая ярко выраженный городецко-скифоидный облик, и она была оставлена здесь тогда же, когда в западной части плато были возведены земляные фортификационные сооружения, примерно в VI–V вв. до н. э., но немаловажно, что этот комплекс здесь развивался вплоть до сарматского времени.

Собственно городецкая псевдорогожная керамика представлена только одним фрагментом, это обломок придонной части сосуда, сплошь покрытого прямоугольными ячейками «рогожки» среднего размера (рис. 6, 4). Известно, что на Ахмате рогожная керамика была обнаружена в раскопках начала XX в и получила характеристику в известной работе А.А. Спицына, связавшего такую посуду с памятниками древнефинского типа [Спицын, 1923].

Более широко представлены гладкостенные округлобкие сосуды с высокими, плавно отогнутыми наружу венчиками, отличительной особенностью которых являются горизонтальные ряды пальцевых вдавлений и косых насечек на закраинах (рис. 5, 1, 3, 5, 6; 6, 1–3). По классификации А.П. Медведева это сосуды II типа, которые широко встречаются в лесостепном Подонье, и даже в Днепро-Донском междуречье в скифо-сарматское время [Медведев, 1998; Либеров, 1962; Алихова, 1962; Синюк, Березуц-

кий, 2001; Золотарев, 2004]. Несколько отличны два фрагмента с резко отогнутыми венцами и внутренней реберчатостью (рис. 5, 2, 4), которые А.П. Медведев относит к III типу своей схемы [Медведев, 1998. С. 43–45]. В нижневолжском правобережье подобные сосуды известны на Чардымском II и Алексеевском городищах [Хреков, 2006. С. 159; Малышев, 2008. С. 320–325]. Следует отметить, что ситуация с необходимостью разграничения гладкостенной посуды поволжских городищ на ранний скифоидный и поздний сарматский комплексы представляется довольно спорной. Решить эту проблему можно будет только с обнаружением хорошо стратифицированного памятника, где неоспоримой окажется именно литологическая преемственность определенных керамических типов.

К раннему железному веку предположительно отнесены два глиняных пряслица, фрагмент деревянной обуглившейся втулки и бронзовая бляха, которая может являться деталью пластинчатого доспеха [рис. 6, 9–12].

Прясла различны по формам, но они надежно могут быть помещены в рассматриваемый период. Одно из них, представленное фрагментом (рис. 6, 10), имело цилиндрическую форму с прямым отверстием для веретена. Его диаметр 2,7 см, высота около 2 см. Второе биконической формы, с прямым цилиндрическим отверстием, диаметром по максимальному расширению 3 см и высотой 2,5 см, абсолютно целое (рис. 6, 11). Серия биконических пряслиц известна в материалах Чардымского II городища [Хреков, 2006. С. 160, рис. 3, 16, 18, 19]. Встречены они также в Алексеевке [Малышев, 2008. С. 334, рис. 23, 21], впрочем, автор раскопок Алексеевского городища отнес усечено-биконические прясла к золотоордынскому времени. Подобные спорные ситуации всегда возникают при интерпретации материалов многослойных микшированных памятников. Изделия цилиндрических форм встречаются несколько реже, но в целом они также типичны для поселенческих и погребальных памятников раннего железного века. Фрагмент деревянной обугленной втулки (рис. 6, 12) практически повторяет ту же самую форму низкого цилиндра.

Весьма интересна деталь пластинчатого доспеха (рис. 6, 9), которая обнаружена в составе подъемного материала. Это округло-овальная пластина цветного металла, размерами 3,5 x 3,2 см, раскованная до толщины 1,5 мм, с выпукло-вогнутым профилем и поврежденным коррозией нижним краем. Четыре прошивных отверстия, пробитые изнутри тонким керном, расположены парами на расстоянии 0,5–0,8 см от боковых краев пластины. В исследованиях по типологии пластинчатых доспехов РЖВ изделий, абсолютно подобных нашему округлому варианту, нет. Пластинчатые доспехи скифо-сарматского времени собирались из пластин подпрямоугольных форм с округленным или угловатым нижним краем. При этом отверстия (от двух до

четырёх) под прошву на таких пластинах чаще всего расположены в горизонтальную линию у верхнего края с небольшим смещением в сторону для наложения бокового края на соседний элемент. Характер крепления металлической нашивной пластины на кожаную основу – это принципиальный вопрос, который относится к области ремесленной традиции и возможных случаев ее искажения в варварской среде. Искажения могли возникать в случае необходимости ремонта доспеха, когда на пластинах пробивались дополнительные прошивные отверстия. На нашей пластине с четырьмя отверстиями (рис. 6, 9) заметно, что правая пара ближе к боковому краю, чем левая, и таким образом именно левым краем она накладывалась на соседний элемент. Похожие варианты крепления панцирных пластин четырьмя прошвами известны по материалам сарматских курганов у ст. Казанская и Калиновки [Хазанов, 1971. С. 165, табл. XXX, 5, 12], где хорошо заметно, что первичная схема крепления прямоугольных элементов доспеха поправлена дополнительными отверстиями.

Железный гвоздь (рис. 6, 7) отнесен к средневековому времени. Золотоордынских находок в означенные сезоны было сделано мало, это мелкие неорнаментированные фрагменты стенок красноглиняных и серых сосудов предположительно болгарского и древнерусского типов, а также указанный гвоздь, единственный железный артефакт, представленный в данной публикации. Подобные варианты гвоздей (с широко раскованными и сплюснутыми шляпками) хорошо известны на памятниках Золотой Орды сельского типа. Нижняя заостренная часть стержня гвоздя закручена в спираль. Длина предмета в таком виде составляет 2,8 см, ширина шляпки 1,6 см. Сечение стержня прямоугольное с шириной 0,5 см и толщиной 0,3 см. Чаще всего они встречаются в раскопках городов и поселений Золотой Орды, но также и в погребальных комплексах, как крепеж деталей деревянных гробовищ. Примеров аналогий железным гвоздям с расплюснутыми шляпками множество, но вновь укажем из ближайших памятников Алексеевское городище, где есть ярко выраженный средневековый слой [Мальшев, 2008. С. 334, рис. 23, 4, 5].

Литература:

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113 / Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

Баринев Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Быков В.Ю. Новые археологические памятники в Аркадакском районе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А. Курганный могильник Песковка-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1965 году // Архив ИА РАН. № 3059.

Деревягин Ю.В. Ахматское городище // Новая жизнь. 1965. № 107.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1968 году // Архив ИА РАН. № 3655.

Деревягин Ю.В. Юному туристу – археологу // Изучай родной край и берегай его богатства. М., 1976.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Золотарев П.М. Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Корневский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. 1978. № 2.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. № 113 / Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Маргышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. Саратов, 2003. Вып. 5.

Лопатин В.А. «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012а. Вып. 9.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культуругенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012б. Вып. 10.

Лопатин В.А., Русина А.С. Абашевско-воронежское взаимодействие по керамическим материалам лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2013. Вып. 11.

Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы (по материалам поселений) // Суздаль, 1987.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Малышев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Медведев А.П. III Чертовичское городище (материалы 1-ой половины I тыс. до н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. / Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Миронов В.Г. Очерк истории исследований городищных поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (материалы к археологической карте Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах 1930 года, произведенных в Нижне-Волжском крае проф. П.С. Рыковым // Архив ЛОИА. 1931. № 795.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды ИСТАРХЭТ. Саратов, 1923. Вып. 34.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Хреков А.А. Этнокультурная ситуация в правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н. э. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

Хреков А.А. Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10.

Щеглов С.А. Доклад об Ахматском городище // Труды СУАК. Саратов, 1910. Т. 26.

Щеглов С.А. Поездка на Ахматское городище // Труды СУАК. Саратов, 1912. Т. 29.

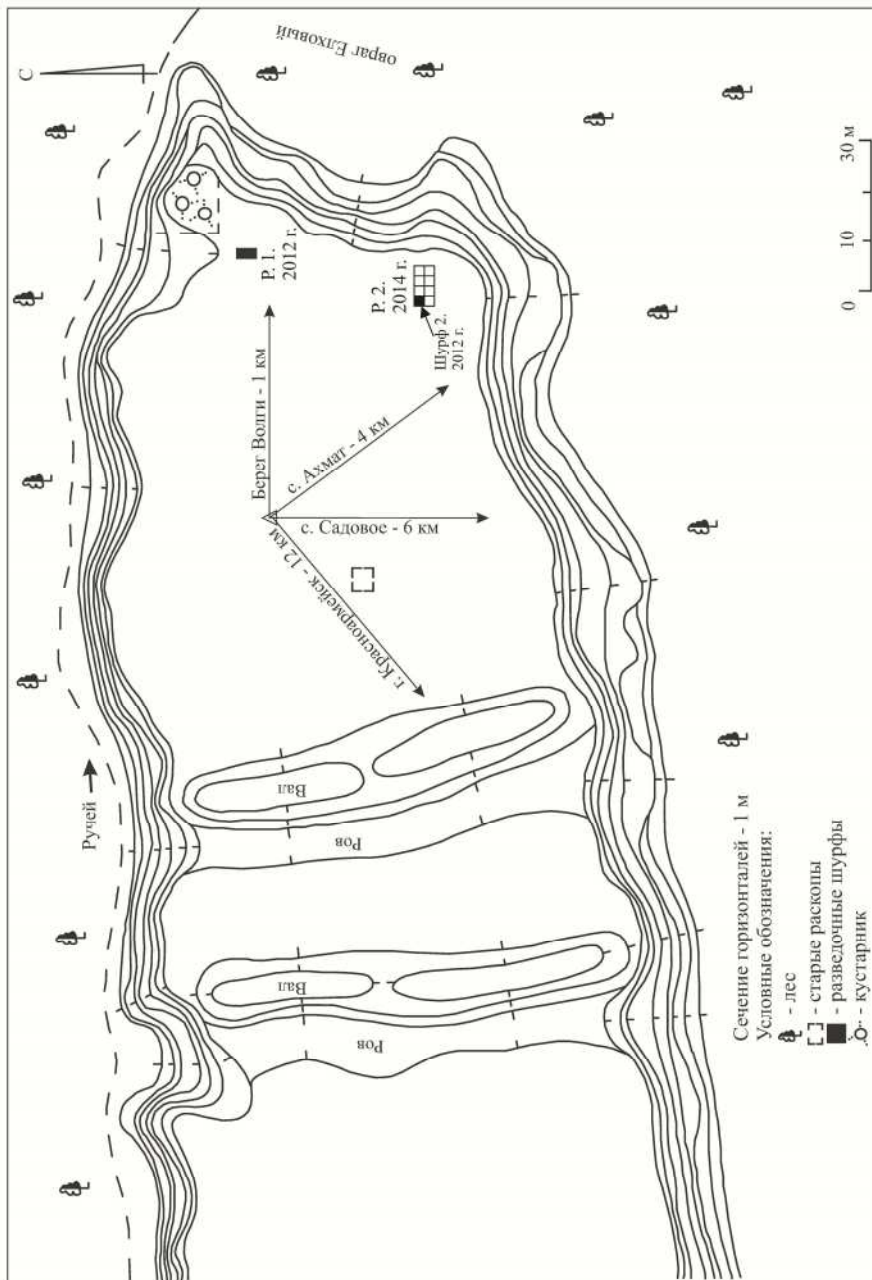

Рис. 1. План Ахматского городища

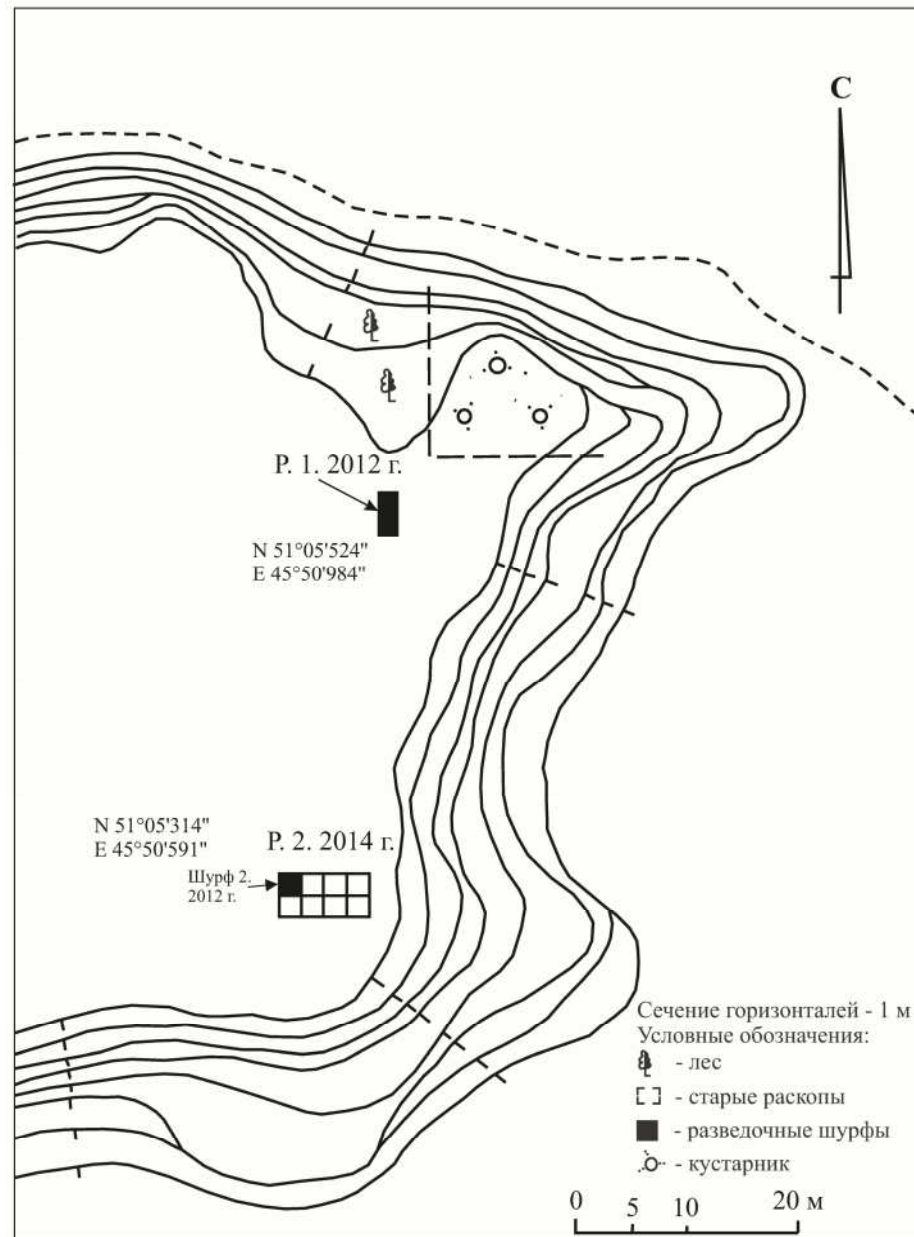

Рис. 2. Восточная часть памятника с раскопами 2012 и 2014 гг.

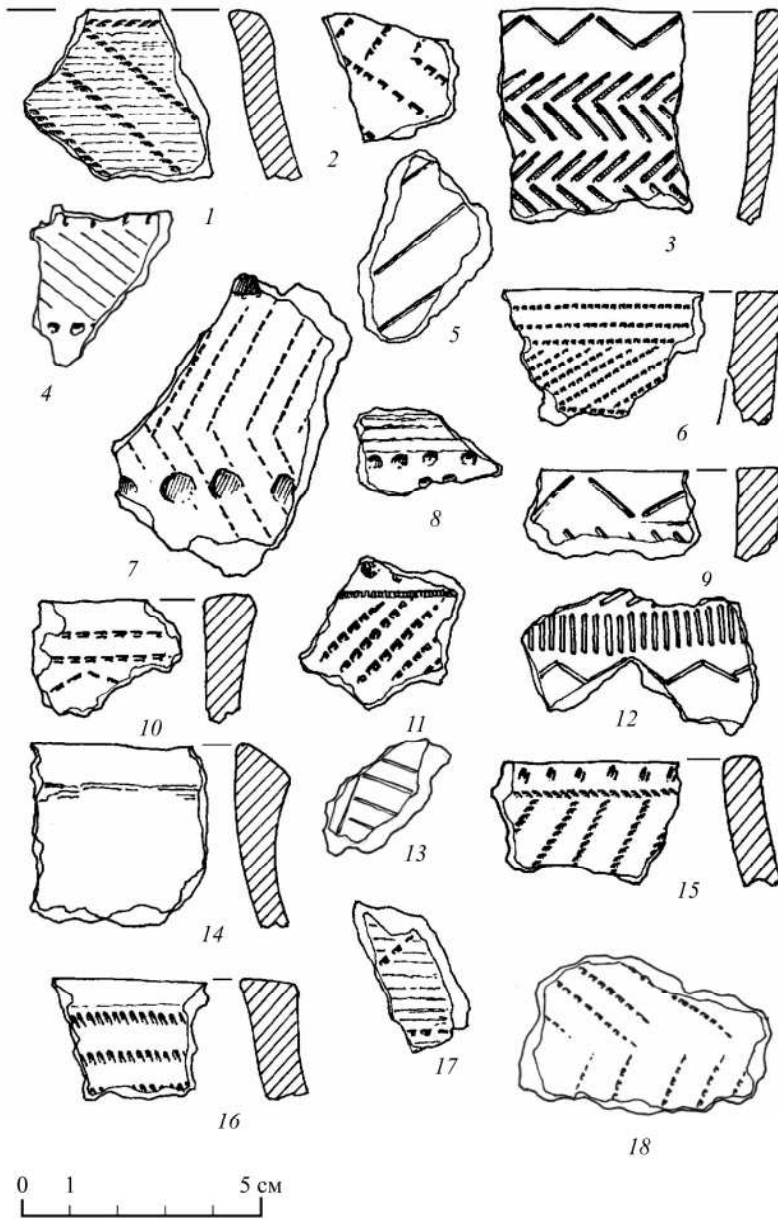

Рис. 3. Керамика эпохи средней бронзы

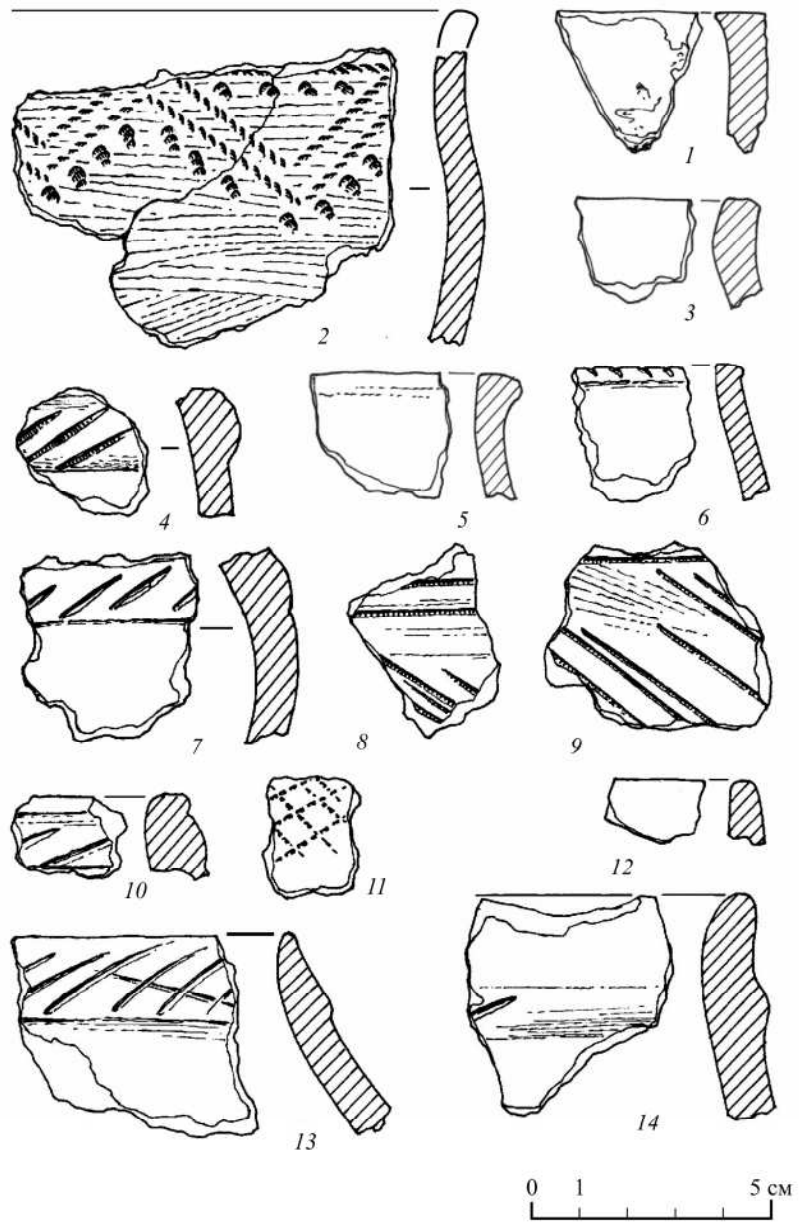

Рис. 4. Керамика эпохи поздней бронзы и финала бронзового века

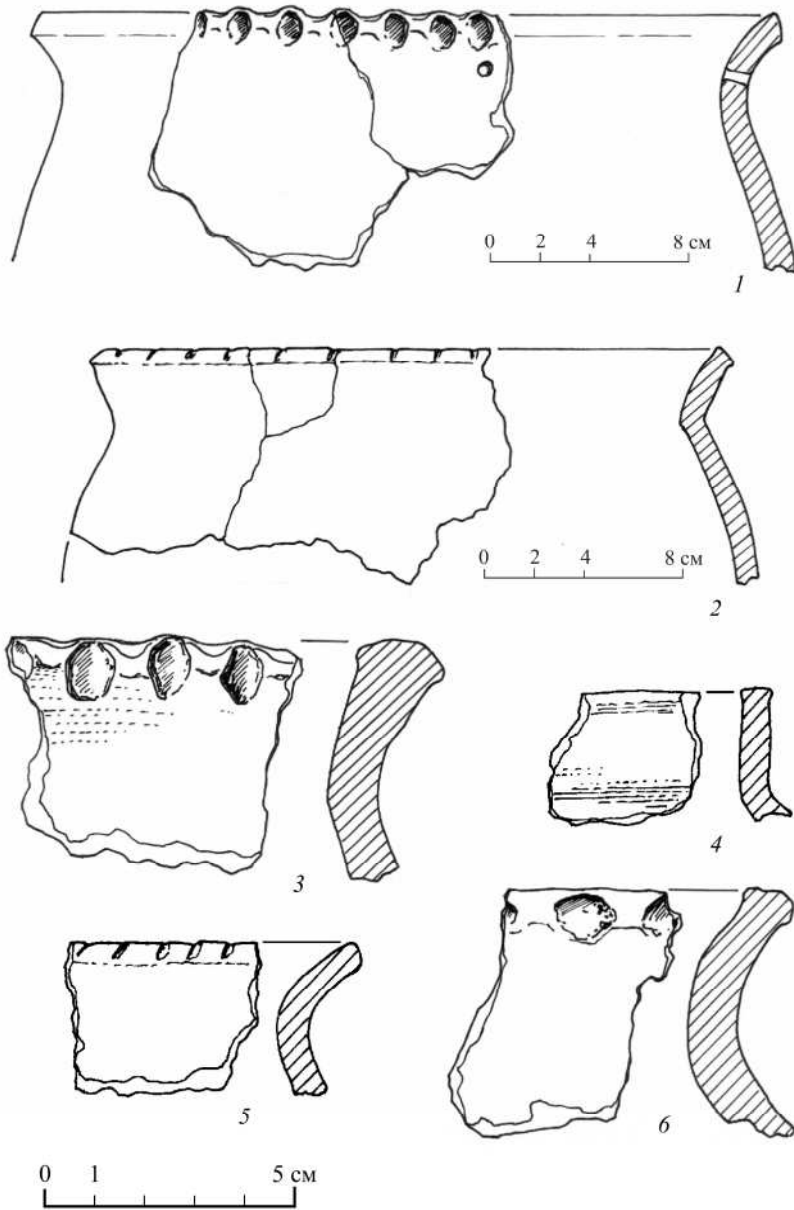

Рис. 5. Керамика раннего железного века

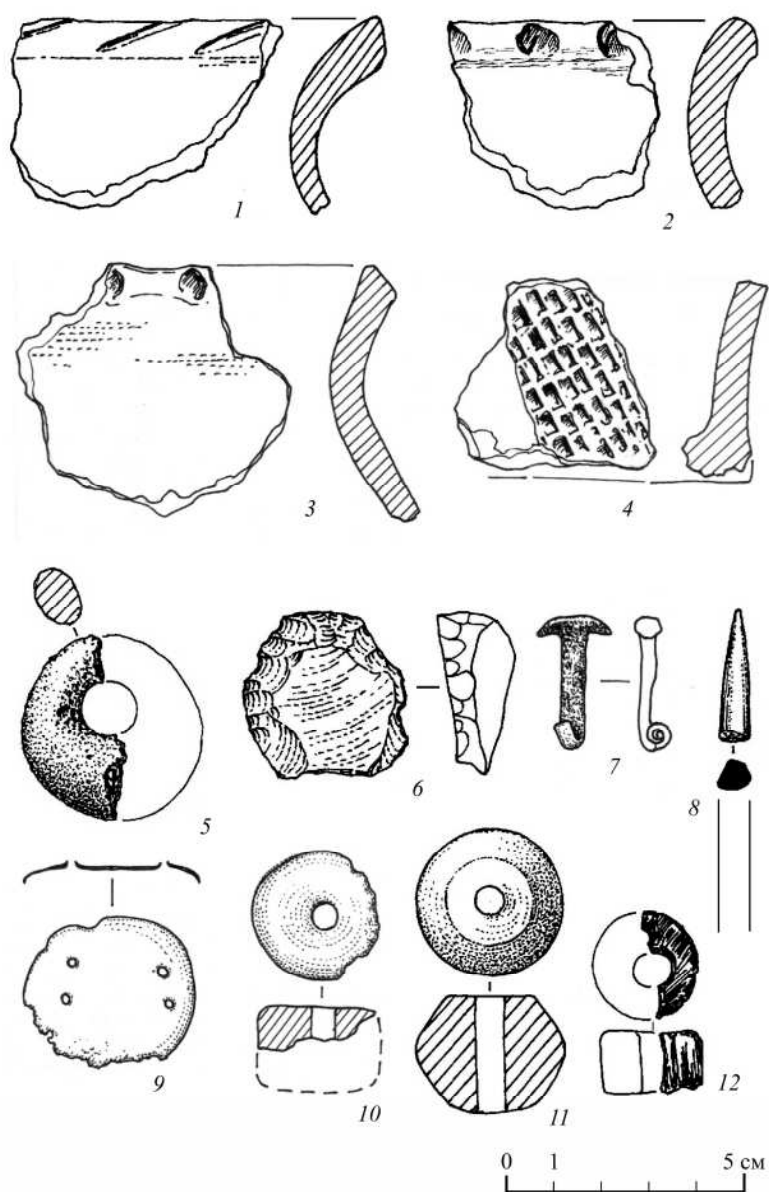

Рис. 6. Керамика раннего железного века (1-4) и вещевой инвентарь.
 5 - камень; 6 - кварцит; 7 - железо; 8 - кость; 9 - бронза; 10, 11 - глина; 12 - древесный уголь

*Лопатин В.А., Леонтьева А.С.,
Четвериков С.И.*

БОГАТЫРЕВСКИЙ КЛАД

В 2011 г. в Лабораторию нижневолжской археологии Института археологии и культурного наследия Саратовского госуниверситета был передан набор древних предметов, изготовленных из цветного металла: серп, нож, тесло, шило и игла, общий вес которых составил 0,426 кг. Согласно устной информации эти вещи обнаружены в одном пункте в виде компактного скопления, недалеко от с. Богатыревка Петровского района Саратовской области, на высокой террасе правого берега р. Медведицы (рис. 1)*. Обстоятельства обнаружения вещей позволяют рассматривать этот набор как предметы единого кладового комплекса. Все изделия находятся в удовлетворительном состоянии. Незначительные проявления продуктов активной коррозии отмечены только на игле и серпе. Внешние поверхности других предметов покрыты тонким слоем благородной патины темно-зеленого цвета. Пластина серпа смята вдвое, очевидно для достижения большей компактности при складировании. Находчик не заметил там обломков глиняного сосуда, в котором могли содержаться металлические вещи. Возможно, при сокрытии предметы клада были помещены в деревянный туес, или завернуты в холстину, и с течением продолжительного времени эти тленные емкости не сохранились.

*Описание предметов***

1. Серп, литой, кованный, с пологим порожком при переходе лезвия к рукояти, которая завершается крюком, отогнутым в сторону спинки (рис. 2, 1).

* Авторы выражают находчику, пожелавшему остаться инкогнито, признательность за безвозмездную передачу этого ценного для археологической науки материала в распоряжение специалистов.

** Основные замеры параметров и порядок каталогизации предметов Богатыревского клада даются по системе, предложенной в своде В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 27, рис. 3].

Первоначально лезвие серпа было заточено с обеих сторон, но позже переточено в средней части на одну сторону, здесь поперечное сечение пластины слегка изогнуто вследствие завершающей односторонней проковки. Сечение рукояти прямоугольное. Носок рабочей части приострен. Длина изделия 25,6 см. Максимальное расширение пластины составляет 5,6 см, высота дуги 6,2 см. Толщина серпа от кончика крюка до окончания лезвия колеблется в пределах 0,2–0,4 см. Вес орудия 316 граммов.

2. Нож литой, кованый, заточенный, со слабо выделенным перехватом (рис. 2, 2). Лезвие обоюдоострое, ромбического сечения, с ребром жесткости. Черешок прямоугольный, с прямой утонченной пяткой. Сечение насада прямоугольное. Общая длина ножа 16 см, длина лезвийной части 9,5 см. Лезвие имеет копьевидную форму, его максимальная ширина у основания 3,2 см. Ширина черешка в средней части 1,5 см. Вес ножа 67,2 грамма.

3. Тесло литое, кованое, с прямым лезвием, заточенным с обеих сторон (рис. 2, 3). Лезвие зазубрено. Форма инструмента клиновидная, боковые грани прямые (пластина суживается от лезвия до окончания насада). Длина изделия 12,5 см. Ширина лезвия 1,8 см. Толщина пластины тесла 0,4 см, ее сечение прямоугольное. Вес орудия 33,5 грамма.

4. Шило с выделенным упором в средней части, кованое из металлического дрота прямоугольного сечения, заточено на рабочем окончании, край насада прокован в виде лопаточки (рис. 2, 4). Длина изделия 8,8 см. Максимальная ширина на упоре 0,6 см, толщина рабочей части 0,3 см. Вес шила 7,6 грамма.

5. Игла швейная, кованая с протягиванием из круглого в сечении тонкого дрота, с заточенным острием (рис. 2, 5). Игольное ушко не сохранилось. Длина изделия 8,8 см, толщина 0,2 см, вес 1,6 грамма.

*Химико-технологические исследования предметов Богатыревского клада** (рис. 3) проведены в лаборатории спектрального анализа на базе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В работе с предметами клада применен рентгено-флюоресцентный энергодисперсный анализ (РФА) на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen Technik) с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. Технологические характеристики изготовления предметов получены с помощью стереомикроскопа (Zeiss Stemi 2000) с увеличением до 150 крат.

* Авторы выражают благодарность старшему научному сотруднику кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова к.и.н. Наталье Валерьевне Ениосовой за помощь в организации и проведении химико-технологического анализа предметов Богатыревского клада.

В ходе анализа установлено, что все предметы клада изготовлены из меди, без искусственных легирующих добавок. Естественными примесями являются Fe и Ni (0,6%). Здесь отсутствуют такие компоненты как Pb, Ag, Mg и As, типичные, к примеру, для серпов Перелобского клада [Максимов, 1972. С. 180]. Данное обстоятельство указывает на очень тщательное рафинирование шихты при изготовлении богатыревских вещей, в результате чего естественные микроконцентрации многих элементов выходили из рудного состава. Концентрации Ni в 0,3–0,5%, близкие богатыревской (0,6%), характерны для волго-камской химической группы [Черных, Кузьминых, 1989. С. 10]. В соответствии с количественными показателями элементарных частиц готового продукта, металл богатыревских изделий можно отнести к уфимско-оренбургским залежам медистых песчаников – богатых окисленных руд западного склона Уральского хребта.

Признаки технологических приемов изготовления и обработки изучены на всех предметах Богатыревского клада.

Серп более других изделий оказался подвержен коррозии, на его поверхности отмечен рыхлый слой окислов, есть также каверны, но вместе с тем некоторые участки имеют хорошую сохранность. Режущая кромка лезвия создавалась методом односторонней проковки на наковальне (рис. 4, 6–7). Зафиксирована краевая трещина (рис. 4, 9), а также два углубления от ударов молотом на внешней стороне серпа рис. 4, 8).

Нож имеет хорошее состояние, на одной его стороне окислов больше, другая чистая. Заготовка отлита, вероятно, в односторчатой форме с крышкой, поскольку одна ее сторона имела контакт с кислородом, что привело к образованию каверн (рис. 4, 3). Другая сторона, примыкавшая к ячейке формы, более гладкая и без явных изъянов (рис. 4, 1, 2, 4, 5). Степень обжата металла увеличивается от продольной оси клинка к режущим краям, очевидно так и велась проковка литой заготовки, но технологический процесс не вполне завершен, края прокованы неравномерно, режущий край неровный. Абразивной полировке подвергалась только одна сторона изделия, на которой не было поверхностных каверн (рис. 4, 1, 2), здесь же отмечена трещина (рис. 4, 4), свидетельствующая об использовании инструмента с динамическим превышением усилия.

Тесло практически не имеет следов коррозии, но некоторые участки его внешней поверхности покрыты рыхлой патиной и почвенными осадениями. Скорее всего, оно отковано из литой заготовки. Следы проковки, идущие наискось, четко видны на всех гранях изделия, нанесенные молотком с рабочей частью небольшого диаметра. Степень обжата металла – прессовка микроструктуры для придания необходимых свойств – увеличивается в направлении к лезвию. Последующая обработка проведена абразивом со сред-

ним размером зерна для ликвидации пор и микровыступов на поверхности. На всех сторонах изделия прослеживаются параллельные линии, нанесенные инструментом типа напильника под углом 40–60° от продольной линии. Есть также разнонаправленные линии, оставленные абразивом, или как результат износа изделия при использовании. Многие линии пересекаются, они как бы наложены в два слоя, вероятно шлифовка проводилась двумя этапами. Об использовании инструмента свидетельствуют краевые микротрещины, а также зазубрины на режущей кромке лезвия.

Шило покрыто тонким слоем благородной патины, есть также рыхлые участки и серые почвенные осадения. Внешняя поверхность ровная и гладкая, следыковки почти не заметны. На всех сторонах имеются параллельные косые линии, нанесенные под углом 45–50°, вероятно шило полировали тем же инструментом, что и тесло. В результате незначительной коррозии образовались трещинки, пересекающие рабочее острие инструмента.

Игла значительно повреждена коррозией, ушко утрачено. Возможно, она была откована из литого дрота методом растяжки, постепенного утончения заготовки и заострения рабочего окончания. Подобная технология реконструирована, к примеру, по материалам Мосоловского поселения [Рындина, Дегтярева, 1989. С. 18]. Протяжка заготовки могла осуществляться также методом проковки в желобке каменной формы с постоянной прокруткой на 360°, чем достигалось уменьшение диаметра дротового стержня. Зафиксированы параллельные линии, идущие вдоль оси изделия, они являются следами шлифовки.

По конструктивным показателям и соотношению основных параметров (максимальные длина и ширина лезвия) серп из Богатыревского клада можно отнести к Волго-Уральской серии подобных изделий с крюками типа Ибракаево, для которых типичны асимметрия спинки и значительная высота дуги до 6 см [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 59]. Учитывая тот факт, что ибракаевские серпы обычно узколезвийные, уместно также обратить внимание на некоторые перелобские варианты, которые близки, богатыревскому экземпляру по показателю ширины лезвия. Вместе с тем устройство и длина рукояти серпов типа Перелоб заметно отличны как от богатыревского, так и от ибракаевских вариантов (они короче, и здесь, как правило, не выделен порожек-уступ при переходе от лезвия к рукояти) [там же. С. 104]. Заметную близость наш серп обнаруживает также с находкой «Херсон II», которую относят к варианту Гарбузовка, входящему в перелобский тип [там же. С. 105, табл. 37, 488].

Учитывая многочисленность и обширность территориального распределения серпов волго-уральской серии, уместно предполагать наличие в ней множества синтезированных вариантов, выделять которые в отдельные типы не имеет смысла. Богатыревский экземпляр, вероятно, представляет собой

как раз такой случай, когда в одном изделии соединились отдельные черты типов и вариантов Ибракаево, Перелюб, Гарбузовка. На графе отличий ибракаевских и перелюбских серпов, по соотношению ширины лезвия и максимальной длины, экземпляр из Богатыревки занимает позицию именно на стыке трех разновидностей (рис. 6), в большей степени тяготея, все же, к ибракаевской зоне.

Основной ареал распространения серпов подобного типа – это широкая территория пограничья степи и лесостепи между Волгой и Уралом, а также Волгой и Доном. На Западе отдельные находки встречаются вплоть до Днепра, на Востоке до Южного Урала. Б.Г. Тихонов связывал данный факт с движением срубных племен из степей Приуралья на запад, в Поволжье, Подонье и Поднепровье, а также на север, в Прикамье и Волго-Окское междуречье [Тихонов, 1960. С. 68].

Обращает на себя внимание такая особенность богатыревского серпа, как односторонняя заточка средней, наиболее изогнутой, части лезвия, что встречается довольно редко. Заметно, что здесь серп был переточен, поскольку прочие его части имеют клиновидное сечение (рис. 2, 1). Случаи перефилеровок режущих граней серпов в литературе не комментировались, а между тем подобные изменения могли означать перевод орудия в плоскость иных, отличных от первоначальных, трудовых операций.

По этому поводу небезынтересно интерпретировать весь комплекс клада, в котором сочетается инструментарий, возможно предназначенный для реализации некой конкретной ремесленной профессии. Несколько странный, с первого взгляда, набор предметов (серп, нож, тесло, шило, игла) – не просто арсенал припрятанных личных вещей. Вполне заметна градация инструментов, предназначенных для различных стадий обработки органических материалов (дерево, кость): первая стадия грубой отески (серп, которым работали как стругом), вторая стадия придания нужной формы (нож, которым удаляли лишнее), третья стадия доработки поверхностей (миниатюрное тесло, которым доводили изделие до конечной фазы), четвертая стадия работы с деталями (шило, игла, которыми наносили разметку, орнамент, перфорации и проводили прочие мелкие операции).

В известных комплексах, где серп представлен одним и более экземплярами, часто присутствуют те же самые вещи. Наиболее интересен клад Odaile Podari, где вместе с серпом Волго-Уральской серии и наконечником копья редкого типа обнаружено абсолютно аналогичное богатыревскому тесло с двусторонней заточкой лезвия и на нет суживающимся черешком [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 317, табл. 107, А].

Набор Лабойковского клада более разнообразен, но и здесь, кроме трех серпов, кельтов, бритвы, имеются также ножи, тесла, иглы и шилья [там же. С. 315, табл. 105].

Весьма примечателен в данном контексте широко известный погребальный комплекс потаповского типа из курганного могильника Утевка VI (6/6), где в общем инвентарном наборе помимо керамики, предметов конской оснастки и вооружения, представлен профессиональный инструментарий. Как элементы знаковой символики эти предметы маркируют, по крайней мере, две прижизненные профессии – мастера-деревообрабочника (серп, нож, тесло, долото, шило) и мастера-маталлурга (два глиняных сопла) [там же. С. 311, табл. 101].

Нож из кладового комплекса Богатыревки представляет собой один из вариантов развитого волго-уральского типа подобных изделий с характерным двусторонним лезвием, намеченным перекрестьем и прямоугольным черешком. Подобные экземпляры появляются уже в покровских комплексах и одновременно ножам с ромбической расковкой черешка, но наибольшее распространение получают в срубное время на очень широкой территории от Поволжья до Приазовья и Северного Казахстана [Синицын, 1947. С. 81, рис. 55; он же, 1959. С. 88, рис. 24, 7; Памятники срубной культуры., 1993. С. 144, табл. 14, 31; табл. 15, 59; Литвиненко, 1999. С. 16, рис. 11, 1]. По классификации Е.Е. Кузьминой наш вариант может быть отнесен к II типу эволюционного ряда ножей с намечающимся перекрестьем. На востоке от Урала подобный тип зафиксирован в Герасимовке и Царевом Кургане [Кузьмина, 1994. С. 427, рис. 29; С. 428, рис. 30, 36, 45].

Особый интерес в богатыревском наборе представляет тесло, у которого очень немного аналогий. Абсолютно геометрическая (в виде вытянутого по вертикали равнобедренного треугольника) форма этого изделия, его малые размеры, двусторонняя заточка прямого лезвия максимально суживают фронт поиска возможных аналогов.

Примерно такую же форму имеет тесло из Odaile Podari, но этот инструмент заметно крупнее, а его полукруглое лезвие секировидно расковано [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 317, табл. 107, 1].

Морфологически наш предмет близок известному изделию из материалов III Алексеевского могильника, которое также должно быть причислено к инструментам деревообработки. Автор раскопок В.И. Пестрикова отнесла это миниатюрное тесло, к срубной культуре, поскольку оно связано с погребением № 17, у которого отмечены соответствующие обрядовые показатели (сильно скорченная левобочная адорация с завалом на грудь, северная ориентировка) [Пестрикова, 1979. С. 106]. Прямые аналогии алексеевскому теслу тогда также не были найдены. Возможно, данное обстоятельство, а также исключи-

тельный поликультурный эклектизм могильника, позволили И.Б. Васильеву включить алексеевское тесло в его вольско-лбищенскую выборку, составленную по материалам Среднего Поволжья [Васильев, 2003]. Между тем не только по морфологии, но и по характеру заточки лезвия и, вероятно, по специфической функциональности это орудие отличается от широких тесел и желобчатых долот эпохи средней бронзы. Скорее всего, такие миниатюрные тесла абсолютно эксклюзивны и предназначены для особых производственных операций. В сравнении с богатыревским изделием алексеевская стамеска несколько уже, а форма ее лезвия также секировидна, кроме того эти два предмета различает заточка лезвия (односторонняя и довольно крутая у алексеевского тесла и двусторонняя пологая у богатыревского). Таким образом, единственным маркирующим элементом остается тип оформления пятки черешка – нисходящий на нет клин.

Все предметы богатыревского клада абсолютно одновременны и относятся к кругу орудий срубного типа. Как ибракаевские, так и перелюбские серии серпов [Максимов, 1972. С. 181; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 16–17, рис. 2], а также ножи волго-уральского типа с прямой пяткой черешка и малые тесла клиновидных форм могут быть датированы в пределах XV–XIII вв. до н. э.

Богатыревский клад предположительно можно связывать с известным на противоположном левом берегу реки поселением Медведицкое 1, на котором исследованиями С.Ю. Монахова и Н.М. Малова в 80-х гг. прошлого столетия были получены керамические материалы позднерубного облика и хвалынской культуры валиковой керамики, а также бронзовый нож аналогичного волго-уральского типа [Монахов, 1985. С. 166–167]. В ближайшей округе другие столь значимые памятники этого времени не известны, поэтому не исключено, что клад был здесь спрятан именно обитателями Медведицкого поселения.

Литература:

Васильев И.Б. Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Урале // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

Максимов Е.К. Перелюбский клад медных серпов // СА, № 2. М., 1972.

Монахов С.Ю. Исследования в Петровском районе Саратовской области // АО. 1983 г. М., 1985.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1-10.

Пестрикова В.И. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. Т. 230.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Результаты технологического исследования металлических изделий Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронежский ун-т, 1989.

Синицын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА, № 60 / Памятники Нижнего Поволжья. Т. I. М., 1959.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА, № 90. М., 1960.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения Срубной общности. Воронежский ун-т, 1989.

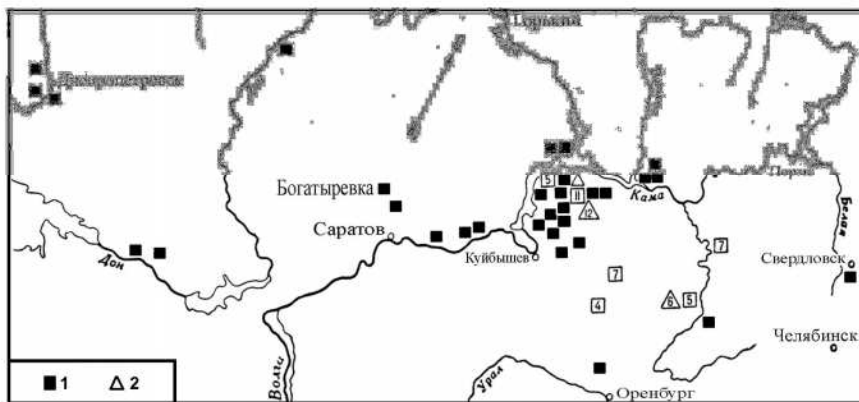

Рис. 1. Местонахождение Богатыревского клада (1).
Карта распространения серпов срубного типа (Ибракаево, Перелюб).
Волго-Уральская группа. (По Б.Г. Тихонову. Табл. XXI. 1 - срубные серпы,
2 - к срубному типу отнесены предположительно) (2).

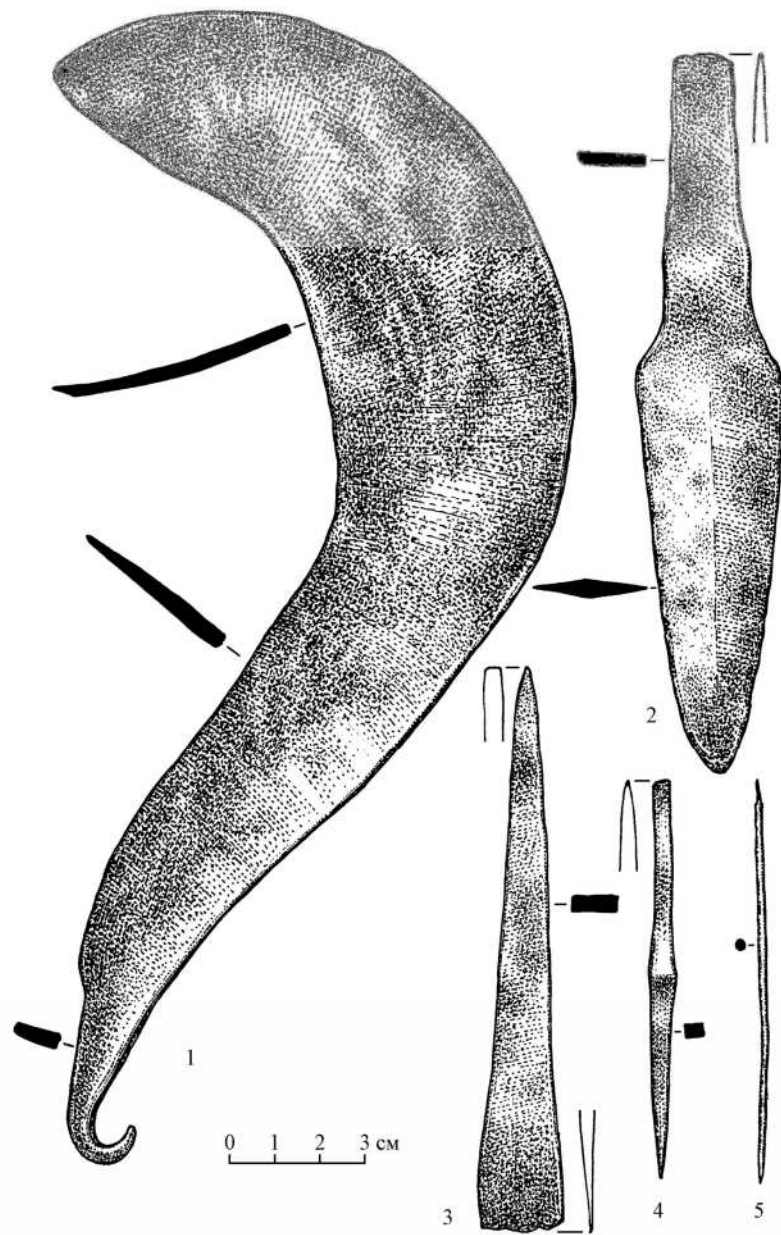

Рис. 2. Медные орудия из Богатыревского клада

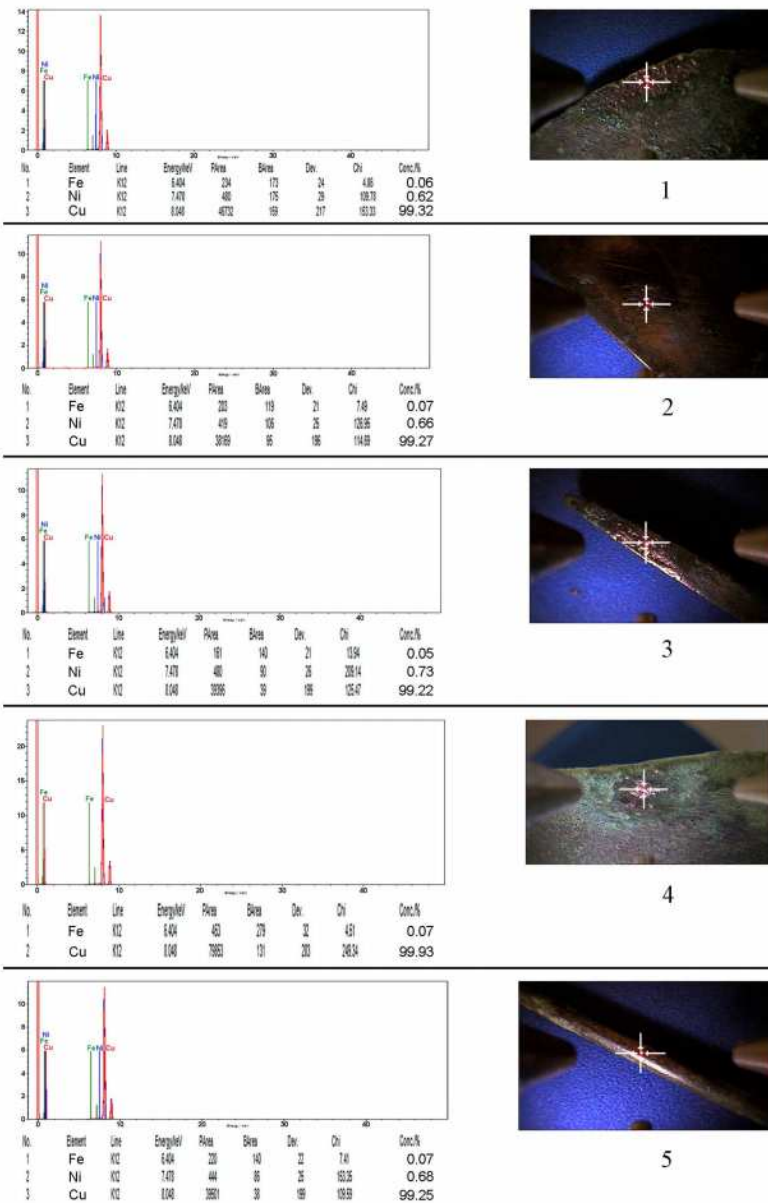

Рис. 3. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) нож (1), тесло (2), шило (3), серп (4), игла (5)

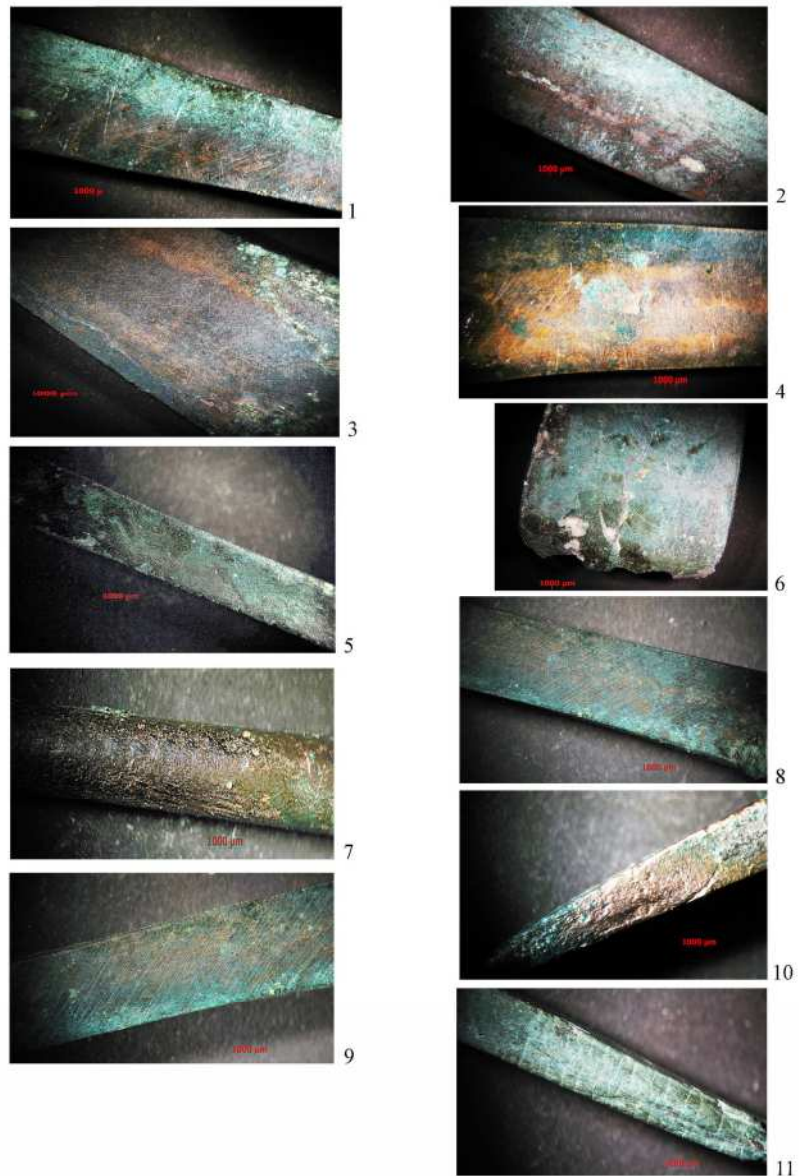

Рис. 4. Следы технологических операций на изделиях (при помощи стереоскопа Zeiss Stemi 2000): тесло (1-6), игла (7), шило (8-11)

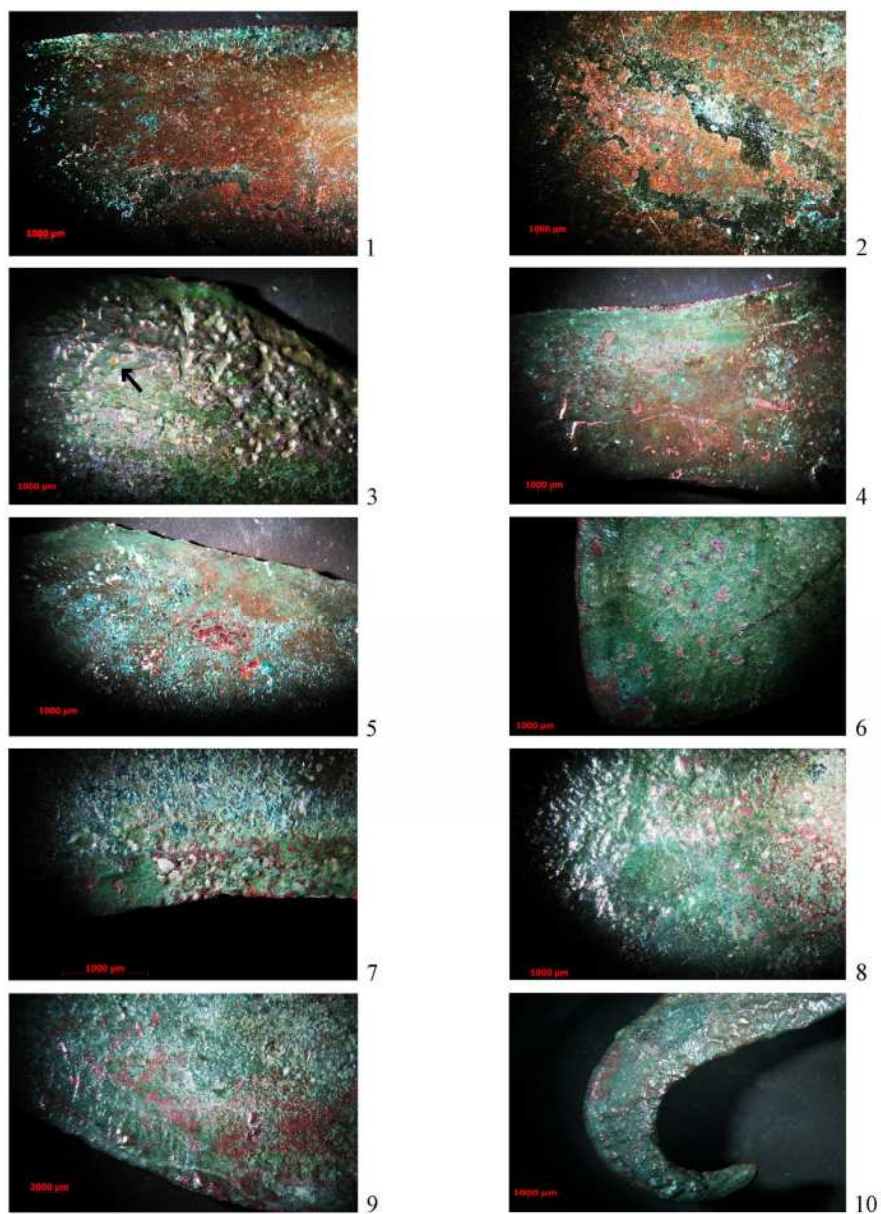

Рис. 5. Следы технологических операций на изделиях
(при помощи стереоскопа Zeiss Stemi 2000): нож (1-5), серп (6-10)

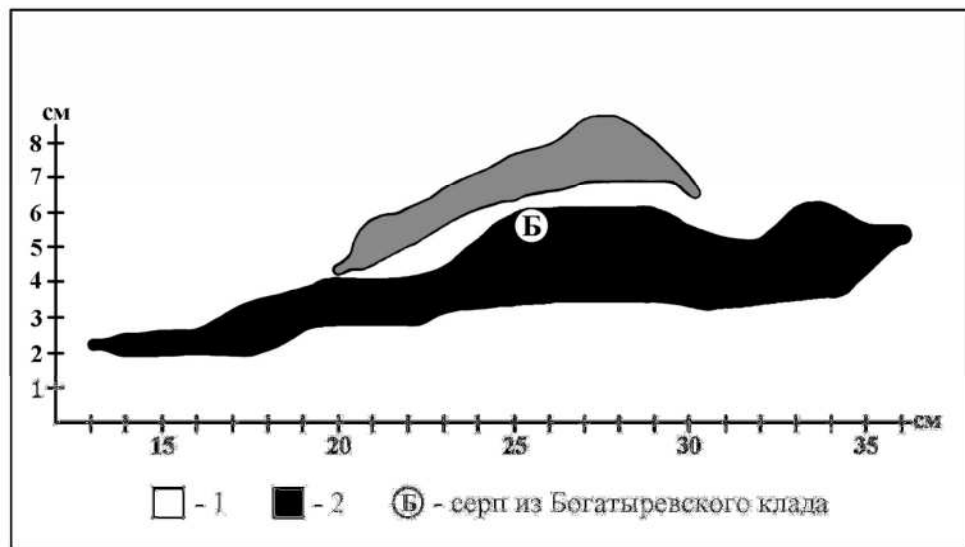

Рис. 6. Серп из Богатыревского клада на схеме соотношений серпов типа «Ибракаево» (1) и «Перелоб» (2) (По В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву. Рис. 13)

Малов Н.М.

КОВАНЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ НАЧАЛА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КУРГАНА БЛИЗ ХУТОРА ГОТОВИЦКОГО

Весной 2012 г. пастух из села Свинцовка А.И. Денисов обнаружил на кургане около хутора Готовицкого кованый наконечник копья эпохи поздней бронзы с остатками древка во втулке. Осенью этого же года место находки было осмотрено К.Ю. Моржериным – заведующим отделом археологии Саратовского областного музея краеведения, куда поступил на хранение наконечник (СМК 76617 / АРХ 32066) и фрагменты керамики (НВСП 47961, 47962). При осмотре местности выяснилось, что здесь находится группа, состоящая из двух задернованных курганов, которые ранее распахивались. Курганы расположены у подножья водораздельной гряды небольших рек Елшанка и Верхний Курдюм, относящихся к бассейну Волги, по левому берегу первой из них, в 1,4 км к западу от южной окраины дачного массива хутора Готовицкого Саратовского района Саратовской области (рис. 1). Территория района расположена на Приволжской возвышенности.

Бронзовый или медный наконечник копья найден у отверстия обитаемой норы сурков, на южной поле кургана, диаметр которого по глазомерной съемке 26–28 м, высота 0,4 м. В стенке хода норы виден материковый выкид мощностью около 30 см. Кроме наконечника пастухом здесь также подобраны фрагменты лепной керамики эпохи поздней бронзы: две орнаментированных боковинки и часть днища (рис. 12). Восточная кромка полы кургана, где найден наконечник и керамика, соприкасается с насыпью второго кургана диаметром 20 м, при высоте менее 0,2 м.

Фрагменты керамики. Два орнаментированных обломка боковинок от округлобокого лепного сосуда с примесью шамота, внешняя поверхность светло-коричневая, внутренняя – серая (рис. 7). По шейке нанесены две горизонтальные параллельные линии, ниже которых – двойной гребенчатый зигзаг.

Последний выполнен мелкозубчатой гребенкой, встречаемой как на покровской, так и на покровско-срубной керамике начала эпохи поздней бронзы. Третий фрагмент представляет собой обломок от плоского днища с придонной частью. Примесь в тесте и цвет поверхности днища аналогичны боковинкам. Поэтому можно полагать, что все три фрагмента относятся к одному сосуду (рис. 12).

Кованый наконечник копья (рис. 2–6). Общая длина наконечника 27,5 см, длина пера 16,5 см, глубина втулки 11 см. Максимальная ширина пера 5,3 см, сечение его стержня ромбическое, конец – острый. Втулка наконечника разомкнутая, около основания пера имеет внешний диаметр 2 см. К древку втулка расширяется. Ее внешний диаметр на конце 3,2–3,3 см, а внутренний – 3 см. То есть, вставлявшаяся во втулку часть заостренного деревянного древка в этом месте имела диаметр также 3 см. Во втулке имеются два отверстия овальной формы диаметром 0,6 x 0,4 см и 0,7 x 0,4 см, расположенные на расстоянии 2 см выше ее края.

Они предназначались для прохождения через них одного шнура или узкого ремешка, стягивавшего основание втулки с древком. След от этого, вероятно, кожаного шнура-ремешка четко отпечатался только на части внешней поверхности между отверстиями через прорезь. Такой же след – отпечаток идет от каждого из отверстий внутри втулки, но уже по направлению к ее концу. Это позволяет заключить, что конец шнура крепления сначала вставлялся снизу во втулку. Затем через одно из отверстий он выводился на внешнюю поверхность и продевался через другое отверстие опять наружу к ее концу. В результате два конца одного шнура оказывались снаружи, что позволяло стянуть втулку в районе прорези около того места, где вставлялось деревянное древко. Таким образом обеспечивалось надежное соединение наконечника копья с его древком. После использования этого оружия оно разбиралось, ремень крепления вытаскивался и наконечник копья снимался с древка.

Архаичные кованые, а не литые, наконечники копий такого типологического разряда встречаются в захоронениях древних лидеров покровской археологической культуры первой фазы позднего бронзового века Нижнего Поволжья, когда военный фактор играл существенную роль в культурогенезе, экономике и социогенезе [Малов, 1999. С. 240–249; он же, 2003. С. 212. рис. 6; он же, 2012, С. 96–97; Malov, 2002. S. 314–336]. В связи с реконструкцией способа крепления публикуемого копья обратим внимание на погребение № 2 из кургана № 15 ближе всего расположенной юго-восточной Покровской группы, где обнаружен наконечник данного разряда (рис. 8–10). Тем более что аналогичный готовицкому след от шнура, очень узкого ремешка между двумя отверстиями, четко виден на фото наконечника копья из данного ком-

плекса, исследованного и опубликованного П.С. Рыковым [Rykov, 1927. Abb. 23].

Дополнительное изучение этого покровского копья, хранящегося в СОМК, позволяет заключить, что между отверстиями на втулке сейчас хорошо заметна желобчатая потертость, расположенная там же, где и след от шнура на готовицком экземпляре. Вероятно, такая потертость образовалась из-за многократной необходимости снимать покровский наконечник с древка, практиковавшейся достаточно длительное время. Кроме того, внутри втулки около одного отверстия просматривается плохо сохранившийся след – отпечаток светлого очертания, аналогичный готовицкому. Можно полагать, что такой способ крепления наконечников к древкам копий бытовал в покровской культуре. Примечательно, что мастера-оружейники синхронного блока культур Волго-Уральского очага культурогенеза также широко применяли шнуры и узкие ремешки из кожи. Например, кожаные ремни использовались для крепления бронзового кованого наконечника дротика с разомкнутой втулкой и наконечника копья к древкам из синташтинского кургана Халвай 3, датируемого по результатам дендрохронологического и радиоуглеродного анализов XXI–XVIII вв. до н. э. [Шевнина, Логвин, 2013]. Можно полагать, что в Готовицком кургане находится погребение покровской культуры, откуда и происходит кованый бронзовый наконечник копья с разомкнутой втулкой.

Литература:

Малов Н.М. Копья-знаки архаичных лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск, 1999.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12. Саратов, 2012. Вып. 1.

Шевнина И.В., Логвин А.В. О реконструкции крепления бронзовых и каменных изделий к рукоятям и древкам (по материалам синташтинского кургана Халвай 3) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013.

Malov N.M. Spears – Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millen-

nium BC. Regional Specifics in Light of Global Models. Journal of Indo-European Studies Monograph Series. Volume I. Washington: Institute for the Study of Man Inc. 2002. No. 45 - Volume I. S. 314-336.

Рыков Р. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga // ESA. Helsinki. 1927. I. S. 51-84.

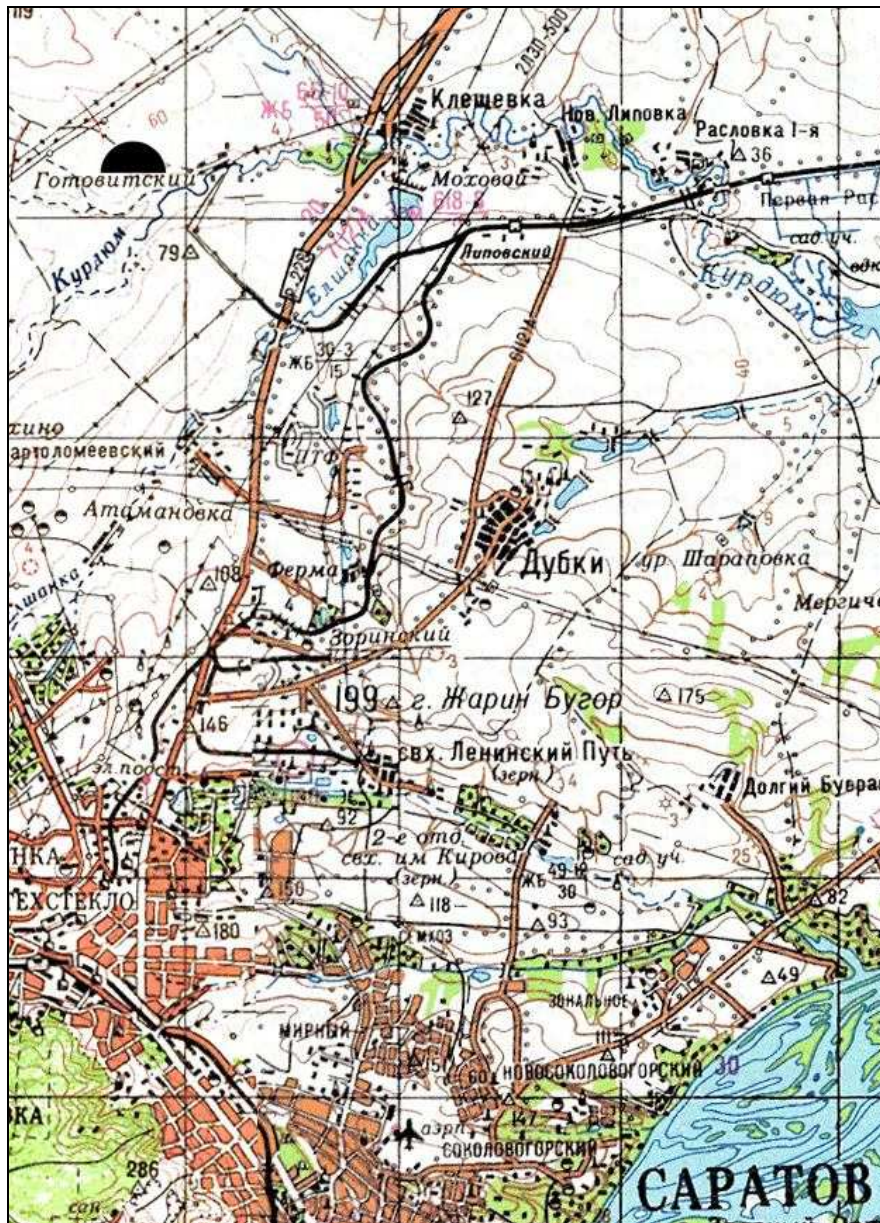

Рис. 1. Место расположения Готовицких курганов на карте Саратовской области

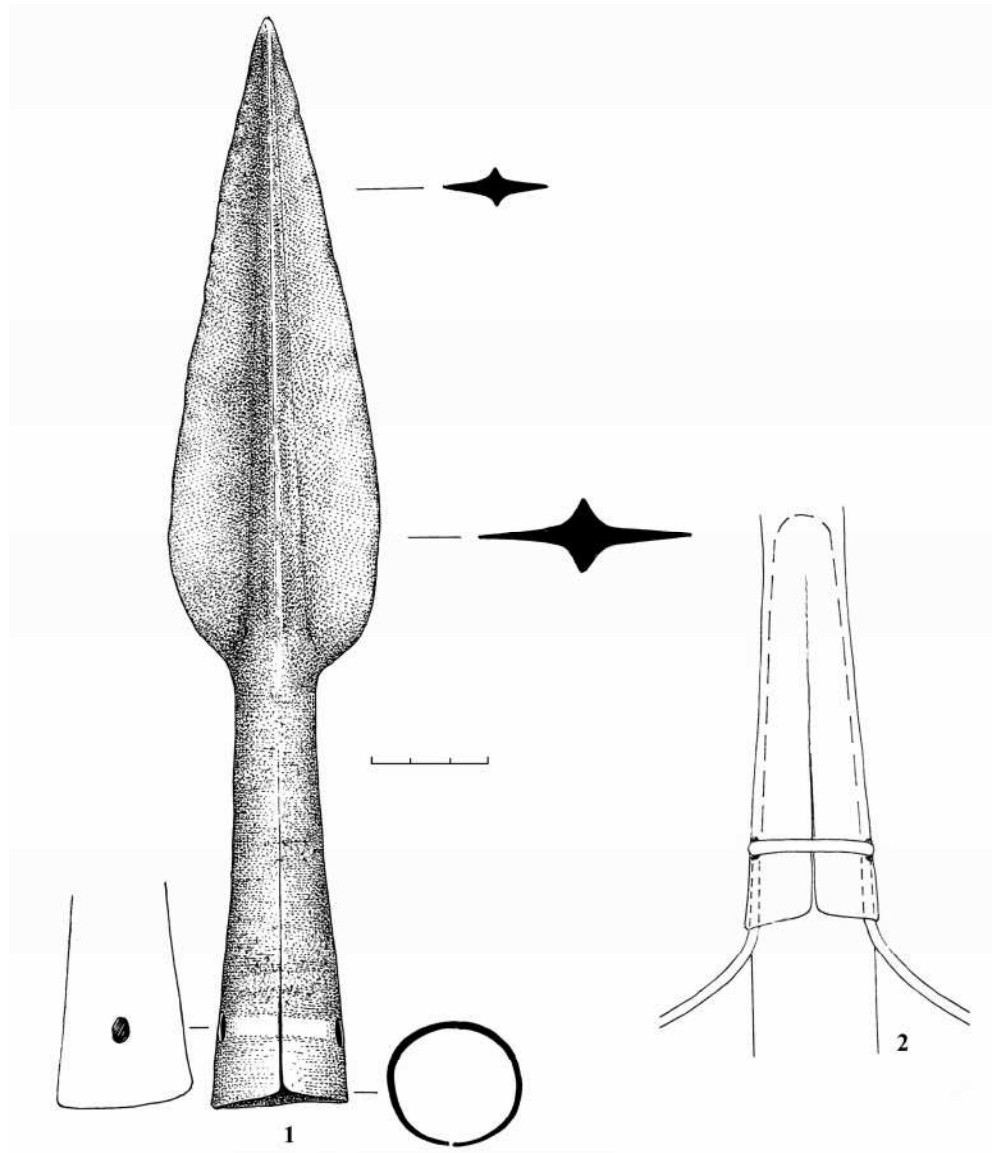

Рис. 2. Бронзовый наконечник копья из Готовицкого кургана
и реконструкция крепления ремешка через отверстия

Рис. 3. Бронзовый наконечник копья из Готовицкого кургана

Рис. 4. Деталь внешней поверхности Готовицкого наконечника копья со следами от ремешка между отверстиями около конца втулки

Рис. 5. Отпечаток ремешка около отверстия на внутренней поверхности конца втулки Готовицкого наконечника копья

Рис. 6. Деталь внутренней поверхности конца втулки Готовицкого наконечника копья с отпечатком ремешка около отверстия

Рис. 7. Фрагменты орнаментированной керамики из Готовицкого кургана

Рис. 8. Деталь втулки бронзового наконечника копья со следами от ремешка между отверстиями. Курган 15, погребение 2, юго-восточная группа, Покровск

Рис. 9. Бронзовый наконечник копья. Курган 15, погребение 2, юго-восточная группа, Покровск

Рис. 10. Бронзовый наконечник копья со следами от ремешка на конце втулки между отверстиями. Курган 15, погребение 2, юго-восточная группа, Покровск

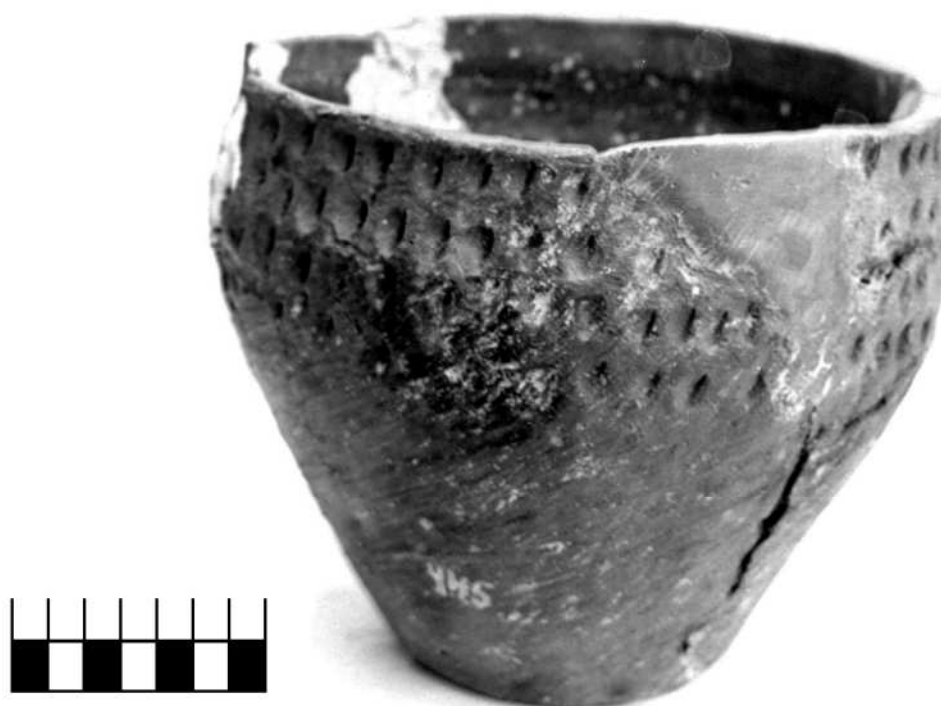

Рис. 11. Лепной сосуд покровской культуры. Курган 15, погребение 2, юго-восточная группа, Покровск

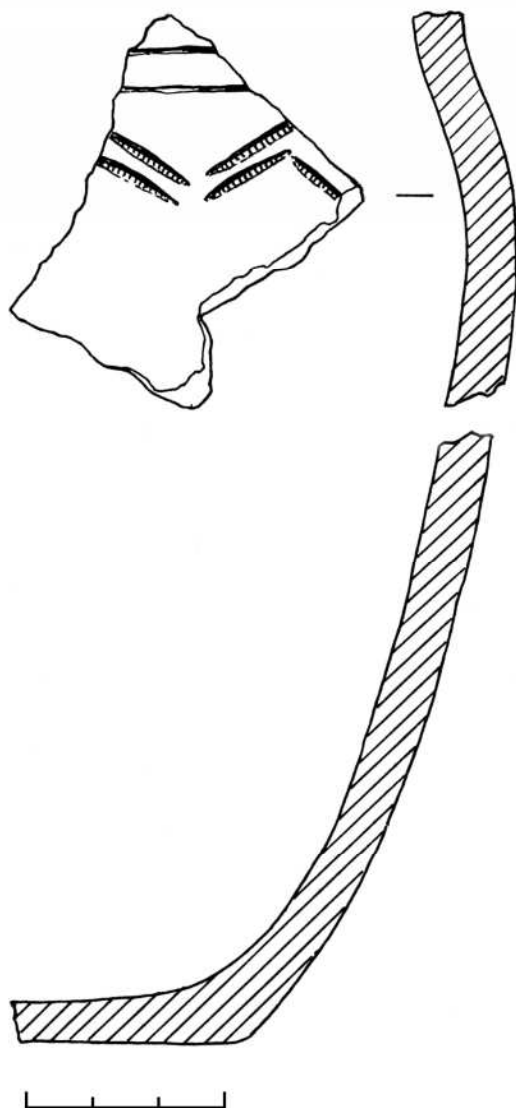

Рис. 12. Фрагменты керамики эпохи поздней бронзы из Готовицкого кургана

З А М Е Т К И

Бочкарев В.С.

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

В археологии, как и во всякой другой науке, классификация играет огромную роль. Она является той основой, на которую опираются при изучении материала по существу. В этой связи достаточно вспомнить, что первая парадигма археологии («система трех веков») является ни чем иным, как группированием ископаемых артефактов, согласно технологическому критерию. С помощью классификации удается не только упорядочить материал, привести его в некую систему, но и сконцентрировать рассеянную в нем информацию в немногих таксонах. Эти последние составляют аналитический ряд археологии и входят в систему основных понятий археологии [Бочкарев, 2010. С. 28–32].

По мере развития археологии роль в ней классификации постепенно, но неуклонно возрастала. Это было вызвано как усложнением задач нашей науки, ее понятийного аппарата, так и колоссальным ростом материала. В современной археологии классификация стала обязательным этапом в процедуре исследования [Клейн, 2012. С. 246–268]. Однако и сейчас это требование признают не все археологи. Между тем они также не могут обойтись без классификации своих материалов. Но эта операция производится ими на подсознательном, интуитивном уровне. Разумеется, что само по себе это не означает, что все результаты, полученные таким путем, являются ошибочными. Отнюдь нет. Многие из них сыграли важную роль в развитии некоторых разделов археологии. В качестве примера сошлюсь на классификацию мечей эпохи викингов, предложенной в 1919 году Я. Петерсоном [Петерсон, 2005]. Несомненно, что и в дальнейшем интуиция сохранит свою огромную роль в ар-

¹ Текст выступления на заседании методического семинара. ИИМК РАН 21 мая 2014.

хеологии [Шер, 1970. С. 8]. Вместе с тем, она порождает ряд проблем, которые особенно сильно проявляются в области систематики. Одна из них состоит в том, что интуитивные классификации невозможно верифицировать и воспроизвести. Особенно это актуально для ошибочных классификаций. Оставаясь не проверенными, они создают тот научный балласт, от которого трудно избавиться в течение длительного времени. Поэтому в современной археологии предпочтение отдается научным классификациям, принципы и критерии которых изложены ясно и не противоречиво.

Как известно, единой универсальной классификации в природе не существует. Один и тот же археологический материал может быть сгруппирован по-разному в зависимости от целого ряда условий. Эта множественность обусловлена культурологической природой самого археологического материала. Он содержит разнообразную и разнородную информацию (культурологическую, историческую, этнографическую, социологическую и т. д.), которую можно извлечь отдельно, используя разные виды классификации.

Все классификации принято делить на искусственные и естественные. Первые из них имеют служебный, прикладной характер. Они обычно вырабатываются чисто эмпирическим путем. Они как бы искусственно, извне, накладываются на материал и особенно не считаются с его внутренней структурой. Несмотря на это, некоторые из них бывают очень полезными. По мнению ряда исследователей (М. Мальмер, Е. Колпаков и др.) только такие классификации и возможны в археологии. Но большинство современных археологов, видимо, придерживаются противоположной точки зрения. Они верят, что археологический материал, как и вся культура, имеет некую внутреннюю упорядоченность, которую можно открыть, хотя бы частично, с помощью классификации. Такого рода классификации относят к разряду естественных. Предполагается, что, в отличие от искусственных, они должны быть безупречны в логическом отношении и иметь объективный характер.

В современной археологии основными классификационными единицами являются признак, тип и культура. Они входят в общую систему понятий нашей науки. Их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга и вне указанной системы [Бочкарев, 2010. С. 28–32]. Все эти понятия возникли в результате длительного развития нашей науки. Тем не менее они и сейчас являются предметом дискуссии. Некоторые представители процессуальной археологии пытались даже от них полностью отказаться. Они предложили новую парадигму, которая, однако, не прижилась в археологии Старого Света. Но, как ни странно, лучше всего традиционную систему археологических понятий удалось изложить Д. Кларку [Clarke, 1968], одному из самых ярких представителей «новой археологии» в Англии. В данной работе мы, в основном, ориентируемся на

дефиниции этого автора. Правда, в них был внесен целый ряд поправок и дополнений [Бочкарев, 2010. С. 28–32, Клейн, 1991. С. 34–63, 125–231].

Подобно виду в биологии тип является самым распространенным понятием в археологии. Можно уверенно утверждать, что целью большинства археологических классификаций является открытие новых типов. Их нередко называют типологическими классификациями или просто типологиями, что, конечно, не вполне верно. Но, в отличие от вида, тип не имеет четких таксономических критериев. В классификационной иерархии его трудно отличить от выше и ниже стоящих таксонов. Это порождает сложную проблему идентификации типа в рамках той или иной классификационной схемы. В свое время ее пытался решить В.А. Городцов [Городцов, 1927. С. 6], а позднее Е.Н. Черных [Черных, 1970. С. 52; 1976, С. 64–65]. Но очевидно, что выход нужно искать не на формальном, а на содержательном уровне. Типом можно признать только тот таксон, в котором полнее всего сконцентрирована искомая информация, и содержание которого лучше всего отвечает поставленным целям.

С методической точки зрения для выделения типов необходимы три минимальных условия: 1) достоверная выборка материала; 2) отбор типобразующих признаков; 3) выбор адекватного метода классификации. В общем плане отбор материала, конечно, предопределяется целями исследования, а также рядом других, более частных факторов. Кроме того, обязательной предпосылкой классификации является отбор однофункциональных артефактов, изготовленных из одного и того же вещества. Это обстоятельство особенно подчеркивал В.А. Городцов. Напомню, что согласно его определению тип в археологии – это собрание предметов, схожих по назначению, веществу и форме [Городцов, 1927. С. 6]. Достоверность выборки и ее пригодность для решения поставленной задачи устанавливается с помощью методов критики источников. К сожалению, необходимость такой критики признается далеко не всеми исследователями. Между тем это необходимый и обязательный этап работы [Клейн, 2012. С. 167–222]. Нельзя приступать к классификации, не убедившись, что ваш материал надежно документирован и обладает как потенциальными, так и реальными возможностями для достижения поставленной цели.

Следующие этапы работы включают в себя выбор метода классификации и селекцию признаков. Начнем с последнего пункта. Одно время в литературе было широко распространено мнение, что необходимо учитывать максимальное количество признаков. Но, как показал опыт использования нумерической таксономии, это не гарантирует успех и всегда является очень трудоемким делом. Для открытия полноценных типов важно не количество учтенных признаков, а их качество. Другими словами, необходимо выделить

значимые или, как часто говорят, типобразующие признаки. Иногда определяющим является их комбинация. Это особенно актуально при политетическом распределении признаков. Такие признаки или их сочетания не могут быть выявлены механически путем. Это задача может быть успешно решена только тогда, когда материал изучен и описан, выделены его характерные особенности. Как подчеркивал В.Я. Пропп, классификации должны предшествовать длительная подготовительная работа [Пропп, 1976. С. 34]. Кроме личного опыта необходимо также учитывать знания, накопленные всем научным сообществом. Так, например, благодаря работам целого ряда исследователей было установлено, что для классификации металлических серпов эпохи бронзы важнейшее значение имеют признаки, связанные с формой крепления рукоятки орудия, степенью кривизны его клинка и его размеры [Дергачев, Бочкарев, 2002]. Такого же рода нормы были установлены для фибул, булавок, кельтов и т. д.

К избранному признаку может быть предъявлено несколько требований. Согласно В.Я. Проппу он должен отражать существенные стороны явления, быть постоянным, а не изменчивым, кроме того, его необходимо очень четко сформулировать [Пропп, 1976. С. 41–42]. Последнее требование следует распространить и на сам тип. Каждый тип должен иметь четкое словесное определение, исключающее возможность различного толкования. Здесь также необходимо сказать несколько слов о значении терминологии. К ней нельзя относиться пренебрежительно. Она играет гораздо большую роль, чем обычно предполагают. Существует некая магия терминов. Поэтому желательно, чтобы каждый признак и тип были названы точно, коротко и выразительно.

В распоряжении современной археологии имеется достаточно большое количество методов классификации материала. Со второй половины прошлого века все большее и большее распространение получают статистические методы. Они пригодны для работы как с большими, так и малыми выборками материала. В этом смысле их можно считать универсальными. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что особенно они эффективны в тех случаях, когда признаки имеют политетическое распределение. Устойчивое сочетание признаков надежно устанавливается как с помощью корреляционных графиков и таблиц сопряженности, так и посредством различных математических формул. С помощью последних рассчитывается сила связей признаков и степень сходства артефактов и т. д. [Каменецкий, Маршак, Шерр, 2013. С. 58–94].

Но большинство археологов продолжают использовать аристотелев или логический метод классификации. Он более всего пригоден для тех материалов, в которых распределение признаков имеет монотетический характер. Эта классификация является разновидностью группирования «по сходствам и различиям, оперирующая с классами и удовлетворяющая всем логическим

правилам деления объема понятий, то есть: а) построенная на едином основании (по единому критерию деления); б) соблюдающая единую для всех частей материала иерархию (применяющая ко всем частям материала одну и ту же шкалу распределения ячеек по рангам, хотя бы и при разных критериях деления материала; в) исключающая попадание какого-либо объекта сразу в две однопорядковых (одноранговых) ячейки; г) охватывающая каждой ячейкой все подразделения этой ячейки (каждым классом – все его подклассы) и в конечном счете всеми ячейками (классами) – весь материал (всю совокупность объектов)» [Клейн, 1991. С. 365]. Эти правила построения классификации должны неукоснительно соблюдаться, что, конечно, происходит далеко не всегда. Особенно часто они нарушаются при делении объема понятий. В этой связи следует напомнить, что на одном и том же уровне классификации можно воспользоваться только одним из трех возможных приемов деления: по наличию или отсутствию одного и того же признака, по разновидностям одного признака, по исключаяющим друг друга признакам [Пропш, 1976. С. 43]. Смещение этих приемов совершенно не допустимо.

Логическая классификация обычно приобретает вид дендрограмм. Чаще всего они имеют от двух до пяти уровней. Все эти уровни имеют значение и должны быть каким-то образом обозначены. Как правило, используются буквенно-цифровые индексы. Каждый из них демонстрирует различную степень сходства материала. У ниже стоящих уровней оно больше, чем у вышестоящих. Вместе с этим изменяются численность таксонов и их популяций. В целом, все уровни и таксоны такой древовидной классификации составляют некую иерархическую систему, в которой тип является ее неотъемлемой составной частью. По этой причине его нельзя рассматривать совершенно изолированно.

Следующим важнейшим классификационным понятием археологии является культура. Если следовать определению Д. Кларка, то для ее выделения необходимы два неперенных компонента – типы артефактов и их комплексы. Последние нужны для того, чтобы выделить статистически устойчивые комбинации типов. Для решения этой задачи подходят только замкнутые комплексы (погребения, клады и т. д.) и в худшем варианте – полузамкнутые (так называемые чистые слои поселений, материалы с пола жилищ и т. д.). Культуры, в которых отсутствуют такие комплексы, являются искусственными конструкциями. Они представляют собой агрегаты субъективно подобранных признаков [Бочкарев, 2008. С. 569]. Кроме того, следует подчеркнуть, что не все замкнутые комплексы пригодны для выделения археологической культуры. Оказывается, некоторые из них не могут представлять ее достаточно полно и адекватно. К числу таковых относятся, например, клады металлических изделий. Это столь специфический материал, что он соответствует не

всей культуре, а только одной из ее фракций. На его основе могут быть выделены очаги металлопроизводства, но не археологические культуры. С историковедческой точки зрения более универсальный характер имеют погребальные и поселенческие памятники. По этой причине они и составляют основной фонд материала археологической культуры. На их базе она и выделяется. Другие данные играют лишь вспомогательную роль, хотя они бывают очень значимы для общей характеристики культуры.

Наконец, следует затронуть и вопросы терминологии. Каждой новой культуре обязательно дается название, что подчеркивает ее особый статус. При рождении она как бы получает собственное имя. При его выборе руководствуются одним из четырех принципов: топонимическим, географическим, описательным и этническим. Правильным может быть признан только первый из них, то есть, топонимический. В смысловом отношении он нейтрален и априори не навязывает культуре никаких дополнительных данных. Напротив, географические, описательные и этнические названия несут предвзятую информацию, которая в ходе дальнейших исследований, как правило, не подтверждается. На этот счет существует множество примеров [Бочкарев, 2008. С. 567–568].

В заключение следует сказать, что классификация материала была и будет насущной задачей археологии. От нее невозможно отказаться, но и решить ее до конца также не удастся. Она является неотъемлемой частью нашей науки и будет существовать, и изменяться вместе с ней.

Литература:

Бочкарев В.С. Проблема культурно-исторического содержания археологической культуры // Мавродинские чтения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. СПб., 2008.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии (общество исследователей Рязанского края. Серия методич.). Рязань, 1927. Вып. 6.

Клейн Л.С. Археологическая типология. СПб., 1991.

Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога. Донецк, 2012.

Петерсон Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005.

Пропи В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172. М., 1970.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

Clark D.L. Analytical archeology. London, 1968.

Ли Джи Ын

ИНТЕРЕС К СКИФО-САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЕ В КОРЕЕ¹

В настоящее время термин «скиф» широко известен в Корее, благодаря изящным золотым предметам звериного стиля, найденным в евразийских степях и привлекающим огромное внимание. Особый интерес вызывает также конструкция погребального сооружения с каменной насыпью. Это может быть связано с тем, что в Корее обнаруживаются объекты сходной тематики, а именно предметы звериного стиля раннего железного века и золотые вещи династии Силла эпохи «Трёх царств». Заслуживают внимания также погребальные конструкции этого времени в виде «деревянных ящиков с каменным наполнением». Так как указанные элементы появились в Корее внезапно, то исследователи видят в этом последствия внешних влияний.

В ранней историографии данного вопроса употреблялись термины «сибирско-скифский звериный стиль», «конный народ», «северный народ», «северный конный народ», «северные степные элементы», но не использовались термины «евразийские кочевники», «сарматы». Принципиально важно, какой регион связывается с «севером», а также что означает понятие «конный народ».

Этот термин введен в научный оборот с целью изучения проблемы происхождения японского народа, становления его традиционной культуры и государственности. В 1948 г. японский ученый Эгами Намио высказал предположение о «династии, созданной завоевателями – конными народами», захватившими японские острова в период Кофун [Но Тэ Дон, 1976. С. 144; Ким Чэ Су, 2009. С. 584]. По мнению Э. Намио ранняя культура Кофун, представлявшая собой традиционную земледельческую систему, на позднем этапе своего развития коренным образом изменяется в связи с приходом северных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке «The Korea Archaeology & Art History Research Institute (Пусан, Корея)».

племен, носителей агрессивных кочевых традиций. Пришельцы с Севера объединили местные разрозненные народы и создали в Японии свою конфедерацию. Причем, эта новая так называемая «цивилизация» была транслирована через Корейский полуостров. Доказательствами миграции северного народа служат такие факты как внезапное появление в материалах эпохи раннего железа новых погребальных конструкций, а также необычных изделий, стилиевые особенности которых не типичны для китайской цивилизации, но характерны для степных кочевников.

Немаловажно, что вместо понятий «кочевник», «степной народ» или «евразийские кочевники» в ранней корейской и японской исторической литературе использовались такие дефиниции, как «северный» или «северо-восточный народ», а также «конный народ». В известной мере такой подход отражает традиционное мировоззрение, с глубокой древности укоренившееся в Восточной Азии, это идеология китаецентризма. Древние китайцы считали свою страну центром мира, окруженную четырьмя варварскими народами: восточными «Дунъи», западными «Сижун», южными «Наньмань» и северными «Бэйди». Северян представляли как самых воинственных и кровожадных конных воинов, искусных наездников, часто нападавших на северные китайские провинции. Таким образом, слова «кочевники» и «северяне» становятся синонимами.

Само-собой разумеется, что импортные предметы, находимые в археологических комплексах Кореи и определяемые как скифо-сибирский тип, всегда связывались специалистами с северными регионами. Но географически, в ходе развития исследований, они конкретизировались по-разному: до 1980-х годов чаще всего указывали южные сибирские степи, российский Дальний Восток; начиная с 1990-х годов археологи, изучавшие импорты в материалах древнего царства Кая (юго-восточная Корея), переносили «северные регионы» в центр китайской провинции Гирич и южное Приамурье, то есть в буферное пространство, через которое шли культурные инновации. Однако нет сомнения в том, что объективно к «северным регионам» следует относить и степи Восточной Азии [Кан Ин Ук, 2004. С. 113].

Термин «скифо-сибирский стиль» нередко встречается в корейской литературе [Кан Ин Ук, 2004; он же, 2010. С. 100-101; Archaeology of Russia., 1994. С. 73-83; Ким Вон Рён, 1973. С. 112]. Представление об этом явлении основано на восприятии мира кочевников раннего железного века, простирающегося от Северного Причерноморья до Ордоса. В культурном отношении оно имеет три общих скифских элемента: конные принадлежности, оружие и звериный стиль [Кан Ин Ук, 2010. С. 100-101; он же, 2011. С. 38-39]. Отсюда происходит известное заблуждение корейских специалистов, заключающееся в том, что скифо-сибирская культура является не одним из ло-

кальных вариантов скифских культур, а вообще представляет собой визитную карточку всего скифского мира.

Значительное количество работ в Корее было выполнено с целью определения скифского влияния на формирование местных культур. В частности, предложен тезис о сибирском происхождении бронзовой застёжки в виде лошади, случайно обнаруженной в районе Еындонг области Ёнчон (рис. 1) [Кан Ин Ук, 2004. С. 113; Ким Вон Рён, 1973. С. 112]. По ханьскому зеркалу, которое было найдено вместе с застёжкой, она датируется I в. н. э. Изделия в зверином стиле, найденные в Корее, а также в центральном и северном Китае, считаются предметами, испытавшими скифо-сибирское и гунно-сарматское влияния [Кан Ин Ук, 2010. С. 100–101].

Считается, что пряжки, имеющие Р-образный и В-образный вид, выполненные в зверином стиле VIII–III вв. до н. э., были произведены в евразийских степях. Их основные мотивы – стоящие или терзающие хищники (тигр, леопард). В гунно-сарматскую эпоху (III в. до н. э. – I в. н. э.) появляются прямоугольные пряжки с динамичными сценами охотящихся зверей. Отмечалось также, что основной ареал распространения таких пряжек – восточная часть евразийских степей, в частности, Восточная Монголия, Внутренняя Монголия, Минусинская котловина и Центральная Азия, т. е. территория обитания гуннов. Однако стиль изображения животных на пряжке, обнаруженной в Корее, заметно отличается от евразийского, так что здесь довольно трудно судить о непосредственном степном влиянии. Они могли попасть на территорию Кореи вместе с китайскими импортами в ходе расширения сфер влияния государства Янь [Кан Ин Ук, 2004. С. 116].

Общее понятие о скифской культуре вырабатывалось именно в ходе изучения скифского звериного стиля, повлиявшего, по мнению корейских ученых, на происхождение аналогичной стилистики в древней Корее. Позитивное здесь видится в попытках определения сущности понятия «скифская культура», а также выявления ряда культур, емко отражающих скифский стиль (кобанская, собственно скифская, сакская, алтайская, сарматская, тагарская). Скифское влияние на местные традиции указывалось в сериях металлических изделий: бронзовых навершиях (рис. 2), зеркалах с несколькими «пуговицами» и геометрическими узорами на тыльной стороне, пряжках, а также золотых коронах династии Силла эпохи «Трех царств» в Корее [Ким Мун Джа, 2000. С. 14–17, 22–25].

Значительное влияние на развитие представлений корейских специалистов по данной теме оказала фундаментальная работа Е.В. Переводчиковой «Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи», переведенная в Корее под названием «Скифский звериный стиль». Благодаря этому корейские специалисты получили возможность ознакомиться

ся с материалами прикладного искусства в зверином стиле, полученными при раскопках древних погребений и на территории России, Украины, Казахстана и сопредельных с ними областей.

В IV–VI вв. н. э. в Корее сооружались курганы с высокими земляными насыпями, до 80 м диаметром и 20 м высотой. Их конструкции весьма оригинальны: в погребении имеется деревянный гроб и подобие деревянного сундука, а погребальная камера оснащена срубом и перекрытием. Вся конструкция последовательно перекрывалась каменной и земляной насыпями (рис. 3, 4). В более раннее время на территории Кореи такой тип погребального сооружения не встречался. Некоторыми исследователями предложено их «сибирское» происхождение [Ли Ын Чанг, 1978], «североазиатское степное» [Чой Бён Хон, 1998], обобщенно «северное» [Ли Джонг Сон, 2000] и «скифское» [Государственный музей в Кёнджу..., 2001. С. 11]. Однако, следует отметить большую разницу во времени между сибирскими курганами с подобными конструкциями (V–III вв. до н. э.) и курганами в Силла (IV–VI вв. н. э.).

Примечательны некоторые предметы погребального инвентаря из этих курганов, в частности золотые и стеклянные изделия (рис. 5). Предметы из стекла не характерны для местных культур. Более того, обнаруживается известная идентичность этих новых артефактов римским стеклянным образцам, что, возможно, может служить свидетельством весьма далеких межкультурных связей с Западом, а роль евразийских кочевников позволяет рассматривать как посредническую при транзитной торговле и прочих контактах.

Золотые короны времени Силла, обнаруженные в этих погребениях, также привлекают особое внимание, поскольку вертикально стоящие пластины в их оформлении, являясь упрощенными подражаниями ветвям дерева или оленьим рогам (рис. 6, 7, 8), весьма близки украшениям диадемы из кургана Хохлач. Данное обстоятельство также рассматривается как северное степное влияние на развитие традиций прикладного искусства эпохи Силла [Ли Хан Санг, 2004]. Несколько ранее упомянутый выше автор ошибочно помещал курган Хохлач на территории Сибири, указывая, таким образом, ближайшее сибирское воздействие на традицию Силла. В качестве этнографических аналогий он отмечал также обычай сибирских шаманов украшать свои головные уборы оленьими рогами [Ли Хан Санг, 2000. С. 20, 313, 327].

Известны исследования, посвященные восточно-азиатским импортам в скифо-сарматский мир. В памятниках евразийских степей такими индикаторами являются ханьские зеркала, обнаруженные в курганах Ростовской и Саратовской областей [Ли Джи Ын, Максименко, 2007], нефритовые детали длинных мечей, найденные в Приуралье, Поволжье, Подонье, Прикубанье и на Северном Кавказе [Ли Джи Ын, 2012], кинжалы в золотых ножнах, украшенных драгоценными камнями из Казахстана и афганского Гилгата-тепе

(рис. 9) [Ли Сонг Ран, 2008]. Находки гуннских бронзовых котлов, поступавших на запад из Монголии и Южной Сибири, встречаются по всей южно-русской степи, вплоть до Среднего Подунавья [Джанг Ын Джон, 2013].

Одно из немаловажных направлений в нашей проблематике – это изучение отдельных категорий предметов, происходящих с южных территорий России. Написаны работы по бронзовым жаровням из Приуралья, Поволжья, Подонья, Приднепровья и Северного Кавказа [Джанг Ын Джон, 2013; Ли Джи Ын, 2009] и сарматским зеркалам-подвескам из Поволжья, Подонья и Предкавказья [Ли Джи Ын, 2010], в которых раскрывается содержание сарматской культуры и рассматривается ее распространение на юге России. Но в целом, в научных кругах Кореи вопросы по скифо-сарматской материальной культуре, не связанной с корейской историей, пока не столь актуальны.

Вместе с тем, следует отметить настойчивый интерес корейских исследователей к вопросам межкультурных взаимосвязей и происхождения археологических культур древней Кореи. В большей степени поиски таких взаимодействий обращены к древним культурам Приморского края и Сибири.

Литература:

Но Тэ Дон. О версии захвата японских остров конными народами // Вестник корееведения. 1976. № 4.

Ким Чэ Су. Исследование о появлении версии захвата конным народом по Эгами Намио // Исследование культуры в Северо-Восточной Азии. 2009. Вып. 21.

Кан Ин Ук. О происхождении пряжек для ремня в зверином стиле, найденных в Корее // Журнал археологического общества Хонам. 2004. № 19.

Ким Вон Рён. Очерки корейской археологии. Сеул, 1973.

Archaeology of Russia: Current Status of Archaeological Research and Problems for Future Investigation of Siberia and Far East Area. Seoul, 1994.

Кан Ин Ук. Проникновение звериного стиля в лютнеобразную кинжальную культурную зону // Журнал археологического общества Хонам. 2010. № 36.

Кан Ин Ук. Культурный обмен между корейским полуостровом и скифо-сибирской культурной зоной // Скифское золото: The Gold Treasures of Ukraine. Сеул, 2011.

Ким Мун Джа. Исследование звериного стиля на скифских украшениях // Корейская ассоциация домашней экономики. Сеул, 2000. № 38-8.

Ли Ын Чанг. Отчет о раскопках кургана в районе Гуамдонг // Архив университетского музея Ённам. 1978.

Чой Бёнг Хон. О происхождении погребений с деревянным ящиком и каменной засыпью // Журнал исторического общества при университете Сунгсиль. Сеул, 1998.

Ли Джонг Сон. Исследование Древней Силла. Сеул, 2000.

Золото Силла // Государственный музей в Кёнджу. Кёнджу, 2001.

Ли Хан Санг. Происхождение золотых и стеклянных изделий из погребений с деревянным ящиком и каменной насыпью // Культура Силла. 2004. № 23.

Ли Хан Санг. Силла, жители Силла и золотые изделия // Золото Силла. Кёнджу, 2000.

Ли Джи Ын, Максименко В.Е. Восточные предметы в сарматских погребениях на Дону (Юго-Восточная Европа) // Сборник им. Сокданг. Пусан, 2007. № 38.

Ли Джи Ын. Проникновение нефритовых деталей мечей сарматского времени в Юго-западную часть евразийских степей // Материальная культура Восточной Азии: сборник статей в честь 70-летия проф. Сим Бонг Гын. Пусан, 2012.

Ли Сонг Ран. Пути распространения кинжалов в золотых ножнах, украшенных драгоценными камнями // Исследования по истории искусств. 2008. № 258.

Джанг Ын Джон. Изготовление и распространение гуннских бронзовых котлов // Исследования по Центральной Азии. 2013. Вып. 3–2.

Ли Джи Ын, Максименко В.Е. Бронзовые жаровни, найденные в западной части евразийских степей в раннем железном веке // Исследование материальных культур. 2009. № 15.

Ли Джи Ын. Сарматские зеркала, изготовленные под Ханьским влиянием на юге России // Исследование материальных культур. 2010. № 18.

Скифское золото. The Gold Treasures of Ukraine. Сеул, 2011.

Рис. 1. Бронзовые пряжки в зверином стиле

Рис. 2. Бронзовые наворачия. 1, 2 - из Нонсан; 3, 4 - из Докчон; 5, 6 - из Чопори; 7, 8 - из Джукдонгри; 9 - из фондов гос. центр. музея; 10 - из Синчондонг

Рис. 3. Общий вид царских курганов (Кёнгджу, Корея)

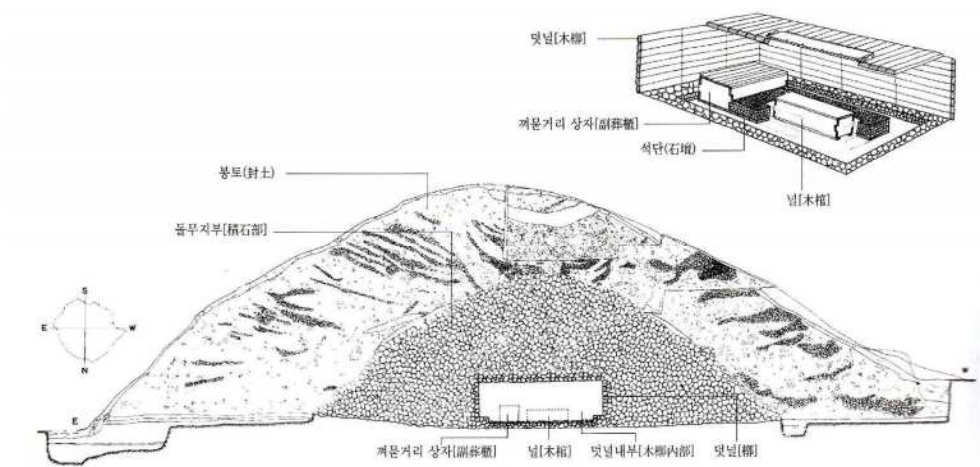

Рис. 4. Схема царского кургана с деревянными ящиками и каменной насыпью

Рис. 5. Стекланные изделия из кургана Хванамдэчонг (Кёнгджу, Корея)

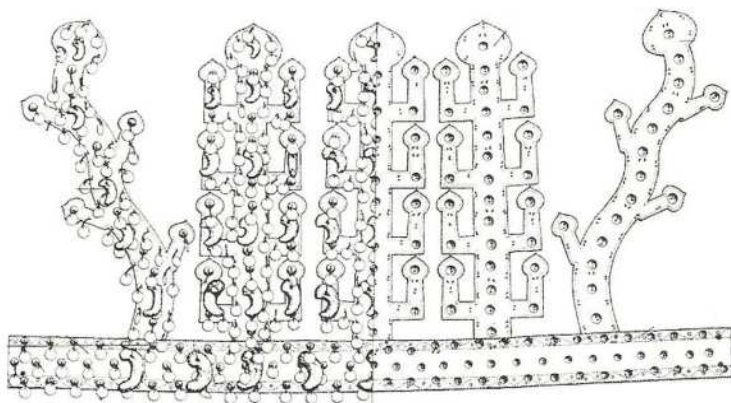

Рис. 6. Развернутый вид золотой короны в царстве Силла

Рис. 7. Золотая корона из кургана Собонгчонг (Кёнгджу, Корея)

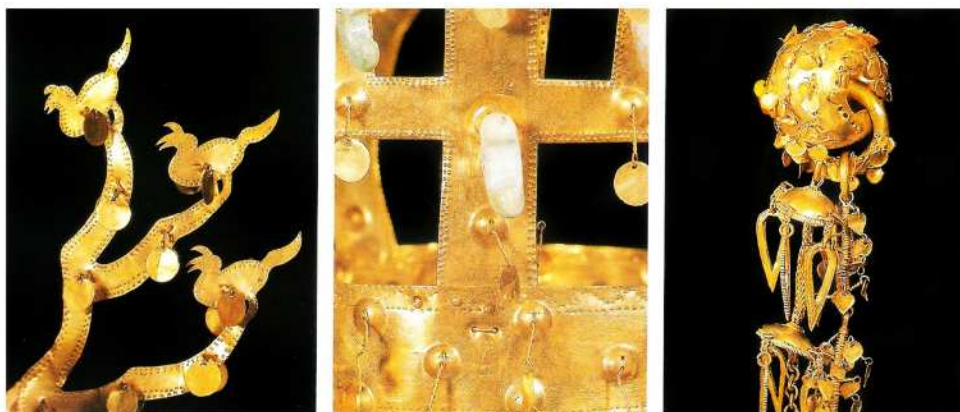

Рис. 8. Детали золотой короны из кургана Собонгчонг

Рис. 9. Кинжал из кургана № 14 Кёримро (Кёнгджу, Корея)

Рис. 10. Золотой браслет из кургана Хванамдэчонг (Кёнгджу, Корея)

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АО – Археологические открытия
БСЭ – Большая советская энциклопедия
ВАК – Всероссийская аттестационная комиссия
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА – Институт археологии
ИА РАН – Институт археологии
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИНВИК – Известия Нижне-Волжского института краеведения
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НЕ СГУ – Научный ежегодник СГУ
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
ОЛ – Открытый лист
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология

СГУ – Саратовский государственный университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при
Саратовском университете
УЗ СГУ – Ученые записки СГУ
ЭКМ – Энгельсский краеведческий музей
ИАКН – Институт археологии и культурного наследия СГУ
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Дрёмов И.И.* Проблема выделения и интерпретации погребений
рубежа средней и поздней бронзы степного Поволжья 5
- Кочерженко О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л.*
О феномене «баночного ренессанса» в керамическом комплексе
срубной культуры Нижнего Поволжья..... 23
- Малышев А.Б.* К вопросу об интерпретации золотоордынской
«поэмы» на бересте, найденной у села Подгорное 41
- Рогудеев В.В.* Медальоны среднего и позднего бронзового века
(к атрибуции соляных медальонов «Чакра»)..... 64
- Хреков А.А.* Позднеэнеолитические памятники
лесостепного Прихопёрья.112

ПУБЛИКАЦИИ

- Баринов Д.Г.* Поселение и могильник XIII–XIV века
у села Белогорское149
- Кузнецова Е.В., Лопатин В.А.* Исследования на Ахмате.160
- Лопатин В.А., Леонтьева А.С., Четвериков С.И.* Богатыревский клад179
- Малов Н.М.* Кованый наконечник копья начала эпохи
поздней бронзы из кургана близ хутора Готовицкого193

ЗАМЕТКИ

<i>Бочкарев В.С.</i> Значение классификации в современной археологии.....	206
<i>Ли Джи Ын</i> Интерес к скифо-сарматской культуре в Корее.....	213
Список сокращений	226
Содержание	228
Сведения об авторах.....	230

Сведения об авторах:

Баринов Дмитрий Геннадьевич – АННИО «Центр краеведения», зам. директора (Энгельс).

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (С.-Петербург).

Дрёмов Игорь Иванович – кандидат исторических наук, Научно-производственный центр (Саратов).

Кочерженко Ольга Васильевна – (Саратов).

Кузнецова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, зав. музеем археологии ИАКН СГУ (Саратов).

Леонтьева Анна Станиславовна – аспирант ИА РАН (Москва).

Ли-Джи-Ын – аспирант Ставропольского университета (Сеул, республика Корея).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мальшев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Рогудеев Василий Васильевич – Ростовская обл. инспекция по охране и эксплуатации памятников истории и культуры (Ростов-на-Дону).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук (Саратов).

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).

Четвериков Станислав Иванович – документовед ИИиМО СГУ (Саратов).

Шабанов Виктор Леннарович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Ин-та аграрных проблем РАН (Саратов).

**КАФЕДРА ИСТОРИОГРАФИИ, РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

На кафедре историографии, региональной истории и археологии Саратовского государственного университета продолжается издание сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории восточно-европейских степей.

Требования к оформлению статей

- Объем: до 1–1,5 п. л.
- Обязателен печатный и электронный варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.
- Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу.
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.

- Название статьи набирается заглавными буквами, выделяется жирным шрифтом и печатается по центру.

- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».
- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

- Печатный экземпляр должен быть подписан автором.

Статьи можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра историографии, региональной истории и археологии.

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez @yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание
АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 11

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать. 29.06.2015. Формат 70x100^{1/16}
Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.
Усл. печ. л. 18,70 (14,5). Уч.-изд. л. 9,07. Тираж 150 экз. Заказ №

Типография Саратовского государственного университета.
410024, г. Саратов, ул. Б.Казачья, 112а